

Постоянная профильная комиссия по взаимодействию
с Русской Православной Церковью в составе Совета по делам казачества
при Президенте Российской Федерации

Синодальный комитет Русской Православной Церкви
по взаимодействию с казачеством

Ставропольская и Невинномысская епархия

**ПРАВОСЛАВИЕ —
ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫЙ СТЕРЖЕНЬ
КАЗАЧЬЕГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ**

**Материалы
Первой Межрегиональной научно-практической конференции**

16–17 августа 2011 г.

г. Ставрополь

УДК 271.2:355:17.02
ББК 86.372:68.49 (2Рос) 3:87.7
П 68

**Под общей редакцией Преосвященного Кирилла,
епископа Ставропольского и Невинномысского**

Составители: *Крючков В.К.*, кандидат философских наук, доцент, ответственный секретарь Синодального комитета Русской Православной Церкви по взаимодействию с казачеством;
Котина И.А., руководитель учебно-методического сектора Синодального комитета Русской Православной Церкви по взаимодействию с казачеством, старший научный сотрудник Нижегородского института развития образования.

П 68 Православие — духовно-нравственный стержень казачьего мировоззрения: Материалы Первой Межрегиональной научно-практической конференции. — Ставрополь, 2011. — 144 с.

ISBN

В сборнике представлены материалы Первой Межрегиональной научно-практической конференции, в которых обобщен опыт совместной работы священнослужителей, казачьих организаций, педагогов по формированию духовно-нравственной культуры и гражданскому становлению личности на основе казачьего этнокомпонента, выработке единых научно обоснованных подходов к истории казачества, сохранению и развитию семейных и культурных традиций казачества, развитию казачьей экономики.

Издание адресовано педагогической общественности, представителям духовенства, казачества, науки, культуры, бизнеса, а также всем, кто считает возможным использовать воспитательный и образовательный потенциал исторического, культурного и духовного наследия казачества в воспитании детей и молодежи, развивать семейные, культурные и исторические традиции казачества, возрождать казачью экономику.

Статьи напечатаны в авторской редакции.

УДК 271.2:355:17.02
ББК 86.372:68.49 (2Рос) 3:87.7

© Авторы, 2011
© Ставропольская и Невинномысская епархия, 2011
© Синодальный комитет Русской Православной Церкви по взаимодействию с казачеством, 2011

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО
Его Преосвященства
Преосвященнейшего Кирилла,
епископа Ставропольского
и Невинномысского,
председателя Синодального комитета
Русской Православной Церкви
по взаимодействию с казачеством

Сердечно приветствую всех вас, собравшихся на ставропольской земле для участия в работе Первой Межрегиональной научно-практической конференции «Православие — духовно-нравственный стержень казачьего мировоззрения».

Тема конференции обозначена не случайно. Именно в плодотворном взаимодействии Церкви и казачества закладывается сегодня фундамент здоровой духовной жизни каждого казака и всего казачества.

Возрождение казачества идет на всем каноническом пространстве Русской Православной Церкви; безусловно, начало этому процессу положила инициатива Патриарха Кирилла взять казачество под свой омофор, под свое духовное водительство. Эти слова, сказанные Предстоятелем в Новочеркасске в 2009 г., глубоко запали в сердца казаков, где бы они ни жили: в России, в бывших республиках Советского Союза или в странах дальнего зарубежья, где они оказались по промыслу Божию.

«Сам факт возрождения казачества говорит нам о действии благодати Божией в человеческой истории... Именно в казачестве преемственно сохранялись патриотизм, глубокая воцерковленность, жертвенная готовность защищать наши ценности. Именно поэтому казачество и подверглось жесточайшим репрессиям, пострадав, может быть, больше, чем какая-либо иная социальная группа старого общества», — сказал Святейший Па-

триарх Кирилл на заседании Совета по делам казачества при Президенте РФ.

В истории казачества было много чудес. Чудо — это когда Бог Свою силу и Свою энергию соединяет с человеческой силой и человеческой энергией, когда Свою Божественную волю по свободной воле человека соединяет с человеческими деяниями. Тогда умножаются силы и совершаются великие деяния.

Слово «казак» означает «вольный человек, любящий волю, любящий свободу». Собственно, так и возникло казачество, когда на эти южные земли стали переселяться те, кто любил свободу и волю. Поскольку земли были богатыми, то их надо было защищать. А потому с самого начала эти любящие волю и свободу люди вынуждены были силой оружия защищать свои дома и свои семьи. Но не все из них стали казаками. Любящие вольницу очень часто становились разбойниками. Известно, как много добра приносили эти люди, которые жили по своему разумению, по своему хотению и произволению, нередко употребляя ту же силу оружия для того, чтобы творить беззакония.

А чем же казак, вольный человек, отличался от разбойника, вольного человека? Почему казаки боролись с разбойниками? Ведь и те, и те любили волю, имели оружие, защищались. Почему одни стали называться казаками, а другие — разбойниками? Потому что казаки поняли, что одной свободы мало. Если человеку все дозволено, то человек становится зверем. Если не контролировать свою свободу, то начнешь жить по закону греха, творить беззакония и приносить зло. Казак — это вольный человек, который свою свободу и свою волю подчинил Божию закону. Вот почему без веры православной нет и казачества. Так было в древности, так и сейчас. Если подставляет казак свою волю под волю Божию, если живет по закону, то тогда исполняет великие Божии слова.

Господь говорил о том, что Его учеником является тот, кто слово Его соблюдает. И именно таким ученикам открывается истина. И говорит Господь: «Познаете истину, и истина сделает вас свободными» (Ин. 8, 32). Не человеческое понимание свободы, не раскрепощение греха, похоти и страстей, а свобода во Христе, свобода, подчиненная нравственному закону. Тогда свобода соединяется с ответственностью, тогда любящий свободу человек

становится казаком, а не разбойником. А тот, кто подставляет себя под закон Божий, начинает жить этим законом. И возникает любовь в сердце к людям, к своим ближним, родным, к своему Отечеству. Вот почему казаки всегда служили Отечеству — потому что свою свободу соединяли с нравственным Божиим законом, жили по совести. А как же жить по совести и не любить народ свой? Как же жить по совести и не любить Отечество свое? Вот потому свободным произволением брались они за меч, за пашку свою казацкую, когда надвигалась опасность над народом и над страной, и жизни своей не щадили, отстаивая свободу Отечества, сохраняя его независимость, непоколебимыми рубежи его.

За верность Богу, Церкви Православной, за жизнь по совести, за верность присяге и Отечеству пострадало казачество так, как, может быть, никто иной на земле нашей. И многим казалось, что память о казачестве погибнет и никогда сотни и сотни облаченных в казацкую форму не преклонят больше колен перед Господом и не обратят свою молитву к Царице Небесной. Но совершилось и это чудо. И сегодня мы как народ, может быть, не так быстро, как хотелось бы, но поворачиваем лицо свое к Богу, начинаем понимать, что жизнь человека может быть счастливой и радостной только тогда, когда свободу свою, Богом ему дарованную, он соединит с верностью Божию закону и когда будет любить свое Отечество и своих ближних.

Пробуждается и возрождается казачество наше. Много еще испытаний и, наверно, проблем, которые нужно преодолеть и решить. Есть силы, которые хотят расколоть казачество и ослабить его силу. Но самое главное должны помнить — и казаки, и все мы: если хотим, чтобы совершалось над нами чудо Божие, чтобы Бог приклонял к нам Свою милость, мы должны хранить веру в сердце, жить по совести, по Божию закону, любя друг друга и любя Отечество наше. И тогда никакие соблазны, никакие человеческие страсти, никакая борьба за власть, в том числе и в казачьем сообществе, не будут страшны, потому что будет являться Божия правда. И казачье сообщество будет сильным и непоколебимым, будет мощной опорой государства Российского, поддержкой Церкви, примером для народа.

В Послании к Галатам апостол Павел размышляет о том, что является плодом духа, то есть что является плодом веры, кото-

рая возгревает дух человеческий, внутреннюю жизнь оплодотворяет благодатью Духа Божиего. И удивительные слова произносит Апостол: «Плод же духа: любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера» (Гал. 5, 22). Вдумайтесь, любовь — плод духа! Радость, вдумайтесь, радость — плод духа; не развлечение по телевидению, а только плод духа. Мир — никакого мира не будет, если люди не будут жить по закону духа. Долготерпение — как же нам нужно уметь терпеть, ни одна победа без терпения не обходилась. Благость — как мы нуждаемся в благости в отношении друг к другу, к окружающей нас природе, к миру Божию, к живым существам; как нам не хватает этой благости, когда вместо нее приходит жестокость и способность убивать людей в мирное время, даже детей, несчастных крошек. Вера, кротость, воздержание — все это плоды духа.

Ставропольская земля всегда была непростым регионом. Здесь проживали люди разных национальностей и вероисповедания. Но они умели жить в мире. Горцы с уважением относились к казакам, к их укладу жизни, морали, устоям, самоорганизации. А что казаки? А казаки с уважением относились к горцам, к их моральным устоям, к их нравственности, к их образу жизни. И получилось удивительное взаимодействие. Там и там сильная мораль, сильные традиции, сильная вера. С одной стороны — мусульмане, с другой стороны — православные. Жили-то дружно вместе! Поэтому мне кажется, что тема возрождения нравственных основ нашей национальной жизни, перевод этой темы с плана второстепенного на первостепенный, развитие национального самосознания, религиозности людей, их верности своим нравственным законам и принципам одновременно формируют, конечно, духовно сильную личность, которую будут все уважать.

Казаки всегда уделяли большое внимание подрастающему поколению, а иначе и нельзя: «Добрые дети — дому венец, а злые — конец!» Традиционно забота о детях в казачьих семьях не сводилась только к тому, чтобы накормить, обуть и одеть своих сыновей и дочерей. Казаки стремились к тому, чтобы передать детворе свою любовь к отчому краю, уважительное отношение к старикам, верность православной вере и своей казачьей присяге.

На всех исторических этапах существования Российского государства одним из главных направлений деятельности образовательных учреждений являлось воспитание настоящих патриотов — людей, готовых творчески созидать на родной земле, а при необходимости защищать ее от неприятелей. Сегодня, как и в прежние времена, наше государство традиционно обращается к образовательным учреждениям с важным социальным заказом на воспитание у детей и подростков патриотизма, подготовку их к будущей службе Отечеству на военном и гражданском поприще. Именно этот социальный заказ стал во главу нашей деятельности по возрождению и развитию казачьего образования. Надеюсь, что скоро мы сможем уже говорить о популярности и высших казачьих учебных заведений.

С кем взаимодействуют казачьи образовательные учреждения при организации воспитательной работы с молодежью? Большую роль в духовно-нравственном воспитании детей и подростков играют священники, которые окормляют деятельность казачьих образовательных учреждений. Воспитанию лучших нравственных, патриотических и эстетических качеств казачьей молодежи служит и учебный предмет «Основы православной культуры», который включен в основное расписание всех казачьих кадетских учебных заведений отдельным предметом.

Характерной особенностью казачьей системы воспитания является высокая значимость духовно-идейных факторов (идей, идеалов, ценностей), исходящих из Православия, выражающихся в общем смысле казачьего образа жизни: защите, сбережении православной цивилизации и актуализации на данной основе личностного образа, соответствующего этому высокому статусу. Реализация поставленной цели с необходимостью предопределила воспитание свободной, самодостаточной личности — человека казачьей культуры, осознающего свое жизненное предназначение и ответственность перед казачьим обществом и Всевышним.

В системе ценностей казачества исследователи-казачеведы первое место справедливо отводят православной вере. Помимо основного своего мировоззренческого значения Православие пронизывало многие стороны жизни казачьего войска, станичной общины, семьи.

Все это и многое другое говорит о том, что православная вера — основа глубинных традиций казачества. Она была и остается великим достоянием народа, а не поверхностным явлением, неразрывным якобы извне.

Надеюсь, что эта конференция еще раз поможет казакам осознать, какую силу они представляют и какую ответственность несут — на благо Православия и Отечества.

Дорогие друзья и соратники! Называю вас этим именем, потому что верю, что вы в своей жизни воплотите тот нравственный идеал, к которому призывает Церковь, и станете верными и преданными защитниками Православия, казачества и России!

«Я много раз говорил, что казак — это не тот, кто носит казачью форму, а тот, кто дух казачества содержит в себе. А этот дух неразрывно связан с православной верой — горячей, сильной верой, с такой же горячей любовью к Родине, с готовностью защитить свой народ, свою страну», — подчеркивает Святейший Патриарх.

По мысли Его Святейшества, можно провести параллель между казачеством и монашеством в миру: «Не все ведь монахи живут в монастырях — есть и те, кто пребывает в миру, кто занимается своими делами — служит на приходах, занимается наукой, образованием, но остается при этом монахом. Вот так и казаки. Они ведь тоже в миру — живут со своими семьями, работают на разных работах, но в душе они должны оставаться казаками. И когда Родина или Церковь скажут, что нужна казачья доблесть и сила, они всегда должны быть готовы встать на защиту народа своего, Отечества своего».

Сегодня православные храмы становятся местом духовной консолидации казачества, именно в этих стенах казаки получают от Бога силу быть верными своему призванию.

В настоящее время есть немало людей, которые не просто атеисты, что неудивительно после советского периода, но уклоняются в расколы от Православной Церкви и в язычество. И они при этом, несмотря на 500–600 лет неразрывной связи казачества с Русской Православной Церковью, смеют называть себя казаками.

Я обращаюсь ко всем присутствующим! Разве это возможно? Недавно в городе Подольске небольшой группой так называемых

«казаков» вместе с раскольным «лжеепископом» была образована «казачья автокефальная церковь». Причем было сказано, что это «воссоздание казачьей церкви». Это полная ложь, так как никогда в истории не было такой церкви.

На территории Ставрополя есть казаки-язычники. И все это заставляет нас говорить о том главном духовном стержне — Православии — в духовной жизни казачества. И стоит назвать самозванцев своими подлинными именами и донести до казачества, кто они на самом деле, и сказать о том, что они никогда не были казаками и не являются таковыми сегодня.

Желаю конференции плодотворной работы!

Благословение Божие да сопутствует вам во всех благих делах и начинаниях!

ПРИВЕТСТВИЯ

Аппарат полномочного представителя Президента Российской Федерации в Северо-Кавказском федеральном округе

Уважаемый Владыка, уважаемые друзья!

Позвольте приветствовать всех организаторов и участников конференции и поблагодарить вас за поднятую тему: казачество как носитель Православия и Православие как духовная сила казачества неотделимы друг от друга вот уже на протяжении нескольких столетий.

Причем здесь, на Кавказе, эта связка между Православием и казачеством была и остается особенно очевидной. В наших краях немало было священников, духовных лидеров, которые оставили о себе глубокую память в казачьей среде. Например, протоиерей Черноморского казачьего войска (начала XIX в.) Кирилл Васильевич Российский, пользовавшийся беспрекословным авторитетом среди казаков. Вот его слова: «Бог вам помощник: дерзайте, бодрствуйте, мужайтесь. Ваша вера, твердость и постоянство ваше в повиновении власти, в наполнении знания вашего доставят [вашему] оружию верные успехи, их увенчают славою Отечество, Бог и государь». Эта проповедь протоиерея, по свидетельству историков, помогла казакам одержать не одну победу.

Мы живем в другое время, когда основные победы куются не оружием, а знанием. Место войн заместила конкуренция в экономике, в информационной сфере. И проигрывает наше общество сегодня в первую очередь информационную и психологическую войну, войну между культурами — традиционной российской и заокеанской глобалистской.

Поэтому умное, глубокое пастырское слово сегодня необходимо в не меньшей степени, чем во времена покорения Кавказа. В том, чтобы нести это слово в народ, сегодня, на наш взгляд, состоит едва ли не главная миссия Церкви. И разумеется, именно казачество должно быть одним из центральных адресатов пра-

вославленной проповеди. Потому что казачество сегодня очевидно нуждается в поддержке. В том числе со стороны государства. И эта поддержка с каждым годом все расширяется. Реализуется Концепция государственной политики в отношении казачества, все активнее привлекаются казаки к несению государственной службы — от защиты границ и охраны правопорядка до экологического мониторинга. Расширяются возможности по развитию бизнес-структур казачьих обществ.

Но государство может далеко не все. Разрабатывая механизмы поддержки казачьих обществ в регионах, аппарат регулярно сталкивается с проблемами, решение которых не может лежать только в материальной плоскости. Это прежде всего касается уровня рождаемости: во многих казачьих поселениях сегодня преобладают старики, которым можно и нужно помогать, но которые не смогут строить новые общественные или экономические институты.

Как вернуть казакам желание продолжать род, формировать семьи с тремя-четырьмя-пятью детьми, расширять свое демографическое присутствие на Кавказе? Я думаю, ответ на этот вопрос лежит в психологической, а в конечном итоге — в духовной плоскости.

Есть и проблема социального иждивенчества, в которое погрузилась немалая часть казаков. Да, у нее есть объективные предпосылки: в регионах Северного Кавказа достаточно долго сохранялась экономическая депрессия. Но каждый православный человек может и должен знать про пагубность греха уныния, неверия в собственные силы. И в преодолении этой социальной апатии просматривается огромный потенциал для Церкви.

Уважаемые друзья! Еще раз благодарю вас за проведение столь важной и нужной конференции. Искренне желаю вам содержательной и продуктивной работы. И пусть то, что сегодняшнее мероприятие проходит в канун большого праздника — Преображения Господня, всем нам придаст сил и настойчивости в достижении поставленных благих целей.

Главный федеральный инспектор в СКФО
Александр Владимирович Коробейников

Администрация города Ставрополя

Уважаемые участники конференции!

Рад возможности принять участие в конференции «Православие — духовно-нравственный стержень казацкого мировоззрения».

В своем выступлении на заседании Совета по делам казачества при Президенте РФ 14 октября 2009 г. Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл сказал: «До революции казаки много потрудились во благо веры и Отечества. В XX веке эта традиция была насильственно прервана, и семь десятилетий казачество практически искоренялось в его первоначальных формах и в его традиции. Но в конце прошлого века казацкие традиции пережили свое второе рождение. И сегодня казачество вновь помогает стране и Церкви, укрепляет рубежи нашей Родины, воссоздает ее воинскую славу и доблесть.

Сам факт возрождения казачества говорит нам о действии благодати Божией в человеческой истории. Происходит настоящее чудо, ведь русское казачество пытались истребить едва ли не поголовно. В представлении тогдашней власти казаки были наиболее крепкой в вере частью общества. Это действительно было так. Именно в казачестве преемственно сохранялись патриотизм, глубокая воцерковленность, жертвенная готовность защищать наши ценности. Именно поэтому казачество и подверглось жесточайшим репрессиям, пострадав, может быть, больше, чем какая-либо иная социальная группа старого общества.

Тем не менее люди, воспитанные уже в послереволюционных школах, вне всякого религиозного влияния, оказались способны возродить институт и сам дух казачества с его верностью Православию и Отечеству. Конечно, процесс возрождения казачества проходит не без издержек. Есть проблемы на стыке отношений между казаками и государством. Есть проблемы и в отношениях между Русской Православной Церковью и некоторыми казацкими организациями. Есть проблемы внутри самих казацких формирований и между ними.

Годы возрождения казачества вместили в себя успехи и трудности, споры и поиски согласия. Но главный итог, который можно подвести сегодня, состоит в том, что в новых исторических обстоятельствах казаки делом доказали, что они нужны России. Страна и народ увидели, что казачество — это не только часть истории, но и возможность для новых свершений. И теперь важно, чтобы казаки сами прочувствовали свои обязательства перед страной и готовность ей служить».

История Ставрополя более двух столетий неразрывно связана с казачеством, так как главным первопроходцем, пионером в освоении Северного Кавказа был казак — верный слуга Российского государства, а казачьи станицы не только являлись силовой и хозяйственной опорой этой политики, но и впоследствии стали центрами казачьей культуры и традиций, которые в крае хранят как чистый источник жизни. Ставропольское казачество и сегодня — наиболее активный социальный слой, решающий важные задачи по сохранению духовных и культурных ценностей. Именно поэтому одной из приоритетных задач администрации города Ставрополя и правительства края является возрождение, сохранение и развитие казачьей культуры.

Что же касается связи Церкви и казачества, то хотел бы сказать о самом главном. Перед Церковью стоит очень большая задача — воцерковление наших казаков. Быть православным — это не значит фольклорно исполнять традиции, быть православным — это не только уметь креститься и снимать шапку в храме. Быть православным — это значит сопрягать в первую очередь нравственный Божий закон со своей жизнью. То, чем всегда было сильно казачество, — сила духа, а без сильной веры не может быть сильного духа. Вот почему и существовала такая органическая связь между Церковью и казачеством. И так важно, чтобы эта связь сегодня укреплялась.

«Находясь на страже мира и спокойствия народа России, казачество во все времена черпало свою силу в православной вере. Русская Православная Церковь благословляла ратные подвиги своих верных сынов, не щадивших крови и самой жизни на полях сражений. Очень важно, чтобы и в наши дни казачество хранило верность исконным православным традициям. Без хранения веры, без духовной ревности, без твердой опоры на духовные

и нравственные ценности невозможно не только возродить казачество, но и само казачество невозможно», — сказал Святейший Патриарх Кирилл.

Я хотел бы всех вас призвать к тому, чтобы данная конференция помогла сделать принципиально новые и важные шаги к консолидации казацкого братства, к развитию и усилению роли казаков и Православия. И пусть помогает нам в этом Господь!

Первый заместитель главы администрации
города Ставрополя

Андрей Хасанович Джатдоев

Ставропольское казачье войско Союза казаков России

Ваше Преосвященство, отцы честные,
братья казаки!

Двадцать первый год идет становление российской казачества. А что мы в сущности про казачество знаем? Историю? Но она преимущественно касается XII–XX вв., и притом писали ее, как правило, скажем так... не казаки.

А раньше? Документов не сохранилось, они либо сгорели, либо пропали. Есть свидетельства, что много таковых сгорело при пожаре в Черкасках в конце XVIII в. В 2004 г. в станице Гниловской, что ныне в черте города Ростова-на-Дону, состоялась научно-практическая конференция, посвященная истории казачества. Ученые пришли к выводу, что в низовьях Волги, Урала, Дона и Днепра люди жили всегда. Более того, туда стремились, потому как эти места практически не знали голода. По образному выражению летописца, «весло стояло в воде от обилия рыбы»...

А еще, чтобы сохранить себя в истории и в потомстве, народ, живущий в этих местах, должен был выработать свои особые способы самозащиты. Так состоялся народ-воин.

Но, рискуя жизнью, сам несущий смерть, казак, чтобы не ожесточиться и не превратиться в зверя в человеческом облике, должен был иметь крепкий и надежный духовный стержень. И он нашел его в Святом Православии.

Есть немало свидетельств того, что православные храмы появились в этих местах задолго до принятия христианства на Руси в 988 г. Характерно, что у казаков отношение к вере было не просто серьезным, а очень серьезным. Во многих источниках сказано, что донские казаки, взявшие крепость Азов в 1637 г., просили у первого царя из династии Романовых Михаила, наряду с порохом, пушками и припасами... православных священников и богослужебные книги. И вплоть до наступления времен богоборческих казак особо перед иерархами и священниками шапки не ломал, но без веры православной не мыслил ни себя, ни чад и домочадцев своих, а главным местом казачьего поселения (станицы)

цы ли, хутора ли) был построенный на самом видном месте православный храм. И возведение станиц, хуторов на новых местах начиналось с храма.

Но так сложилась история, что уже в начале XX в. Православие в казачьих областях и Православие в той же Центральной России представляли собой некоторую разницу, что выявилось в ходе революции 1905 г. Главные ее события — разгромы и поджоги помещичьих усадеб, самовольный захват земли. А в те времена всеобщего бездорожья, больших расстояний и растянутых коммуникаций самой мобильной, подвижной и скоростной силой в руках властей были казачьи команды. И горе было тому селу, где громились и грабились храмы (официально это именовалось «осквернение православных святынь»), — казаки поступали с виновными люто и жестоко, настолько немислимо было это для казаков.

В романе М. Шолохова «Тихий Дон» есть эпизод, где дед Гришака говорит, что пришла власть безбожная. И нет определения страшнее, когда никаких нравственных и духовных ограничений нет, а человек становится на четвереньки, превращаясь в зверя.

Эта власть прошла по трем поколениям казаков, когда в 1990 г. занялась заря казацкого возрождения и в Москве состоялся 1-й Учредительный Круг Союза казаков России (36 участников Круга были нашими ставропольскими казаками). В пяти храмах нам отказывали в благословении решений Круга. И только в шестом батюшка осмелился, благословил. С самого начала стало ясно, насколько мы в делах веры отличаемся от предков наших, ведь сейчас в абсолютном большинстве своем казак воспринимает Православие скорее разумом. А тот казак воспринимал душой и сердцем.

Плохо ли, хорошо ли, но вот уже 21 год, как возрождаемся. Наши казаки заново отстроили храм в селе Рагули, сожженный в 1937 г., строим войсковой храм в селе Надежда. У нас много друзей и доброжелателей в среде православных священников по всему краю, да и за его пределами. И рады, что наконец все казаки, к какой бы организации ни принадлежали, суть чада Христовы.

Скажу еще, что не всегда так было, но от подробностей воздержусь. И соблюдая нормы православной этики, казаки находили способы противодействия тому, что считали несправедным.

Далеко не все казаки умудрены в вопросах теологии, не все знают, кто такие Нил Сорский и Иосиф Волоцкий, но большинство знают и понимают, что Святое Православие — тот духовный стержень, который еще остался у русского народа. И наш идейный враг Бжежинский подтвердил это публично. А потому нам ясен деструктивный и разрушительный характер всякого рода сект, как и того подольского блудилища, организованного якобы казаками, — настоящие казаки на такое не пойдут.

Мы, казаки Ставропольского казачьего войска, твердо заявляем: мы веры православной! И мы четко знаем: для кого Церковь не Мать, для того Бог не Отец!

Атаман Ставропольского казачьего войска
Союза казаков России, казачий полковник СКР
Дмитрий Владимирович Стригунов

ДОКЛАДЫ УЧАСТНИКОВ КОНФЕРЕНЦИИ

Православие — основа духовности казачества Ставрополя, Кубани и Терека и ее разрушение в условиях советской диктатуры 20–30-х годов

Беликов Г.А., старший научный сотрудник Ставропольского краевого музея-заповедника им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе, доцент, член Союза писателей России, казачий есаул

К началу революционных событий Ставропольская епархия включала в свой состав две обширные административно-территориальные единицы — Ставропольскую губернию и Кубанскую область. В течение 23 лет ею управлял архиепископ Ставропольский и Екатеринодарский Агафодор (Преображенский). На территории епархии находилось три викариатства: Кубанское и Екатеринодарское, под руководством епископа Иоанна (Левицкого), Ейское и Александровское. Во главе последнего стоял ближайший помощник престарелого архиепископа епископ Михаил (Космодемьянский).

Практически в каждом населенном пункте епархии было несколько храмов. В Ставрополе, Екатеринодаре, Владикавказе и других городах располагались большие духовные школы, крупнейшей из которых была Ставропольская духовная семинария. Пятнадцатого августа 1917 г., в праздник Успения Пресвятой Богородицы, в Успенском соборе Московского Кремля открылся Всероссийский Поместный Собор.

От Ставропольской епархии в работе столь представительного собрания приняли участие правящий архиерей — архиепископ Агафодор, священники Николай Тимофеевич Карташев, Григорий Петрович Ломако, преподаватель Яков Дмитриевич Сперанский и казак Марк Никифорович Шарко.

Одиннадцатого октября на пленарном заседании председатель отдела Высшего церковного управления епископ Астраханский Митрофан выступил с докладом, которым открывалось главное событие в деяниях Собора — восстановление Патриаршества. После обширных прений и нескольких этапов голосования 5 ноября в Храме Христа Спасителя путем жеребьевки был избран Патриарх всея Руси, которым стал митрополит Московский Тихон (Белавин). В годину начала страшной эпохи бед и гонений Русская Церковь получила крепкого стражника нивы Христовой.

В ответ на кровавые события Октябрьской революции Патриарх Тихон обратился к своей пастве с Соборным посланием «О спасении державы Российской от революционных потрясений», в котором призывал народ к миру, согласию и исполнению всех нравственных заповедей Православия.

Между тем декретами от 16 и 18 декабря 1917 г. и от 20 января 1918 г. Рабоче-крестьянское правительство провозгласило свободу совести и вероисповеданий и отделило Церковь от государства и школу от Церкви. Религия была признана частным делом граждан, Церковь потеряла право участия в государственной деятельности.

Новая власть, исходя из декрета «Об отделении Церкви от государства и школы от Церкви», начала по сути изощренный грабеж церковного имущества, накопленного за многие века Русской Православной Церковью.

Одновременно от Патриарха Тихона требовали признания советской власти. Как писал известный историк Михаил Вострышев: «Признавать советскую власть Патриарх не спешил, ибо все чаще ему поступали горчайшие из горьких вестей... Киевский митрополит Владимир, еще недавно вручавший ему посох Святого митрополита Петра, изуродован, раздет и расстрелян. Петербургский митрополит Вениамин, избранный Патриархом Тихоном на случай своего ареста или смерти заместителем, расстрелян. Тобольский епископ Гермоген, в свое время сосланный царем в ссылку, теперь за попытку вызволить из ссылки того же царя живым привязан к колесу парохода и измолочен лопастями. Превращен в ледяной столб, сброшен в прорубь, распят на кресте — читал Патриарх донесения от служителей Церкви».

Навязанная большевиками Гражданская война не только привела к неисчислимым жертвам страну в целом, подорвав ее духовно-нравственные основы, где краеугольным камнем было Православие, но и пострадали народы, населяющие некогда великую Россию.

Особенно трагичная доля выпала в отношении казачества, как на Северном Кавказе, так и в других регионах страны. Миллионы казаков и их семей погибли в той братоубийственной мясорубке, миллионы покинули пределы своей страны.

Правнучка русского скульптора Королькова, Маргарита Таут, живущая в США, пишет стихотворение, которое еще не дошло до россиян:

Престижная Америка,
Нью-Джерси, штат зеленый,
Шумит вокруг деревьями,
Похожими на клены.
Шуршит асфальт ухоженный
Под шинами колес.
Вдруг... храм, по-русски сложенный,
И рядом с ним — погост.
Над плоскими газонами
Воздеты, как персты,
В их небо устремленные
Российские кресты.
На камнях судьбы значатся
Великого Исхода,
Трагедии казачества
С семнадцатого года.
Скитальцев армий белых
И лагерных дорог —
В чужую землю телом,
Но взором — на Восток.
Уравненные вечностью,
Положены здесь в ряд
Равнители Отечества
И власовский солдат.
Теперь уж сам Всевышний
Всю правду рассудит.

Стою. Молчу. И слышно мне,
Как тишина звенит
Неутомимой болью
Российских сыновей,
Отторгнутых историей
От родины своей...

Те, кто попали к палачам, уничтожались. «В Ростове захвачены в плен 300 000 казаков войска Донского. В районе Новочеркасска удерживается в плену более 200 000 казаков войска Донского и Кубанского. В городе Шахты, Каменске удерживается более 500 000 казаков. За последнее время сдались в плен около миллиона казаков. Пленные размещены следующим образом: в Геленджике — около 150 000 человек, Краснодаре — около 500 000 человек, Белореченской — около 150 000 человек, Майкопе — около 200 000 человек, Темрюке — около 50 000 человек. Прошу санкций. Председатель ВЧК Дзержинский».

Резолюция Ленина на письме: «Расстрелять всех до одного. 30 декабря 1919 года» (Климов. Красная кабала. Краснодар, 2002. С. 480).

Оставшиеся в станицах всех российских казачьих войск казаки также уничтожались согласно директиве оргбюро РКП(б) от 24 января 1919 г. за подписью Свердлова «О поголовном истреблении казачества»: «Провести массовый террор против богатых казаков, истребив их поголовно. Провести беспощадный массовый террор по отношению ко всем казакам, принимавшим прямое или косвенное участие в борьбе с советской властью. Конфисковать хлеб и т. д.».

Как тут не напомнить трагическую участь русского казачьего генерала Мачканина из Ставрополя, героя Кавказской войны, арестованного по распоряжению чекистки Вальяно и зверски замученного (вырезали на ногах лампасы, прибивали гвоздями погоны, кололи штыками, затем отрубили голову). Один из рвов за Ярмарочной площадью стал местом казни полковников русской армии, за что в народе его прозвали Полковничьим.

В Пятигорске за одну ночь порубили более 1 000 выдающихся россиян, в том числе казаков. Одних генералов убили 27 человек.

На Тереке за один день, когда гнали более 70 тысяч казачьих семей к железной дороге, «красные соколы» порубили, затоптали конями 35 тысяч стариков, женщин, детей.

Продолжался террор и против Русской Православной Церкви — оплота российской государственности и духовно-нравственной основы россиян.

Однако Церковь, как и все российское общество, сопротивлялась политическим авантюристам. Так, в Ставрополе в мае 1919 г. состоялся Юго-Восточный русский церковный Поместный Собор, собравший цвет российского духовенства, выброшенного Гражданской войной на юг России. Здесь же во главе с Антоном Ивановичем Деникиным находилось русское, в том числе казачье, офицерство, представители интеллигенции.

На Соборе был избран Высший церковный совет, выступающий за активное участие Русской Православной Церкви в борьбе с разрушителями Отечества. Почетным председателем Совета был избран архиепископ Агафодор, 23 года отдавший руководству Ставропольской и Екатеринодарской епархий.

В ответ в мае того же 1918 г. Ленин подписывает очередной документ против Церкви за № 1366–2 «О борьбе с попами и религией», адресованный хозяину Лубянки Дзержинскому: «В соответствии с решением ВЦМК и Сов. Нар. Комиссаров необходимо как можно быстрее покончить с попами и религией. Попов надлежит арестовать как контрреволюционеров и саботажников, расстреливать беспощадно и повсеместно. И как можно больше. Церкви подлежат закрытию, помещения храмов — опечатать».

После декрета об изъятии церковных ценностей прошли массовые процедуры в Москве и Петрограде. По суду было расстреляно белого духовенства 2 691 человек, монашествующих мужчин — 1 962, монахинь и послушниц — 3 447.

Помимо этого без суда погибло еще не менее 15 000 человек белого и черного духовенства.

Известный историк и писатель Владимир Солоухин в книге «При свете дня» приводит сведения: до революции в России было 360 000 священнослужителей, 4 духовных академии, 58 семинарий, 1 250 монастырей, 55 173 православных церкви, 25 000 часовен.

Итак, из 360 тысяч священнослужителей к концу 1920 г. в живых осталось 40 тысяч. В книгах о том времени напротив каж-

дого имени написано, какую принял мученическую кончину. Читаем: «утоплен», «исколот штыками», «избит прикладами», «задушен епитрахилью», «прострелен и заморожен», «изрублен саблями», а чаще всего «расстрелян». Причем встречается: «сам себе могилу рыл», «утоплен после долгих мучений», «после жестоких мучений»; встречаются пояснения, за что тот или иной служитель Церкви принял лютую смерть: «за проповеди», «за колокольный звон», «за отказ сражаться в армии красных».

Между тем террор против Русской Православной Церкви продолжался. Но 23 февраля 1922 г. ВЦИК издал декрет о насильственном изъятии из церквей всех ценностей, являющихся достоянием нации, которые за бесценок сбывались на Западе для поддержания режима. Реквизиции властей вызвали сопротивление со стороны как прихожан, так и отцов Церкви. В ответ Ленин пишет письмо членам ЦК ВКП(б) от 19 марта 1922 г. о «борьбе с черносотенным духовенством»: «Я прихожу к безусловному выводу, что мы должны именно теперь дать самое решительное и беспощадное сражение черносотенному духовенству и подавить его сопротивление с такой жестокостью, чтобы оно не забыло его в течение нескольких десятилетий».

Первый ленинский концлагерь на Соловках стал местом уничтожения в первую очередь отцов Церкви, епископов и архиепископов, о чем писал наш выдающийся земляк, дворянин, русский офицер с университетским образованием Борис Николаевич Ширяев в книге «Неугасимая лампада».

Если Александр Исаевич Солженицын писал о Соловках со слов бывших каторжан, то Ширяев сам прошел все ужасы этого советского ада. Он писал, как в ограбленных до нитки храмах, церквях и скитах монастыря, берущего свое начало с XV в., где на разрушенных алтарях и раках со святыми мощами чекисты устроили отхожие места, содержались тысячи каторжан. На Голгофе у Троицкого скита издевались над епископами, заставляя выполнять непосильную и бессмысленную работу по перетаскиванию обледенелых валунов. За «непослушание» голыми сажали в «крикушники» — ямы или сараи, где люди кричали от холода или укусов комаров.

На горе Секирной, в находившемся на ее вершине ските Усекновения главы Иоанна Предтечи, людей гноили заживо. Сю-

да вела крутая лестница с 365 ступенями. Стражники, развлекаясь, сталкивали по ней связанных людей, для груза привязывая к спинам обреченных тяжелые обрезки бревен. К последней ступени докатывалась лишь гряда костей... С лесоповалов из заключенных, как правило, никто живым не возвращался: люди гибли от непосильного труда и издевательств, которых Русская земля не помнила со времен татарского ига.

Гибнет царская семья от подлых рук убийц, панихиду о которых исполнили гибнущие на соловецкой каторге епископы. Об этом не слезами, а кровью писал Борис Ширяев в «Неугасимой лампаде»: «Когда в елей Неугасимой Лампады каплет кровь, ее пламя вздымается ввысь, блистая и сияя всеми переливами небесной радуги — знака обета Вечной Жизни. Оно, как крыло Серафима. Терновый венец сплетается с ветвями Неопалимой Купины и ее свет с пламенем горящей в лампаде крови. Подвиг торжествует над страхом. Вечная жизнь Духа побеждает временную плоть. Безмерное высится над мерным, смертью смерть поправ. Так было на Голгофе Иерусалимской. Так было на Голгофе Соловецкой, на острове — храме Преображения, вместившем Голгофу и Фавор, слившем их воедино...»

И далее — о тайной панихиде, которую отец Никодим отслужил в лесу, на могиле расстрелянных, по ним и Царю Искупителю: «...О ком говорят слова молитвы? Не о тех ли, кто беззвучно шепчет их? Кто стоит здесь, в лесной храмине, у каменного креста, на неостывшей крови? Живущие или тени живущих, ушедшие в молчание, в тайну небытия? Без возврата в жизнь?»

...Это стоят не люди, а их воспоминания о самих себе, память о том, что оторвано с кровью и мясом. В памяти одно — свое, отдельное, личное, особое для каждого; другое — над ними стоящее, общее для всех, неизменное, сверхличное. Россия, Русь, великая, могучая, единая во множестве племен своих, — ныне поверженная, кровоточащая, многострадальная.

— Упокой, Господи, души усопших рабов Твоих!

Отец Никодим почти шепчет слова молитв, но каждое слово его звучит в ушах, в сердцах собравшихся на поминовение душ мучеников сущих и грядущих принять свой венец...

Отец Никодим, иерей в рубище и на одну лишь ночь вырванной из плена епитрахили, поет беззвучно святые русские песно-

пения, но все мы слышим разливы невидимого неведомого хора, все мы вторим ему в своих душах.

— Николая, Алексея, Александры, Ольги, Марии, Анастасии, Татьяны и всех, кто с ними, живот свой за Тя, Христа, положивших.

Отец Никодим кадит к древнему каменному кресту, триста лет простоявшему на могиле мучеников за русскую древнюю веру. Их имен не знает никто. Имена же их Ты, Господи, веши! Ладан дали обступившие церковь-полянну полные тайн соловецкие ели. Они — стены храма. Горящее пламенем заката небо — его купол. Престол — могила мучеников.

Стены храма раздвигаются и уходят в безбрежье. Храм — вся Русь, святая, неистребимая, вечная! Здесь, на соловецкой лесной Голгофе, — алтарь этого храма.

В робко спускавшемся вечернем сумраке догорали огоньки самодельных свечей. Они гасли один за другим. На потемневшем скорбном куполе ласково и смиренно засветилась первая звезда. Неугасимая лампада перед вечным престолом Творца жизни...

Двадцать два соловецких каторжника в тот час молений о погибших были с тобой, Русь, в бесконечной жизни твоей...» (Ширяев Б. Неугасимая лампада. М., 1991. С. 353–354. Эта книга была опубликована в 1954 г. в Издательстве им. Чехова в Нью-Йорке, затем переиздана в 1991 г. в московском издательстве «Столица»).

Выпускник Ставропольской духовной семинарии отец Михаил Польский, он же выпускник Московской духовной академии, сумевший выбраться из ГУЛАГа, в марте 1930 г. тайно переходит границу, добирается до Иерусалима в Русскую духовную миссию, возглавляемую архиепископом Анастасием (в дальнейшем — Патриарх Русской Зарубежной Церкви), где начинает творческий путь, а затем в Англии пишет книгу «Очерк бежавшего из России священника» — о всем пережитом.

Уже в США причисленный к Свято-Скорбященскому собору, он выпускает книгу «Каноническое положение Высшей церковной власти в СССР», трехтомник «Новомученики земли русской» (издал Свято-Троицкий монастырь в Джорданвилле).

Русский писатель Владимир Ильин (1891–1974) писал: «Революция на путях своего самоутверждения уничтожала, искореняла и калечила все, что так или иначе было связано с бытом

России, ее культурой и религией, особенно православием... ЧК, Соловки, ГУЛАГ стали конкретным выражением самоутверждения советской власти в ее предельной форме революционной диктатуры».

И еще, последнее высказывание известного российского историка Бориса Васильева, опубликованное в журнале «Родина» (1990. №10. С. 8–11): «Русской Православной Церкви тотальная война была объявлена в августе 1925 года святотатственным циркуляром Наркомюста о ликвидации святых мощей».

Таким образом, к жесточайшей политической борьбе прибавилась не менее жестокая борьба религиозная, что для России с ее тысячелетней христианской культурой имело катастрофические последствия. Этот аморальный акт был вызван осознанием, что новое социальное учение, во имя которого приходилось не только умирать, но и убивать собственных братьев и отцов, подавляющим большинством населения Советской России было воспринято в качестве новой религии: с адом в виде капитализма, раем в грядущем царстве социализма, мессианской ролью пролетариата и харизматическим вождем и пророком Лениным...»

В результате Гражданской войны было разгромлено, поругано и оплевано наше Отечество. Мы ликвидировали не только «классовых врагов», заодно уничтожению подверглись и целые субэтнические группы России (например казачество), население было сорвано с давно обжитых мест, оголен исторический центр Великороссии, оскорбительно наименованный Нечерноземьем, чтобы и сама память наша о месте рождения нашей нации была навеки забыта.

С этой целью переименовывались города, улицы, площади, парки — сама история стиралась с исторической карты нашей Отчизны. Если бы я не знал, что это сделали мы сами, своими руками, я бы с полной уверенностью утверждал, что Россия подверглась завоеванию и семидесятилетнему игу незваных варягов, ибо то, что произошло с моей Родиной, абсолютно необъяснимо никакими логическими ухищрениями для нормального человека.

Все поколения советских людей рождались, жили и воспитывались в ходе непрекращающейся гражданской войны. Их нравственность, мировоззрение, представление о нравах и правопо-

рядке, их философия и их психология сложились в процессе нескончаемых боевых условий существования. Война предполагала наличие врага, и его постоянно находили, меняя лишь названия: сначала это были белые, потом — «кулачество как класс», затем — троцкисты, зиновьевцы, бухаринцы, немцы Поволжья и крымские татары, чеченцы и ингуши, калмыки и балкары, безродные космополиты и убийцы в белых халатах.

Сформировавшиеся стереотипы гражданской войны прочно поселились в наших душах, сегодня проявляясь не только в боязни кардинальных перемен, не только в мечтах о «сильной руке», но и в общей нетерпимости, в упорном поиске врага, в ненависти ко всем, кто живет лучше, счастливее, плодотворнее...

После Ленина вождь всех народов Сталин дает команду Политбюро ЦК отменить старое указание Ленина о Церкви от 1 мая 1919 г. Это адресованная Берии выписка из протокола №88 заседания Политбюро ЦК от 11.11.1939 г.:

«По отношению к религии, служителям Русской Православной Церкви и православноверующим ЦК постановляет:

1. Признать нецелесообразным впредь практику органов НКВД СССР в части арестов служителей РПЦ, преследования верующих.
2. Указание тов. Ульянова (Ленина) от 1 мая 1919 г. № 1366–2 «О борьбе с попами и религией», адресованное председателю ВЧК тов. Дзержинскому, и все соответствующие инструкции ВЧК–ОГПУ–НКВД, касающиеся служителей РПЦ и православноверующих, — отменить.

Секретарь ЦК И. Сталин».

В начавшейся Великой Отечественной войне, когда Русская Православная Церковь способствовала патриотическому подъему народа против чужеземных завоевателей, когда Церковь материально помогала стране в борьбе с врагом, Сталин вынужден был возродить Патриаршество, во главе которого встал Патриарх Московский и всея Руси Сергей. Произошло это в 1943 г. Тогда же в стране начали возрождаться епархии, откры-

вались вчера еще закрытые храмы, из лагерей вернулись многие церковнослужители, открылись первые в советские годы духовные училища и семинарии.

Сменивший Патриарха Сергия в 1945 г. Алексей I (1945–1970) делал все возможное для дальнейшего возрождения Православия в стране, но взойшедший на советский престол Никита Хрущев стал организатором новых религиозных репрессий в 1959–1964 гг. Вновь рушились уцелевшие церкви и храмы, закрывались духовные учебные центры, преследовались верующие.

Гонения на Церковь продолжали и последующие генсеки страны, пока не пришло перестроечное время.

«История есть разум нации» — писал Гегель. История искоренения Православия в России — трагедия и позор нации.

Сегодня вновь возрождаются храмы и церкви, монастыри и скиты, вновь звон колоколов слышен как в Ставрополе, так и на бескрайних просторах Отечества. Но сколько мук и страданий, сколько загубленных жизней и сломанных судеб было положено на алтарь веры!

О том, что произошло с моим родным Ставрополем и всем краем в годы советского беспредела и беззакония, я рассказал в книгах «Безумие во имя утопии» и «Оккупация». Православной Церкви Ставрополя, ее новомученикам и выдающимся отцам Церкви посвящены многие страницы ранее изданных книг и новые, такие как «Соборы златоглавые» (готовится новый вариант — «Храмовое ожерелье северокавказских епархий»), а также отдельные небольшие издания: «Кавказские и Ставропольские епископы», «Жизнеописание отца Константина (Надежина)» — во славу Ставропольской епархии...

Современный опыт взаимодействия войскового казачьего общества и Русской Православной Церкви

Беспалов М.А., заместитель атамана ВКО «Всевеликое войско Донское»
по взаимодействию с Русской Православной Церковью

В начале своего выступления об опыте взаимодействия ВКО «Всевеликое войско Донское» и Русской Православной Церкви позволю обратиться к выступлению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла на заседании Совета при Президенте РФ по делам казачества, которое проходило в городе Новочеркасске в октябре 2009 г.: «До революции казаки много потрудились во имя веры, Царя и Отечества. ...В конце прошлого века казачьи традиции пережили свое второе рождение. И сегодня казачество вновь помогает стране и Церкви, укрепляет рубежи нашей Родины, воссоздает ее воинскую славу и доблесть.

Сам факт возрождения казачества говорит нам о действии благодати Божией в человеческой истории. Происходит настоящее чудо, ведь русское казачество пытались истребить едва ли не поголовно. В представлении тогдашней власти казаки были наиболее крепкой в вере частью общества. Это действительно было так. Именно в казачестве преемственно сохранялись патриотизм, глубокая воцерковленность, жертвенная готовность защищать наши ценности.

Находясь на страже мира и спокойствия народа России, казачество во все времена черпало свою силу в православной вере. Русская Православная Церковь благословляла ратные подвиги своих верных сынов, не щадивших крови и самой жизни на полях сражений. Очень важно, чтобы и в наши дни казачество хранило верность исконным православным традициям. Без хранения веры, без духовной ревности, без твердой опоры на духовные и нравственные ценности невозможно не только возродить казачество, но и само казачество невозможно».

Серьезным шагом, определяющим направления взаимодействия атаманов и казаков казачьих обществ и священников, окормляющих войсковые и отдельные казачьи общества, стали положения, изложенные в методических материалах «Основные направления духовно-просветительской работы в казачьих обществах».

На территории ВКО «Всевеликое войско Донское» в основу формирования казацкого сообщества положен принцип «Казак без веры — не казак», базирующийся на традиционных отечественных ценностях.

К сожалению, не каждый казак, знаменующий себя крестом, может называть себя верующим. А уж о соблюдении заповедей Божьих зачастую и говорить не приходится. Да и о чем речь, когда атаманы и казаки часто при встрече со священником протягивают ему руку для приветственного рукопожатия. Сегодня совместно с духовниками казацких обществ мы ведем нашу работу, начиная с элементарного ликбеза среди казаков, ищущих свет в конце тоннеля. Возглавляет и координирует эту работу отдел по работе с казачеством, созданный при епархиальном управлении по благословению владыки Пантелеимона. Руководитель отдела — войсковой священник отец Вадим (Толмачев).

Сегодня нам есть о чем рассказать. Практически во всех регионах Южного федерального округа, входящих в территорию ВКО ВВД, уже давно ведется работа по созданию условий для реализации в казацкой среде задач по организации процесса взаимодействия казацких обществ с приходами Русской Православной Церкви, а также механизмов формирования пространства духовно-нравственной культуры в казацких формированиях и поселениях.

Ни одно сколько-нибудь значимое мероприятие в казацком обществе не проходит сегодня без участия и благословения священника. В каждом казацком юрте — наименьшей единице сообщества казаков, разделенных территориально, — есть свой духовник. Если еще недавно его основной задачей являлось преимущественно окормление казацких войск (освящение Кругов, принятия присяги и других традиционных мероприятий), то сегодня духовник для многих казаков — духовный просветитель и наставник.

За последние два года сделано немало. Сегодня мы можем сказать, что деятельность казачества начинает свое наполнение не только по форме, но и по содержанию. Казаки восстанавливают и участвуют в восстановлении более 80 храмов на территории Ростовской области. При непосредственном участии дон-

ских казаков идет восстановление и реставрация главного казачьего храма — Вознесенского войскового собора в городе Новочеркасске.

Особая роль отводится атаманам округов и юртов. Более 20 атаманов побывали на семинарах в Донском ставропигиальном мужском монастыре, совершены паломнические поездки к христианским святыням в Иерусалим и на Афон.

Возрождены на Дону традиции крестных ходов в дни поминовения казаков, положивших живот свой за веру, Отечество и други своя. Все больше праздников собирают казаков Дона у казачьих святынь в станице Старочеркасской и столице казачества — городе Новочеркасске. Это традиционное празднование Покрова Пресвятой Богородицы, которое собирает в Новочеркасске тысячи казаков войска Донского, это и Святая Троица. И не удивляются уже прихожане, когда в воскресные и праздничные дни приходят в храмы казаки в форме.

Особое место в опыте взаимодействия ВКО «Всевеликое войско Донское» и Русской Православной Церкви отводится нашему будущему — детям.

Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл в день празднования Покрова Пресвятой Богородицы в своем слове в новочеркасском войсковом соборе сказал, что «казак» означает «вольный человек, любящий волю, любящий свободу», при этом он подчеркнул, что «если не контролировать свою свободу, то начнешь жить по закону греха, творить беззакония и приносить зло. Казак — это вольный человек, который свою свободу и свою волю подчинил Божиему закону». Патриарх отметил: «Пробуждается и возрождается казачество наше». По его словам, существует много проблем, которые нужно преодолеть, но важно казаку хранить «свободу во Христе, свободу, подчиненную нравственному закону».

Причины безнравственности и бездуховности как в современном обществе, так и среди казаков могут скрываться в неправильных постановках целей и смысла человеческой жизни.

Если молодежь будет и впредь воспитываться на ложных целях и ценностях типа «бери от жизни все» и «ни в чем себе не отказывай», то появится много желающих брать любой ценой все что понравится или все что захочется, а значит, число не только

правонарушений, но и случаев экстремизма в современном обществе будет только увеличиваться.

Сегодня государству трудно решать эти задачи, прежде всего, потому, что на современном этапе общественной жизни продолжается активная экспансия американских и иных чужеродных массовых ценностей в российскую культурно-образовательную среду. Это связано, в первую очередь, со средствами массовой коммуникации, активно поставляющими продукцию американских кино- и телекомпаний. При этом целенаправленно отрицаются все культурные, исторические, моральные и иные ценности, позволяющие жителю России считать себя достойным гражданином: ценить историю своей страны, гордиться своим народом, его культурой и традициями.

Как же устоять перед такой волной чужеродных идеологических образцов и штампов? Ответ на этот вопрос мы на Тихом Дону нашли тогда, когда было решено создавать систему казацкого образования, которая базируется на Православии, на духовных традициях донского казачества.

При активном взаимодействии Всевеликого войска Донского, органов государственной власти и епархиальных управлений у нас сложилась и успешно развивается система казацкого образования. Она включает в себя более 250 учреждений: казацки кадетские корпуса, казацки кадетские профессиональные училища, муниципальные общеобразовательные учреждения, центры дополнительного образования, детские сады. Все они имеют статус «казацких».

Центральным звеном в системе казацкого образования Всевеликого войска Донского являются казацки кадетские образовательные учреждения. Сегодня на территории Войска действуют 9 казацких кадетских корпусов и 9 казацких кадетских профессиональных училищ, в которых обучаются около 5 тысяч кадет.

Благодаря тому что система казацкого образования и воспитания охватывает не только учебный процесс, но и досуг ребят, постепенно формируется менталитет высоконравственного, интеллектуально и физически развитого молодого казака, любящего свой край, знающего историю и традиции своего народа, способного к жизнотворчеству и созиданию.

Учебно-воспитательный процесс в этих образовательных учреждениях поставлен так, что ребята получают не только хорошую образовательную и физическую подготовку, но и должное патриотическое и нравственное воспитание.

Соблюдая вековые традиции донского казачества, кадеты начинают и заканчивают каждый новый учебный день с молитвы, молятся они и перед приемом пищи. Под руководством священников, которые окормляют казачьи кадетские образовательные учреждения, кадеты и их педагоги посещают храмы, участвуют в богослужениях. Налажены тесные контакты с Донскими мужскими монастырями в Москве и станице Старочеркасской. Посещение монастырей и выполнение послушаний кадетами стали уже традиционными.

На прошедшем в мае в городе Волгограде по благословению Патриарха Московского и всея Руси Кирилла съезде православной казачьей молодежи Юга России подчеркивалось: «Нужно помнить о том, что нравственные ценности всегда были преобладающими в нашей жизни. Именно фундаментальная нацеленность казаков на Православие помогла выжить нашему народу в условиях жесточайшего геноцида. Православная вера на протяжении многих столетий была и остается тем несгибаемым стержнем, той внутренней силой, которая определяла и определяет высокую духовность казачества, служение идеалам добра и правды, стремление к подвигам и презрение к опасности, необычайную стойкость, как в бою, так и в нелегких условиях повседневной жизни».

Донское казачество стало инициатором проведения всероссийских съездов православной казачьей молодежи и съездов православной казачьей молодежи Юга России. В Волгограде молодые люди обсуждали планы по православному воспитанию своих сверстников и их участию в нравственном оздоровлении нашего общества.

Недаром в старину на Тихом Дону традиционно говорили: «Ученье образует ум казака, а православное воспитание — нрав». Именно воспитанию лучших нравственных, патриотических и эстетических качеств казачьей молодежи и служит учебный предмет «Основы православной культуры», который

успешно преподается в казачьих образовательных учреждениях области. Несколько лет назад мы приняли решение о том, чтобы преподавание «Основ православной культуры» было внесено в основное расписание всех казачьих кадетских образовательных учреждений отдельным предметом. До того времени этот важный предмет более 5 лет изучался у нас факультативно. И примером в этой работе для нас являются казачьи образовательные учреждения Октябрьского района Ростовской области, являющиеся правофланговыми в организации этой работы.

Мы заботимся о том, чтобы «Основы православной культуры» преподавались у нас на должном дидактическом и методическом уровне. Сегодня совместно с отделом образования Ростовской епархии Русской Православной Церкви для преподавателей казачьих образовательных учреждений проводятся обучающие семинары по программе «Основы православной культуры в светских учебных заведениях».

В кадетских корпусах подготовлены специальные помещения, где не только ведется преподавание «Основ православной культуры», но и организуются встречи кадет с духовными наставниками, с представителями епархиального управления.

Сейчас необходимо воспитывать духовно грамотное подрастающее поколение, с детских лет закладывать рациональное зерно Православия, которое в будущем даст ростки обновленного казачества. Эту неоценимую миссию сегодня выполняют духовники казачьих кадетских корпусов. Уже сейчас заметны ощутимые результаты этой работы.

Сегодня в двух казачьих кадетских корпусах области (Шахтинском имени Я.П. Бакланова и Аксайском имени Д. Ефремова) решено начать строительство православных часовен, которые планируется открыть уже в ближайшее время.

Казачьи образовательные учреждения оказывают посильную помощь церковным учреждениям в проведении уборки и благоустройстве территорий, охране общественного порядка.

Необходимо сказать и о том, что казачьи кадетские образовательные учреждения два года назад вышли с инициативой о ежегодном проведении 1 сентября (день празднования Донской иконы Божьей Матери и День знаний) православных торжеств

в станице Старочеркасской — древней столице донского казачества.

Это очень символично, что новый учебный год в наших учебных заведениях начинается в праздник Донской иконы Божьей Матери, Которая всегда была заступницей и помощницей для многих поколений казаков.

Комплекс вопросов, связанных с православным воспитанием казачьей молодежи, очень обширный, он потребует от нас большой совместной кропотливой работы, которая в дальнейшем окупится сторицей. Ведь истинный показатель любого народа — не уровень богатства, не обилие собираемого урожая, а облик человека, воспитываемого обществом. Правильно говорит народная мудрость: «Нравственные качества народа — капитал нации».

«Возрождение казачества надо начинать с возрождения казачьей души под полным и безграничным контролем совести казака. Казачество же должно идти по пути веры, здравого смысла и сохранения казачьих традиций. А что касается цели возрождения казачества, то ею является не столько создание войска, атаманского правления или борьба за казачий присуд, сколько творение добра, Божьей правды и борьба со злом».

Только так, по слову Патриарха, мы сможем возродить жизнь единого православного казачества, живущего «едиными усты и единым сердцем». Наша твердыня — Бог! И если мы хотим, чтобы Бог защитил нас от всех невзгод, укрепил нас духом, каждый из нас должен в меру своего разумения приложить к этому все свои духовные и физические силы.

Будем же заботиться о нашем соработничестве с Православной Церковью во имя настоящего и будущего Отечества!

Слава Богу, что мы казаки!

Укрепление позиций Православной Церкви в терских станицах во второй половине XIX — начале XX века

Великая Н. Н., доктор исторических наук, профессор
Армавирской государственной педагогической академии

Деятельность Православной Церкви на территории Терского левобережья является одной из малоизученных страниц религиозной истории. Это объясняется недостаточной источниковой базой. Дело в том, что религиозная обстановка на Тереке имела свои особенности. Здесь проживало большое количество старообрядцев-казаков, которые прекрасно несли службу, и власти не желали обострять с ними отношения. Даже те российские императоры, которые занимали ярко выраженную «официально-православную» позицию и издавали указы о преследовании «раскольников» (например, Николай I), допускали исключения по отношению к терским староверам. В пореформенный период, когда усилилось переселение на Северный Кавказ православного населения, была проведена церковная реформа, деятельность Церкви на Тереке активизировалась, что и нашло свое отражение в ряде выявленных нами архивных документов.

После окончания военных действий в регионе по Указу Священного Синода от 14 сентября 1867 г. духовенство Кавказского линейного казачьего войска вновь было подчинено Кавказской епархии. Владыка Феофилакт, посетивший в этот период линейные станицы, нашел много отклонений в церковной службе, некоторые священники, «живя вдали от духовного начальства... отвыкли даже от церковности» [1]. По-прежнему остро не хватало священнослужителей.

Обширность епархии, рост приходов потребовали внести изменения в ее управление. В 1885 г. состоялось разделение Кавказской епархии на три: Ставропольскую, Владикавказскую и Сухумскую. А в 1894 г. по Указу Ее Императорского Величества Владикавказская епархия была выделена из состава Грузинского экзархата [2]. Теперь распоряжения из Священного Синода сразу поступали во Владикавказскую духовную консисторию, которая доводила их до сведения и исполнения на места.

В пореформенный период на Тереке развернулось церковное строительство (в 1875 г. в Терской области насчитывалось 77 православных храмов). Место для церквей отводилось, как правило, в центре станиц, на площади. По ее периметру обычно располагались станичное училище, церковно-приходская школа, торговые заведения, управление и т.п.

Возникнув, церкви на Тереке неоднократно перестраивались и обновлялись. На смену деревянным культовым постройкам в начале XX в. пришли церкви из красного кирпича либо на кирпичном фундаменте [3].

На постройку церквей в пореформенный период выделялись значительные суммы. Так, в 1866–1867 гг. на эти цели в станице Шелковской было израсходовано 10 000 рублей (для сравнения: на постройку школы в той же станице было выделено 420 рублей) [4]. К отдельным церквям пристраивались приделы, колокольни, ограды [5].

В рассматриваемый период православные церкви на Тереке, согласно ведомостям, были «достаточны утварью». В них имелись иконостасы, кресты, дарохранительницы, потиры, ковши, церковные облачения, хоругви, кадила, колокола, плащаницы и многое другое, стоимостью предметов от 1 до 150 рублей [6]. В церквях хранились и знамена, пожалованные казачьим полкам.

Священниками в терских станицах чаще всего становились приезжие из разных районов России. Нехватка священников вплоть до 70-х гг. XIX в. вынуждала Духовную консисторию публиковать по России вызовы диаконов, обещая им рукоположение в сан священника. В конце XIX — начале XX вв. все чаще в документах упоминается духовенство, закончившее Кавказскую, Владикавказскую, Ардонскую духовные семинарии. Дьяконы, псаломщики получали образование в Ставропольском, Моздокском и других местных духовных училищах. Среди них значились и казаки, получившие домашнее религиозное воспитание [7].

Священнослужители получали казенное жалованье, деньги от войска и за аренду земли, за требоисправления от прихода, за преподавание в светских и церковно-приходских школах [8]. В содержание священнослужителей входили не только денежные средства. Священники получали от станичного общества квартиру и отопление, а осенью — от каждого двора так называемые

мую «новину» (часть урожая). В целом духовенство на Тереке было немногочисленным сословием. Так, в 1900 г. в Кизлярском отделе, куда входили гребенские и терские низовые станицы, было 138 священнослужителей (на 24 425 православных) [9].

Согласно Положению о поземельном устройстве в казачьих войсках от 1869 г., станичным церквям выделялось по 300 десятин земли. В то же время Щедринская и Новогладковская церкви имели по 400 десятин (ими, как покосами, пользовалось все общество) [10]. Собственно духовенству выделялось: священнику — два пая (60 десятин), дьякону — полтора пая (45 десятин), дьячку — один пай (30 десятин). Священнослужители могли пользоваться отведенными участками до тех пор, пока исполняли свои обязанности. Они имели право и на получение пая на общих основаниях, «из-за принадлежности к числу войсковых граждан» [11].

Часть церковных земель передавалась в аренду. Судя по клировым ведомостям, суммы эти были немалыми и вследствие роста цен постоянно увеличивались. Так, Михаило-Архангельская церковь станицы Новогладковской в 1902 г. за аренду земли получила 75 рублей, а уже в 1907 г., то есть спустя пять лет, — 120 рублей. Церковь станицы Дубовской ежегодно получала от аренды 230 рублей [12].

Доходы церкви складывались из значительных сумм, которые поступали со стороны. Так, церковь станицы Щедринской получала ежегодно из казны 600 рублей, от общества — 300 рублей, от Терского войска — 200 рублей. Церковь имела и проценты с банковских билетов. Та же Щедринская церковь в 1905 г. имела билетов Владикавказского отделения государственного банка на 516 рублей 50 копеек и Ставропольского — на 1 022 рубля. Дубовская церковь приобрела билетов Владикавказского банка на 1 300 рублей [13]. Существенной статьёй доходов были кошелевские и кружечные сборы, добровольные пожертвования, средства от продажи свечей и пр. Так, в 1915 г. в церковь станицы Дубовской поступило 750 рублей. Часть этих средств шла на покупку свечей, продуктов, необходимых для церковных служб, на изготовление метрических, исповедных и других книг, на ремонт церквей, церковной утвари и пр. [14].

Как показывают выявленные источники, не только укрепились материальная база церквей, но и деятельность православ-

ного духовенства в казачьих станицах в пореформенный период стала весьма многогранной.

Церковь организовывала приходскую благотворительность, оказывала помощь всем бедствующим (вдовам, сиротам, больным и др.). Специальные тарелочные и кружечные сборы, поступавшие затем в центральный бюджет, производились для призрения слепых, бедных лиц духовного звания, погибших, раненых и др. Целевые пожертвования шли на строительство церквей и музеев, на содержание церковно-приходских школ, училищ и семинарий. Церковь на Тереке откликалась и на события международной жизни. Собирались деньги в помощь пострадавшим от землетрясения в Греции в 1893 г., на строительство православных храмов за рубежом, в пользу нуждающихся славян и т.п. [15].

У части церквей имелись церковно-приходские школы. Однако они, как правило, продолжали оставаться одноклассными и по количеству учащихся значительно уступали светским. В церковно-приходских учебных заведениях основное внимание уделялось изучению религиозной литературы, церковному пению. Здесь также учили чтению, письму, арифметике, девочек — вышиванию. При церквях имелись собрания книг. Религиозная литература использовалась в процессе преподавания в церковно-приходских школах. До революции 1917 года религиозное образование в терских станицах играло важную роль в нравственном и эстетическом воспитании населения, в распространении грамотности.

Важнейшие моменты семейной жизни казаков находились под влиянием Православной Церкви (крещение, венчание и др.). Проводы казаков на действительную службу непременно сопровождались общим напутственным молебном. Православная Церковь внесла свой вклад в воспитание патриотизма, высокого боевого духа, призывая сражаться за веру, царя и Отечество.

Объединяли всех (или большинство) станичников храмовые праздники. По свидетельству современников, они проходили шумно и дружно. Православные храмы, где бы они ни находились, посещались грузинами и малороссами, казаками-старожилами и русскими переселенцами. Таким образом, Православие выполняло очень важную интегрирующую роль на Тереке.

Нельзя не согласиться с академиком Д.С. Лихачевым в том, что особенно в сельской местности церкви являлись своеобразны-

ми очагами культуры. Сюда собирались в дни праздников и несчастий, общались, знакомились с религиозной литературой и искусством, постигали многие ставшие народными традиции и обычаи.

Усилившаяся проповедническая деятельность православных священников давала свои результаты. В 1870–1872 гг. в Кизлярском округе в Православие перешло 17 человек [16]. По данным начальника Терской области за 1900 г., число «раскольников» в области уменьшилось на 0,9% за счет обращения их в Православие [17]. Для бесед со старообрядческими «начетчиками» в терские станицы направлялись священники из других регионов [18]. Специальные меры предпринимались и для противодействия антирелигиозной пропаганде. Церковнослужители распространяли среди населения листки и брошюры религиозного содержания, проводили внебогослужебные собеседования, миссионерские съезды.

Еще одним направлением пастырской работы Церкви была борьба с продолжавшими существовать пережитками язычества. К таковым, например, был отнесен обычай провожать и встречать из церкви жениха с невестой ружейными выстрелами, «вследствие чего не проходит года, чтобы не ранили или даже не убили человека» [19].

Помимо чисто религиозных, духовенство на Тереке выполняло и ряд иных функций (подробнее см.: [20]). Так, на основании указов Синода и распоряжений епископа Владикавказского и Моздокского священники обязаны были вести борьбу с пьянством (открывать в приходах общества трезвости), а также, воздействуя личным примером, являть «образ полного воздержания от употребления спиртных напитков». Также всеми возможными пастырскими средствами предписывалось бороться «с пагубною же и безстыдною привычкою сквернословия» [21].

Таким образом, деятельность Православной Церкви и духовенства в терских станицах в последней трети XIX — начале XX вв. была достаточно разносторонней. Она охватывала многие сферы общественной и духовной жизни местного населения. В рассматриваемый период позиции Русской Православной Церкви на Тереке упрочились (образовалось больше приходов, укрепилась их материальная база, более разнообразными стали методы работы с верующими и т. д.).

- Примечания**
1. Гедеон, митрополит Ставропольский и Бакинский. История христианства на Северном Кавказе до и после его присоединения к России. М.—Пятигорск, 1992. С. 135.
 2. Государственный архив Чеченской Республики (далее — ГАЧР). Ф. 62. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.
 3. ГАЧР. Ф. 60. Оп. 1. Д. 13. Л. 1; ГАЧР. Ф. 62. Оп. 1. Д. 2. Лл. 1, 25 об.; ГАЧР. Ф. 60. Оп. 1. Д. 1. Л. 1; ГАЧР. Ф. 63. Оп. 1. Д. 5. Л. 1 об.
 4. Статистические монографии по исследованию Терского казачьего войска. Владикавказ, 1881. С. 329.
 5. Терские ведомости. 1884. №9.
 6. ГАЧР. Ф. 60. Оп. 1. Д. 14. Лл. 1–9.
 7. ГАЧР. Ф. 62. Оп. 1. Д. 2. Лл. 2 об, 21 об.; ГАЧР. Ф. 63. Оп. 1. Д. 5. Лл. 3 об. — 4 об.; ГАЧР. Ф. 63. Оп. 1. Д. 6. Лл. 9 об, 11 об.; ГАЧР. Ф. 63. Оп. 1. Д. 7. Лл. 1, 3 об., 4 об.; ГАЧР. Ф. 60. Оп. 1. Д. 2. Лл. 1, 2 об., 4 об.; ГАЧР. Ф. 60. Оп. 1. Д. 3. Л. 2 об.; ГАЧР. Ф. 60. Оп. 1. Д. 39. Лл. 1, 3 об., 6 об.
 8. ГАЧР. Ф. 62. Оп. 1. Д. 2. Л. 46; ГАЧР. Ф. 63. Оп. 1. Д. 7. Лл. 3 об. — 4 об.
 9. Отчет Начальника Терской области и Наказного атамана Терского казачьего войска о состоянии области и войска за 1900 г. Владикавказ, 1901. С. 9, 13.
 10. ГАЧР. Ф. 62. Оп. 1. Д. 2. Л. 1; ГАЧР. Ф. 60. Оп. 1. Д. 2. Л. 1.
 11. Заседателева Л.Б. Терские казаки. М., 1974. С. 241.
 12. ГАЧР. Ф. 60. Оп. 1. Д. 7. Л. 1 об.; ГАЧР. Ф. 60. Оп. 1. Д. 11. Л. 1 об.
 13. ГАЧР. Ф. 63. Оп. 1. Д. 7. Л. 1; ГАЧР. Ф. 62. Оп. 1. Д. 24. Л. 4.
 14. ГАЧР. Ф. 63. Оп. 1. Д. 7. Л. 1; ГАЧР. Ф. 62. Оп. 1. Д. 24. Л. 4; ГАЧР. Ф. 62. Оп. 1. Д. 25. Лл. 53 об. — 92 об.
 15. ГАЧР. Ф. 62. Оп. 1. Д. 1. Лл. 14, 35, 35 об., 47, 48, 62, 68, 73, 73 об., 79; ГАЧР. Ф. 62. Оп. 1. Д. 24. Лл. 3 об.; ГАЧР. Ф. 62. Оп. 1. Д. 25. Лл. 59 об., 84 об., 140 об., 150 об.; ГАЧР. Ф. 63. Оп. 1. Д. 2. Лл. 14, 20, 31; ГАЧР. Ф. 63. Оп. 1. Д. 4. Лл. 2, 6, 8.
 16. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 1268. Оп. 18. Д. 150. Л. 40.
 17. Отчет... С. 15.
 18. ГАЧР. Ф. 62. Оп. 1. Д. 1. Лл. 5–5 об.
 19. ГАЧР. Ф. 62. Оп. 1. Д. 1. Л. 20.
 20. Великая Н.Н. Православная Церковь и терское казачество // Российский исторический журнал. 1995. №4.
 21. ГАЧР. Ф. 62. Оп. 1. Д. 1. Л. 3.

Православные традиции казацкой семьи — основа духовно-нравственного воспитания молодежи

Громов В. П., кандидат исторических наук, доцент Кубанского государственного университета, атаман Кубанского казацкого войска в 1990–2007 гг.

Начавшееся 20 лет назад возрождение российского казачества охватило не только территории его исторического проживания, но и регионы, куда потомки казаков были заброшены волею судеб. Каждое из казацких войска дореволюционной России отличалось одно от другого историей, культурой, обычаями, традициями, но всех их объединяла приверженность Православию и верность служения нашему земному Отечеству. Кубанское казачество, сформировавшееся в результате слияния запорожских и донских групп казаков, хранит веру православную, как и сотни лет назад наши православные предки. Они были стойки в православной вере и защищали ее не жалея жизни. Вся жизнь казака, его ратные подвиги были посвящены защите веры и Отечества. Только настоящий христианин мог жертвовать своей жизнью ради друзей, идти с верой в Бога в бой с многократно превосходящим противником и силой своего духа побеждать. Православная вера — это не только мировоззренческий стержень души казака, но и его нравственная духовная основа. Кубанские казаки, как и казаки других войска, в годину лихолетья и гонений на казачество и Церковь сохранили дедовские христианские традиции. Вот почему уже в самом начале создания казацких общественных организаций на Кубани уставы этих организаций без каких-либо оговорок обозначали неразрывную связь казака и православной веры.

Так, в Уставе первой на Кубани массовой казацкой организации — Кубанской казацкой рады — говорится о том, что деятельность ее осуществляется на принципах православной веры. Членами Кубанской казацкой рады могли быть только крещенные в Православии потомки казацких родов Кубани. Решения Всекубанского казацкого съезда, районных, городских, станичных и хуторских сборов благословлялись священником Русской Православной Церкви. Более того, чтобы возвысить роль Русской Пра-

вославленной Церкви и духовенства, священник не только окормлял духовно казаков, но и был наделен правом прерывать работу Сбора, пока не улягутся страсти.

С вхождением казачьих войск в Государственный реестр по требованию законодателей страны положение о православной принадлежности казаков было исключено. Но это совсем не означает, что вера и Церковь исключены из жизни казаков.

Помимо государственных документов и законов кубанское казачество принимало важные решения для своей внутренней жизни и деятельности. В 2004 г. на IV Всемирном Сборе кубанских казаков была принята «Декларация Кубанского казачества». Здесь еще раз со всей решимостью было заявлено: «Православие было и есть идеологической основой казачьего мировоззрения». Процесс воцерковления казаков — непростой. Но именно в нем спасение казачества. В этом процессе должно участвовать и старшее поколение, воспитанное в условиях воинствующего атеизма, и молодое поколение казаков. Главное внимание необходимо уделять воцерковлению детей казаков. Вся ответственность ложится на плечи родителей, на семью.

Казачьи семьи всегда отличались прочностью уз, как правило, были многодетными, трудолюбивыми и воспитывали детей морально и нравственно здоровыми, физически крепкими. Развод в казачьих семьях был редким явлением (это осуждалось общественностью станицы). Столь же порочным считалось рождение ребенка вне брака. Недопустимым, по казачьим бытовым традициям, было сквернословие. Нецензурная брань в семье и станице среди казаков отсутствовала (это явление привнесено в станицы).

Важным элементом убранства жилья казака была икона. Пред ней зажигали лампаду в праздничные дни, молились. Иконой благословлялись вступающие в брак. Как бесценная реликвия семейная икона передавалась из поколения в поколение. Она была своего рода духовной нитью, связывающей не одно поколение казаков. В православные праздники перед иконой служили молебны, проводили рождественские, святочные песнопения.

Казачья семья играла и должна играть основную роль в воспитании детей, приобщая их к богатой православной культуре.

ной традиции. Только крепкая нравственная семья может противостоять негативному влиянию современных средств массовой информации, печатных изданий, кино- и видеопродукции, огромного количества увеселительных заведений. Семья должна не только передавать грядущим поколениям гордость за принадлежность к казачеству, но и приумножать ее. Она должна воспитывать и развивать в наших детях чувство этнического самосознания, стремление в своих делах и поступках быть достойными славы и подвигов предков. Семья должна привить каждому казаку чувство личного долга и личной ответственности за материальное обеспечение семьи. Нерадивое отношение казака к собственной семье должно находить осуждение в казачьем обществе.

Каковы же причины верности православной вере современного кубанского казачества, большая часть которого родилась и выросла в условиях атеистического советского государства? Дело в том, что к 90-м гг. прошлого столетия у истоков возрождения кубанского казачества стояли люди, достигшие 40–50 лет, то есть те, кого воспитывали дедушки и бабушки, настоящие казаки, знающие и помнящие жизнь казачества до революции. Они были не только носителями традиционной народной казачьей культуры, но и, несмотря на все тяготы и испытания, сохранили верность православной вере и Церкви. Они воспитывали нас в духе христианских заповедей. Особенно это проявлялось в тех казачьих семьях, которые жили в станицах и хуторах. Этим же позициям придерживались и наши родители. Крещение детей было обязательным, и нужно было зачастую преодолеть огромные расстояния, чтобы приехать в церковь для совершения таинства, церковей ведь было не так-то много. Как ни старались власти навязать новый обряд «октябрин», но эта затея не прижилась, а там, где имела место, все равно рано или поздно новорожденных крестили. Когда ребенок подрастал, старшие брали его с собой в церковь. Это посещение запоминалось на всю жизнь. Церковное убранство, общение со священником, богослужение, причастие, а если повезет, и получение просфоры — все это западало в душу ребенка. Важно как можно раньше приобщать ребенка к церковной жизни.

Важное место в системе христианского воспитания в семье занимают церковные праздники. Через ожидание и участие в них дети узнают о жизни Спасителя, Его смерти и искуплении грехов человечества. Детское сердце живо воспринимает евангельские рассказы. С каким нетерпением дети ожидали наступления праздников Рождества Христова, Пасхи! Атмосфера приближающегося праздника царила в семье. В зависимости от достатка семьи готовились традиционные блюда: пироги, куличи, домашняя колбаса и т. д.

Вечером в канун Рождества дети несли кутью своим крестным отцу и матери, родственникам, за что получали угощения, подарки. И это тоже оставалось в памяти детей. По мере взросления ребята в день Рождества ходили рождествовать, христославить. Приход гостей, особенно мальчиков и юношей, ожидался хозяевами, и это приносило радостное настроение всем участникам празднеств. И так было в условиях, когда Церковь подвергалась гонениям, а православные традиции старались искоренить. Однако наши родители, дедушки и бабушки соблюдали праздники. Вот так исподволь, ненавязчиво, без принуждения, через праздники дети приобщались к православной вере, воспитывались жить в трудолюбии и по совести, в уважении к старшим и особенно к родителям. Уроки христианской морали и нравственности, долга перед родителями, ближними дети получали постоянно. И это становилось нормой их жизни, поведения.

Многое из того, что заложено родителями в детстве, сохраняется на всю жизнь, определяя духовный и нравственный облик человека. К тому же необходимо учесть богатые традиции народной культуры кубанского казачества. Казачьи песни сопровождали всю жизнь казака. Они звучали и в праздничные дни, и на работе, и на отдыхе, на свадьбах, проводах в армию. И хотя к этому времени широко бытовали песни советских композиторов, всегда кто-то из участников застолья предлагал спеть «нашу казачью» песню. Само понимание «наша казачья» являлось побудительным мотивом, чтобы узнать о принадлежности к казачеству. Рассказы стариков про «старовыну», их воспоминания о том, как жили раньше, позволяли шаг за ша-

гом узнавать о казачьих корнях и традициях. Те, кому сейчас 60 и более лет, являются последним поколением казачьей народной культуры, разумеется, если они к ней были приобщены в детстве. Народная культура передается, что называется, из уст в уста, она отражает жизнь народа во всем ее многообразии, его духовный мир, трудовые и ратные подвиги, основанные на христианских принципах любви к ближнему.

Именно христианское воспитание в семье, воспринятое на генном уровне, исторических знаниях, представлениях, православных и народных традициях, определило тот факт, что современное казачество обозначило своим ориентиром православную веру. Без веры невозможно воспитать достойного семьянина, гражданина, патриота своего Отечества.

Российский православный университет: перспективы высшего образования для казаков

**Игумен Петр
(Еремеев),** доктор теологии, ректор
Российского православного университета

Вопрос становления казачества неслучайно сегодня обращает на себя особое внимание священноначалия Русской Православной Церкви. За прошедшие двадцать лет в общественную жизнь Отечества вернулись казачьи организации, и сегодня назрела необходимость в анализе пройденного пути, подведении промежуточных итогов возрождения, в определении вектора дальнейшего развития в современных условиях, когда казачество поставлено перед неизбежным выбором: развить свою внутреннюю пассионарность, превратиться в настоящую общественную, историческую, социокультурную силу общенационального масштаба либо оказаться на обочине общественных процессов, превратиться в глазах всего общества просто в одну из этнических групп с рядом ярких, запоминающихся фольклорных атрибутов, авторитет которой не будет признаваться в обществе, деятельный потенциал которой будет слишком слаб.

Совершенно очевидно, что вопросы воспитания, образования казачьей молодежи приобретают в этом контексте колоссальное значение. Именно системное образование, позволяющее приобрести квалификацию в выбранной профессии и вместе с тем получить необходимые знания о Православии, истории и традициях казачества, способно оказать решительное воздействие на настоящее и будущее казачества. Благодаря правильно организованному образованию молодое поколение казаков сможет интегрироваться в современную жизнь не только не теряя своих традиций, но и получив колоссальную возможность влиять на общество.

Именно поэтому Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл благословил начать в Российском православном университете и Православном институте святого Иоанна Богослова работу по созданию модели высшего казачьего образования, а также системы непрерывного образования для казаков.

Казацье отделение в православном университете

С прошлого года в нашем вузе действует Казацье отделение, разработаны учебные планы и программы по дополнительной казацкее специализации. Сегодня мы предоставляем казакам возможность получить высшее профессиональное образование и второе высшее образование в столичном православном учебном заведении по всем формам обучения: очной, заочной и вечерней. Обучение осуществляется по целому ряду специальностей и направлений, в их числе: экономика, юриспруденция, психология, религиоведение, филология, журналистика, история, живопись. Получая профессию, студенты-казаки параллельно имеют возможность систематически осваивать учебный материал по казацкее тематике и основам Православия.

В настоящий момент руководство вуза озабочено решением задачи обеспечения иногородних студентов-казаков общежитием. Для этих целей сегодня выделяется одно из зданий Православного института святого Иоанна Богослова. При общежитии планируется создание спортивного комплекса для военно-спортивной подготовки учащихся отделения.

Актуализация казацких традиций в условиях современных реалий жизни

Что означает для казачества данный образовательный проект Русской Православной Церкви? Пожалуй, впервые в истории России создаются условия для получения представителями казачества высшего профессионального образования в православном учебном заведении. Казацье отделение Российского православного университета и Православного института святого Иоанна Богослова призвано обеспечить качественную подготовку по светским специальностям и воспитание в духе Православия казацкее молодежи. Это ставит перед членами профессорско-преподавательского состава отделения задачу актуализации казацких традиций в условиях современных реалий жизни.

Студентам Казачьего отделения будут предложены учебные курсы по истории, литературе, военному искусству, традициям и быту казачества, а также его роли в истории Российской империи, Советского Союза и современной России. С этой целью в вузе разработаны или находятся в стадии разработки учебные программы по следующим дисциплинам: история и современные проблемы казачества, региональное, муниципальное управление и казачье самоуправление, казацки единоборства, конноспортивная и военная подготовка и др. Планируется издание газеты и журнала, создание клубов и кружков.

Одной из важных задач отделения станет развитие партнерских отношений с казачьими организациями. В самом принципе приема на обучение студентов заложено основание для такого сотрудничества.

Для зачисления в институт абитуриенту необходимо предоставить в приемную комиссию рекомендацию, подписанную атаманом реестрового казачьего войска или атаманом общественной казачьей организации. На протяжении всего периода обучения руководство отделения будет способствовать сохранению связи студентов-казаков с материнскими казачьими организациями, поощрять активное участие студентов в их жизни.

Кузница кадров казачества

Наш вуз обладает необходимым опытом и потенциалом для решения поставленных задач. Уже более 18 лет мы осуществляем подготовку специалистов по классическим и современным специальностям. Программы профессиональной подготовки сочетаются с программами православного образования и воспитательной работой.

Сохраняя традиции отечественного образования, наш вуз проводит работу по совершенствованию образовательной деятельности. Студенты и преподаватели сообща строят современный православный университет. Новые подходы в высшем образовании должны будут обеспечить подготовку выпускника, адаптированного к современности, способного к самостоятельным действиям, к ответственности за принятые решения и в то же вре-

мя являющегося духовно богатой личностью, обладающего православным мировоззрением.

Наши выпускники получают дипломы государственного образца, что наряду с высоким уровнем профессиональной компетенции и духовной культуры делает их вполне конкурентоспособными на современном рынке труда.

Несомненно, особо весомым может стать вклад наших выпускников-казаков в дело возрождения добрых казачьих традиций, в упрочение позиций казачества в стране, поскольку приобретенная в вузе профессия и привитая активная жизненная позиция, верность христианским ценностям позволят им принимать деятельное участие в жизни как казачьей семьи, так и местной православной общины. Именно это делает проект жизненно важным для казачества и Русской Православной Церкви.

В случае успешной реализации поставленных задач Казачье отделение Российского православного университета сможет стать одной из передовых площадок по подготовке кадров для казачества. Мы открыты к сотрудничеству и надеемся на участие в развитии деятельности отделения коллег из высшей школы и казачьих организаций. Именно соборно, в духе единства и любви мы рассчитываем решать стоящие перед нами задачи.

Духовные основы казачества

Задорожный П.Ф., верховный атаман Союза казаков России

Казачество — явление русской жизни, и развитие казачьих войск всегда находилось в тесной связи с жизнью Русского государства. Казачество — не просто явление русской жизни, а исключительное явление, и нигде мы не найдем аналогов ему.

В трудах ведущих российских историков XVI, XVII и XX веков наблюдается непоколебимая уверенность, что казаки — это часть славянского народа, его особая ветвь с вкраплениями представителей других коренных народов страны.

Спорить можно много, но ясно одно: каково бы ни было происхождение слова «казак», в конечном итоге носителем его стал русский человек со своим языком, верой, обычаями и культурой. Казачество рассматривается как составная часть русского народа, поэтому его история должна рассматриваться в неразрывной связи с историей России и Православия.

Казаки всегда считали себя неотделимыми от русского народа, а казачьи земли — от России. Казачество — явление мирового характера. Оно — «поэзия» русской старины, которая не может не волновать русскую душу. Казачество является продуктом русской стихии, сформировавшей из окраинных поселенцев своеобразно-красочный культурно-исторический тип российского мира.

Казаки никогда не знали рабства, отсюда их первое и главное достоинство — чувство внутренней свободы. Вместе с тем органической чертой казака всегда была присущая ему любовь к порядку. Гармоническое сочетание этих двух начал всегда делало из казаков самую верную опору, самый надежный оплот здоровой государственности.

Жизнь и внутреннее отношение казачества всегда утверждались на здоровых отношениях. Казаку всегда было ясно, что «где нет равенства, там нет справедливости, а где нет справедливости, там нет нравственности». Это начало всегда лежало в основании строительства казачьей жизни, генетическим кодом казачества является совесть.

В казачестве переплелись взаимоисключающие явления: тяга к свободе (в первую очередь, к свободе духа) и любовь к по-

рядку. Не просто тяга к порядку, а любовь к внутренней собранности, которая тяготеет к воинской дисциплине, отсюда (или вследствие этого) еще одна казачья характеристика — так называемое воинское сословие.

Кзаки — настоящие воины по духу своему и по поступкам. Для казака смерть за свою православную веру, за Родину — не подвиг, а венец всей жизни.

Отличительная черта казачьей организации — то, что эта организация строго национальная, русская, то есть:

1. Религиозная.
2. Православно-церковная.
3. Сохранившая более крепкую связь с древнерусским укладом (допетровским).
4. Более других родов оружия сохранившая свой семейный быт.
5. Более других частей русской армии сблизившая военную службу с семейной жизнью.

В глазах простого народа воин идеальный, воин по преимуществу мыслим всегда как казак. Вся жизнь казачества была воплощена в служении государству и вере православной. Действительно, на государевой службе обрели казаки расцвет, духовный взлет, проявили блеск удали и дерзкой отваги, самоотверженность и верность присяге. Казачья доля была всегда неотделима от судьбы России. Святая Русь — единственная в мире страна, взрастившая казачество.

Оставаясь вольным и гордым в самом себе, казак растворялся в семье, станице и в войске, ярко выражая свою личность — глобокую и религиозную — соборно в рамках своего родного войска.

В силу этого обстоятельства казачьи войска крепко и всеми силами, корнями держались родной почвы, отличались покорностью воле Божьей и глубокой системой, удерживающей их на вершине русского самосознания, государственной дисциплины.

С природой казачества как с серьезным фактором на международных весах считались политика и стратегия — наша и иноземная. Казачеством русский народ и Вооруженные силы России гордились.

Идея исторического казачества, его природа, ясная и категоричная, исключительная мощь духа, его традиции, быт, экономические основы никак не укладываются в заостренные формы западного либерализма. Западная безрелигиозная и бездушная культура противопоставлена культуре казачьей (русской) — соборно православной и патриархальной. Западный холодный демократизм и казачий всеобъемлющий дух сегодня встретились как смертельные враги.

Давайте сравним, что означает слово «казак» сейчас и что означало оно у наших предков. Слово «казак» для большинства сейчас означает исторический персонаж или современную живую этнографическую достопримечательность. Слово «казак» у наших предков ассоциировалось с доблестью духа и было высшей похвалой для мужчины. Для остальных моральные ориентиры казака служили эталоном в поведении.

Если сравним значение слова «казак» сейчас и у наших предков, то обнаружим несоответствие смыслового и духовного наполнения — каким слово было и каким стало. Мы и наши предки, произнося слово «казак», вкладываем в него разный смысл, реагируем на него по-разному. Какую духовную составляющую мы растеряли за эти годы? Можно ли говорить о возрождении казачества, если душа самого слова «казак» потеряна?

Слово «казак» утратило сейчас изначальное духовное наполнение, и поэтому казачество утратило свои духовные ориентиры. Говорить о возрождении казачества без возрождения духовных основ невозможно. Казачество есть, когда есть духовные основы, и казачества нет, когда нет духовных основ.

Без духовных основ все казачество сводится к внешней обрядности. Казачество — это прежде всего духовное братство, а не стилевые решения: форма, погоны, прическа, нагайка, шашка.

Сравнение современного казачества с прошлым далеко не в пользу первого.

Основными элементами
духовной основы казачества являются:

- вера православная;
- неподкупность;
- равнодушие к богатству;
- общинность;
- товарищество;
- воля;
- служение.

Служение казачества заключалось в защите Православия, обычаев и традиций, земли и народа Святой Руси.

Православие является обязательным условием существования казачества. Казачество формировалось и пополнялось из православной среды. Значит, только Православие дает казачеству духовное потомство.

Еще пару сотен лет назад каждый казак имел непоколебимую веру в Бога и в вечность души, в то, что рано или поздно душа несет ответственность за качество прожитой жизни. И поэтому главной целью жизни казака являлось спасение души. Соответствуют ли поступки спасению души — являлось главной шкалой ценностей.

Казак олицетворял в себе не жизнь тела, а жизнь души, побравши в себя Веру, Честь и Совесть. Убить его физически не означало убить его душу и сознание. А изменить взгляды на противоположные означало убить его душу при живом теле. Для казака спасти душу и честь было гораздо важнее, чем спасение тела. Спасение своей души было более важным, чем спасение жизни, а тем более выгоды. Поэтому голос совести в казаке должен всегда звучать сильнее выгоды. Человека с такой шкалой ценностей невозможно купить.

Из этого вытекает вторая духовная основа казачества — неподкупность и независимость. Казачеству всегда были свойственны личный аскетизм и презрение к роскоши. Вспомним заповедь Господа нашего Иисуса Христа: «Возлюби ближнего своего». Любовь к ближнему проявляется прежде всего в заботе о нем. Ведь мы заботимся обо всех, кого любим.

Именно заботой и любовью о ближнем пропитана третья духовная основа казачества — общинная форма жизни. Эта форма жизни наиболее приемлема для Православия и казачества. Для нее характерны взаимовыручка и сотрудничество, решение вопросов сообща. В общинной форме решающее значение имеют межличностные отношения, а не деньги и титулы. Община — извечная форма существования казачества. В свое время общинная форма жизни была доминирующей для всего народа Святой Руси.

Народ Святой Руси является четвертой духовной основой казачества.

Пятой духовной основой казачества являются братство и товарищество. Что является общинной формой жизни на более высокой ступени развития, которая усилена православным мировоззрением и вытекающим из него поведением? В казачьем товариществе каждый казак как воин-общинник, даже будучи один, действовал в интересах общего казачьего мировоззрения. Каждый казак представлял интересы могучей казачьей православной силы.

Действиям казаков была присуща жертвенность в интересах братства как высшая доблесть. А как же иначе? Спаситель явил братству достойный пример, идя на муки и отдав Свою жизнь для спасения людей и искупления их грехов.

А если казака нельзя купить или запугать, то рождается шестая духовная основа казачества — свобода истинная. Это воля поступать по совести, по нравственным ориентирам православного мировоззрения. Любые другие мотивы — это не воля. Свобода выступает как совесть водительство, Богом данное. Воля как вседозволенность казачеством отрицалась и не признавалась. Поэтому казак руководствовался в своих поступках свободой как совестью и нравственными ориентирами православного мировоззрения.

Вспомним еще одну основную заповедь Спасителя: «Возлюби Господа своего». Забота о Творце есть служение Ему, которым казачество спасает свою душу. А своим спасающим душу служением Творцу казачество выбрало защиту Православия, Святой Руси, ее народа.

Итак, назначение казачества — защита Православия, Святой Руси и ее народа. А место казачества — на рубеже. Прежде всего, на рубеже духовном.

Итак, место казачества — на рубеже

духовном

*Выполняет иммунную функцию,
не позволяя проявиться
мерзости и злу*

военном

*Выполняет внешнюю
защиту государства*

В настоящее время одна часть казачества в России состоит из войсковых казачьих обществ, так называемый Реестр. Другая часть — из общественных организаций в лице Союза казаков России.

Какое из них истинное казачество?

Правильных ответов два:

1. Ни одно из них, если в них нет соответствия духовным основам и нет стремления исполнить свое предназначение.
2. Каждое из них истинно, если соответствует духовным основам и своему предназначению.

Русская Православная Церковь и казачество на Северном Кавказе в конце XVIII — первой половине XIX веков: единство, трудности и противоречия

Клычников Ю. Ю., доктор исторических наук, профессор
Пятигорского государственного лингвистического университета

Одним из факторов, определяющих менталитет казачества, является его глубокая религиозность. Между тем во взаимоотношениях казаков и Русской Православной Церкви было немало противоречивых и конфликтных моментов, изучение которых весьма поучительно и может дать бесценный опыт, востребованный и в наши дни. Трагические события, связанные с церковным расколом в XVII столетии, привели к тому, что на окраины государства Российского устремились те, кто не желал поступиться своими убеждениями. Часть из них пополнила ряды казачества на Северном Кавказе. При всех имеющихся противоречиях для Церкви и эта паства была духовно близкой и нуждающейся в опеке, а потому священнослужители вместе с казаками преодолевали нелегкие тяготы жизни на беспокойном южном порубежье.

С 1792 г. началось заселение казаков на Кубань. По характеристике митрополита Гедсона, «черноморские казаки отличались редкой приверженностью к православной вере, что выгодно их выделяло от остального пестрого русского населения края, легко поддававшегося влиянию старообрядчества и сектантства» [1]. Для удовлетворения религиозных нужд к ним был прислан иеромонах Исаия, а сами казаки из своей среды выбирали наиболее авторитетных и уважаемых людей, которые удостоивались сана священнослужителя [2]. Это была вынужденная мера, которую казаки обосновали в своем прошении к Святейшему Синоду следующими доводами: «По благоволению Всеавгустейшия Монархини войску верных черноморских казаков отведена земля Таврической области в острове Фанагории, на которой земле многие селения заселены и вновь населяются, каждое селение не менее составляет тысячи душ, которые, не имея священников, коими и заимствоваться неоткуда, умирают без исповеди и прича-

ствия Святых Таин. Младенцы без крещения, и гробы их остаются не запечатанными до днесь; остающиеся в живых новорожденные младенцы бывают без крещения месяцев по семи... Дабы жители и далее того претерпевать не могли и не лишались бы совершаемого в храмах Божиих пения, а паче весьма престарелые по набожности своей желающие в том докончить жизнь свою, повелеть преосвященному епископу Феодосийскому представляемых от правительства с надлежащими увольнительными свидетельствами людей достойных во священники рукополагать и в церковнические звания определять, также и храмы Божии сооружать позволять...» [3].

В 1794 г. Черномория была причислена к Феодосийской епархии, а епископ Феодосийский и Мариупольский Иов получил указание Синода позаботиться об открытии в крае необходимого числа церквей, но при этом должен был следить, чтобы для них отводилось не менее 33 десятин земли, а для священников возводились соответствующие их положению дома [4]. В 1796 г. в Черноморском войске было 4 храма [5]. Этого было явно недостаточно, и поэтому при необходимости открывались походные церкви [6]. Войсковым протоиереем стал отец Роман Порохня, чью кандидатуру лично утвердила Екатерина II. К 1797 г. под его началом было уже 27 приходов. В 1800 г. был заложен первый войсковой собор во имя Воскресения Христова в Екатеринодаре.

По мере увеличения числа куреней церковные власти столкнулись с такой проблемой, как самозванство. Известны случаи, когда появившиеся на Кубани авантюристы, пользуясь нехваткой грамотных священников, выдавали себя за представителей духовенства. С этим явлением власти стремились решительно бороться.

Благодаря тому что черноморское духовенство состояло преимущественно из людей, которых выбирали сами казаки, это ставило его «в особое положение в сравнении с традиционными церковными порядками, установленными во всей Российской империи» [7]. От подобной практики не отказался и новый епископ Феодосийский и Мариупольский преосвященный Христофор, который в 1799 г. повелел набрать недостающее число причетников из числа самих черноморцев.

В Екатеринодаре создали собственное духовное правление, позволившее решать на месте все церковные дела, кроме руко-

положения в священники [9]. Войсковая казачья администрация оказывала всевозможную помощь и поддержку церковному строительству. Сыграл свою роль и тот факт, что войсковой атаман Бурсак сам являлся сыном священника и получил образование в Духовной семинарии.

Однако таких отношений придерживались не всегда. По словам Ф.А. Щербины, светские власти порой «почетному званию духовенства... противопоставляли свой чиновничий гонор. Представители войсковой администрации ставили себя в служебном отношении выше церковного клира и часто не только позволяли себе мешаться во внутренние дела духовенства, но и допускали произвол и насилие. Поэтому в обыденной жизни между духовенством и людьми влиятельными в таких случаях происходили распри и пререкания, оканчивавшиеся зачастую не в пользу духовенства. Только в случаях явного нарушения прав духовенства администрация становилась на сторону последнего» [10]. Здесь, видимо, сказывалось то, что находящийся вдали от Черноморрии архиерей не мог своевременно оказывать поддержку подчиненным ему пастырям. Войсковая же администрация в условиях военной нестабильности сумела сосредоточить в своих руках огромные полномочия, которыми не всегда разумно распорядилась.

Тем не менее свидетельством значимости Церкви в жизни черноморского казачества является тот факт, что в 1793 г. было решено переплавить несколько войсковых пушек в колокола, т.к. потребность в них ощущали не меньшую, чем в оружии.

Нелегкая, наполненная военными тяготами жизнь казаков делала первоочередной задачей обеспечения их обустройства в старости или в случае получения увечья. Возложить эту миссию решили на Церковь. По указанию императрицы Екатерины II в 1794 г. решено было открыть монастырь, названный Екатерино-Лебяжьей Свято-Николаевской пустыней [11]. Осознавая важность и необходимость такого начинания, казаки жертвовали на нужды монастыря свои средства. Так, кошевой атаман З.А. Чепига «на вечное владение с доброй моей воли отдал» пустыни свою плотинную мельницу на реке Бейсужке [12]. Будучи приютом для сирых и убогих, монастырь «имел и образовательное значение для войска. Он был школой для подготовки лиц, желавших поступить в духовное звание. Здесь учились церковной службе, чтению

на клиросе и пению те казаки, которых епархиальная власть ставила потом в причетники, диаконы и священники. Монахи были учителями этих кандидатов, приучали их к церковным порядкам, к отчетливому чтению в церкви, к умению владеть «гортанью», то есть голосом, к усвоению церковных напевов и т.п. Учениками в монастыре вместе со взрослыми были и мальчики. И не один священник или чаще дьячок начал служение Церкви с Лебяжьего острова» [13]. После упразднения Моздокско-Маджарской епархии в крае, особенно среди терских казаков, ширится число старообрядцев и различных сектантов.

Трудности в управлении Северным Кавказом из Астрахани в очередной раз заставили провести реорганизацию и в 1829 г. переподчинить край Донской епархии. Епископ Новочеркасский и Георгиевский Афанасий принялся решать старые проблемы своей новой паствы. Чтобы лучше разобраться с ситуацией, он посетил Кавказскую область, проехав от Новочеркасска до Кизляра, по дороге заезжая в города и станицы и общаясь с местным духовенством [14].

Епископ следил за тем, чтобы местное духовенство не позволяло себе корыстных поступков. Когда он узнал, что священники станицы Новотроицкой Иоанн Островидов и Михаил Михеев принуждали своих прихожан давать им «за исправление треб» чрезмерную плату, то строго предупредил о недопустимости подобной практики, пригрозив предать их суду и лишиться занимаемой должности [15].

Как и прежде, немало хлопот доставляли старообрядцы и сектанты, для давления на которых активно привлекались светские власти. Помимо регулярного сбора сведений о раскольниках [16] они должны были участвовать в пресечении деятельности наиболее активных их представителей [17]. Примечательна история, связанная с одной из казачьих вдов, занимавшейся обучением детей и ставшей предметом разбирательства со стороны духовных и светских инстанций. В мае 1839 г. к наказному атаману Кавказского линейного казачьего войска С.С. Николаеву от имени Новочеркасской духовной консистории обратился протоиерей Иоанн Слащевский, поведавший, что они слушали «рапорт Наурской станицы священника Ивана Троицкого от 2-го числа се-го месяца, в коем изъяснил, что оной же станицы вдова есауль-

ская жена Софья Хуторская, содержащая раскольническую секту, соблазняет прихожан и, набирая казачьих детей грекороссийского исповедания, обучает в своем доме читать и тем может развратить малых детей и притом научить их оставить грекороссийскую веру и быть раскольниками. А посему просить запретить ей, есаульше Хуторской, обучать детей грекороссийского исповедания». В этой связи Консистерия постановила просить атамана «дабы в рассмотрении поступка есаульши Хуторской в соблазнении правоверных и противозаконном обучении ею в своем доме детей благоволили учинить свое начальническое распоряжение» [18].

Генерал-майор Николаев предписал выполняющему обязанности командира Моздокского казачьего полка сотнику Золотареву немедленно провести дознание и сообщить ему о результатах. В июле 1839 г. последовало разъяснение, что, выполняя поручение атамана, Золотарев отдал приказ «начальнику Наурской станицы зауряд-хорунжему Суровецкому дознать секретно, действительно ли заведываемого мною полка вдова есаульская жена Софья Хуторская содержит раскольническую секту». В итоге стало известно, что «вдова сотница, а не есаульша Софья не Хуторская, а Отченашенкова есть грекороссийской веры, а не старообрядческой секты, и находилась в замужестве за умершим сотником Яковом Отченашенковым грекороссийской веры, да и по книге семейной в старообрядцах не состоит. Что же касается до учения ею малолетних детей, то сие справедливо, каковых набирает она по просьбе родителей, одной с нею веры, и тем самым приобретает себе содержание и пропитание, по бедному ее положению, почему и полагать не должно, чтобы она совращала в раскол детей» [19]. Атаман приказал впредь наблюдать за деятельностью Отченашенковой, и на этом дело было закрыто. Но возникает вопрос, насколько можно было доверять расследованию казачьего офицера, который мог просто скрыть от начальства реальное положение вещей. К примеру, в станице Ессентукской долгое время существовал молельный дом старообрядцев, но попытки закрыть его со стороны местного священника оставались безуспешными. Лишь вмешательство епископа заставило казаков подчиниться, и молельня была опечатана [20].

Владыка Афанасий настойчиво пытался убедить местных священников отправлять своих детей на учебу и даже грозил им

различными штрафами и карами. Но вновь эти инициативы потерпели неудачу. Все очевиднее становилась необходимость создания самостоятельной Кавказской епархии, имеющей собственные духовные образовательные учреждения, способные не только обучить азам церковной службы, но и воспитать действительно грамотных священнослужителей.

И такой шаг был сделан благодаря инициативе командующего войсками на Кавказской линии и Черномории П.Х. Граббе, который сумел убедить императора и Синод в целесообразности подобной меры. Николай I утвердил 4 апреля 1842 г. доклад о создании Кавказской епархии, первым епископом которой стал преосвященный Иеремия, до того бывший викарием Киевской митрополии. Новая епархия официально начала свою деятельность с 1 января 1843 г.

Епископ Кавказский и Черноморский 10 апреля 1843 г. прибыл в кафедральный город Ставрополь и сразу же активно включился в жизнь края. На момент учреждения Кавказской епархии в крае насчитывалось 192 церкви и 276 причтов [21]. Начинается активное строительство новых храмов и монастырей. Так, в Ставрополе возвели кафедральный собор, архитектором которого стал любимец Николая I К.А. Тон [22]. Строятся Андреевская, Успенская, Варваринская, Крестовая церкви. Учитывая, что, к примеру, Успенская церковь была задумана еще в конце 20-х гг. XIX в., а ее завершение откладывалось на неопределенный срок, остается только удивляться настойчивости владыки Иеремии [23]. В Пятигорске по проекту К.А. Тона закладывается Спасский собор, доводка которого затянулась с 1847 по 1867 гг. На территории Северного Кавказа появляются такие храмы, как «Николаевский в ст-це Баталпашинской, Казанский в с. Татарском, Дмитриевский в с. Дубовке, Николаевский в с. Новомосковском, Михаило-Архангельский в с. Птиченском, Покровский в с. Новогеоргиевском, Петропавловский в ст-це Новопапавловской, Михаило-Архангельский в с. Среднегорлыкском, Петропавловский в с. Жуковском, Вознесенский в с. Воронцовском, Николаевский в с. Петровском, Иоанно-Богословский в с. Шишкино, Николаевский в с. Сухая Буйвола, Спасо-Преображенский в ст-це Брюховецкой, Николаевский в ст-це Новонижнестеблиевской» [24].

В июле 1846 г. Святейший Синод постановил открыть в Ставрополе Кавказскую семинарию, и благодаря кипучей деятельности владыки Иеремии занятия начались уже через два месяца [25]. Для содержания неимущих семинаристов Владыка жаловал личные сбережения, передал свою библиотеку и первое время сам вел занятия. Среди изучаемых предметов были осетинский и калмыцкий языки. От замысла преподавать черкесский и чеченский языки пришлось отказаться, так как реалии Кавказской войны не позволяли вести миссионерскую работу среди этих народов. Владыка Иеремия сумел добиться учреждения стипендий для горских детей, которые обучались в Семинарии.

Епископ выступал за преобразование Екатеринодарского духовного училища в уездное, но воплотить в жизнь этот проект удалось лишь в 1858 г., уже при другом владыке. А при святителе Иеремии училище получило новый дом, и с 1844 г. при нем действовала бурса (общежитие), где могли проживать дети из неимущих семей [26].

В Черномории, на р. Кирпилей, в 1849 г. учреждается Марие-Магдалинская женская обитель, первый женский монастырь на Кубани [27]. Вблизи Ставрополя преосвященный Иеремия открывает Иоанно-Мариинскую женскую общину, ставшую впоследствии иноческой обителью [28].

Стремясь поближе познакомиться с нуждами своей паствы, епископ Иеремия совершил инспекционную поездку по региону. Если в Черномории ситуация была относительно благополучной, то на Кавказской линии Владыку застала удручающая картина. Многие церкви находились в запустении, а в ряде станиц даже были разобраны. Старообрядцы, сектанты являлись серьезным конкурентом для православного духовенства и имели значительное влияние на умы людей. Попытка справиться с ними имела для епископа Кавказского и Черноморского серьезные последствия. Когда он потребовал удалить из станицы Червленной беглого попа, на него обрушился вал жалоб [29]. Среди обвинений было и столь серьезное, как ослушание царской воли, согласно которой гребенским линейным казакам с 1836 г. разрешалось молиться по их традиционному обряду. Петербург и местное кавказское начальство встали на сторону гребенцев, и указом Синода от 19 июля 1845 г. духовенство линейных казачьих станиц бы-

ло переподчинено обер-священнику Кавказского отдельного корпуса Михайловскому (такое подчинение сохранялось до 14 сентября 1867 г.).

Это был сильный удар по авторитету официальной Церкви. По словам Г.И. Филиппсона, «дело велось втайне, и указ неожиданно разрушил только что образованную епархию» [30]. Пресвященный Иеремия пытался убедить М.С. Воронцова в порочности подобного шага, но к его мнению не прислушались. В декабре 1849 г. он вынужден был покинуть свой пост. Новым епископом стал Иоанникий (Образцов), затем, с 1857 г., — святитель Игнатий Брянчанинов [31], а с 1863 г. — владыка Феофилакт. Всем им пришлось столкнуться с теми же проблемами, что и их предшественнику. Власти, заинтересованные в лояльности линейных казаков-староверов в условиях завершения Кавказской войны, не желали обострять с ними отношения.

Это, однако, не означало, что в отношении старообрядцев государство на практике поступало столь либерально, как декларировало в своих официальных заявлениях. К примеру, в принятых еще в 1800 г. единоверческих Правилах, предназначенных для сглаживания имеющихся противоречий между официальной Церковью и старообрядцами, в пункте 14 говорилось: «...если случится быть браку, состоящему одной половине грекороссийской церкви, а другой — старообрядческой, таковых венчать по общему согласию, или в грекороссийской, или в старообрядческой церкви» [32]. И хотя это решение продолжало оставаться в силе, на места уходили секретные циркуляры, гласившие, что «Государь Император по случаю встречаемых местными гражданскими и духовными начальствами недоразумений касательно браков раскольников с правоверными высочайше повелеть соизволил: постановить правилом, чтобы с раскольниками, сочетающимися браком с правоверными в раскольнических церквях, домах и часовнях, равно и с попами их, или иными лицами, совершающими таковые браки, поступаемо было на общем основании как с совратителями, то есть предавать суду для поступления по законам» [33].

Казацье руководство получало секретные предписания, гласившие, что «раскольнические церкви, часовни и молитвенные дома, построенные до 17-го сентября 1826 года, оставляются в том

положении, в каком они в то время были, после же того не только вновь строить что-либо похожее на церкви, но и переделка или возобновление старых подобных зданий ни по какому случаю не дозволяется». По указанию императора устанавливались правила, согласно которым:

- «1) Противозаконно построенную или возобновленную часовню, или моленную раскольническую, губернское начальство по дознанию запечатывает и с точным изложением обстоятельств доносит Министерству Внутренних Дел, присовокупляя и мнение, как полагало бы поступить далее.
- 2) Если часовня, оставленная запечатанною, будет распечатана своевольно, или с употреблением подлога, откроются в ней раскольнические собрания, то за сие вторичное противозаконное действие она подлежит уничтожению.
- 3) В случае необходимости уничтожить часовню, губернское начальство, получив на то разрешение Министерства, должно произвести сие по избрании удобнейшего времени с всевозможною осмотрительностью и без предварительной огласки, могущей подать повод к народным скопищам» [34].

Впрочем, такой подход во многом зависел от личности Кавказского наместника. Среди них были и те, кто на самом деле хотел мирного и ненасильственного решения столь болезненного для русского Православия вопроса. И здесь заслуживает внимания М.С. Воронцов, который, как говорилось выше, мог пойти на конфликт с некоторыми иерархами официальной Церкви и светскими чиновниками, проводившими слишком жесткую линию в данном деле. О его позиции говорит случай, произошедший при посещении князем Прочного Окопа. Там во время приема депутации он заметил, что «жители разделились на две ча-

сти, причем оказалось, что большая кучка состояла из раскольников, которые рассказали о претерпеваемых притеснениях. У князя задрожали губы от волнения, он тут же приказал отпереть модельню и дозволил богослужение. Этот эпизод характеризует веротерпимость князя, не совсем даже согласовавшуюся с тогдашними законами. Рассказывают, что на представления об этом своих сослуживцев князь отвечал:

— Если бы нужно было здесь исполнение законов, то Государь не меня бы прислал, а свод законов!» [35].

Таким образом, осуществлялся поиск непростого компромисса, суть которого, как представляется, заключалась в создании такой модели взаимоотношений между казаками, светской властью и Церковью, которая позволяла бы объединить их усилия в трудах на благо Отечества Российского.

- Примечания**
1. Гедеон, митрополит Ставропольский и Бакинский. История христианства на Северном Кавказе до и после присоединения его к России. М.—Пятигорск, 1992. С. 15–73; Кузнецов В.А. Христианство на Северном Кавказе до XV века. Владикавказ, 2002. С. 94.
 2. Православная Церковь на Кубани (конец XVIII — начало XX в.). Сборник документов (К 2000-летию христианства) / Упр. по делам архивов Краснодарского края. Госархив Краснодарского края. Госархив Ставропольского края. Краснодар, 2001. С. 157–158.
 3. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 253. Л. 12–13.
 4. Православная Церковь... С. 29–33.
 5. Шептун С.В. Из истории Православной Церкви на Кубани. Краснодар, 1995. С. 387.
 6. Православная Церковь... С. 159–160.
 7. Гедеон. Указ. соч. С. 97.
 8. Щербина Ф.А. История Кубанского казацкого войска: в 2-х т. Краснодар, 1992. Репринтное издание. Екатеринодар, 1913. Т. II. История войны казаков с закубанскими горцами. С. 774–775.
 9. Православная Церковь... С. 36–37; Щербина Ф.А. Указ. соч. С. 770.
 10. Щербина Ф.А. Указ. соч. С. 772.
 11. ГАКК. Ф. 250. Оп. 1. Д. 37. Л. 1–24.
 12. ГАКК. Ф. 250. Оп. 1. Д. 36. Л. 1.
 13. Щербина Ф.А. Указ. соч. С. 786.
 14. ЦГА РСО—А. Ф. 3. Оп. 1. Д. 21. Л. 58.
 15. Там же. Л. 4.
 16. ЦГА РСО—А. Ф. 3. Оп. 1. Д. 25, 31, 32, 34, 45, 48, 53, 56, 57, 75, 81, 88 и др.
 17. ЦГА РСО—А. Ф. 3. Оп. 1. Д. 38.
 18. ЦГА РСО—А. Ф. 3. Оп. 1. Д. 54. Л. 1–1 об.
 19. Там же. Л. 3.
 20. ЦГА РСО—А. Ф. 3. Оп. 1. Д. 79. Л. 1–10.

21. Михайловский Г.П. Материалы для истории Кавказской епархии // Кавказские епархиальные ведомости. Ставрополь, 1880. С. 427.
22. Гребенников В.П., Белоконь В.В. 150 лет Ставропольскому кафедральному собору во имя Казанской иконы Божией Матери // Ставропольский хронограф на 1997 год. Библиографический указатель литературы. Ставрополь, 1997. С. 108–109.
23. Митрофаненко В. К истории построения Успенской церкви в г. Ставрополе // Ставропольский хронограф на 1999 год. Краеведческий сборник. Ставрополь, 1999. С. 154–159.
24. Митрофаненко В. Преосвященный Иеремия (К 200-летию со дня рождения) // Ставропольский хронограф на 1999 год. Краеведческий сборник. Ставрополь, 1999. С. 97.
25. Михайлов Н.Т. Справочник по Ставропольской епархии. Екатеринодар, 1910. С. 39.
26. Митрофаненко В. Преосвященный Иеремия... С. 97.
27. Щербина Ф.А. Указ. соч. С. 786.
28. Митрофаненко В. Преосвященный Иеремия... С. 97.
29. Великая Н.Н. Казаки Восточного Предкавказья в XVIII–XIX вв. Ростов-на-Дону, 2001. С. 142–143.
30. Филипсон Г.И. Воспоминания. М., 1895. С. 327.
31. Моздор М. Святитель Игнатий Брянчанинов, епископ Кавказский и Черноморский (К 190-летию со дня рождения) // Ставропольский хронограф на 1997 год. Ставрополь, 1997. С. 30–34.
32. ЦГА РСО–А. Ф. 3. Оп. 1. Д. 14. Л. 78.
33. ЦГА РСО–А. Ф. 3. Оп. 1. Д. 30. Л. 3.
34. ЦГА РСО–А. Ф. 3. Оп. 1. Д. 53. Л. 1–2.
35. Огарков В.В. Воронцовы и их жизнь и общественная деятельность. Биографические очерки. СПб., 1892. С. 95.

Новые возможности духовно- нравственного воспитания в кадетских казачьих корпусах

Котина И. А., руководитель учебно-методического сектора СКВК

Досточтимые отцы!

Сегодня я обращаюсь с информацией и просьбой о сотрудничестве в данном вопросе ко всем войсковым священникам.

Именно в казачьих кадетских корпусах растёт будущее казачества российского. К сожалению, семьи сейчас мало что могут сделать для воцерковления своих детей, так как сами отцы и матери в церковь ходят редко, а то и вообще не ходят. А приветствие: «Слава Богу!» произносят по привычке.

Условия для возрастания детей в вере православной можно создать в казачьих кадетских корпусах, где дети пребывают круглосуточно. Это и тесное взаимодействие священнослужителя с корпусом, и наличие учителей православноориентированных предметов, и внесение в режим дня корпуса ежедневных молитв утром и вечером, до и после еды, и посещение кадетами храмов в воскресные дни, и участие в церковных таинствах, паломнических поездках и т. д.

Чтобы все это было выстроено в единой системе, по решению Совета по делам казачества при Президенте России от 16 февраля 2011 г. в течение трех месяцев рабочей группой под руководством сотрудников Синодального комитета Русской Православной Церкви по взаимодействию с казачеством при участии сотрудников Российской академии образования, Синодального отдела религиозного образования и катехизации, педагогов казачьих кадетских корпусов, Свято-Тихоновского гуманитарного православного университета, Российского православного университета осуществлялась разработка проекта Программы духовно-нравственного развития, воспитания и социализации обучающихся в казачьих кадетских корпусах.

Были подготовлены проекты двух документов: Концепции духовно-нравственного развития, воспитания и социализации обучающихся в казачьих кадетских корпусах и примерной Про-

граммы духовно-нравственного развития, воспитания и социализации обучающихся.

Данные проекты были направлены во все войсковые казачьи общества, священникам, окормляющим ВКО, размещены на сайтах Синодального комитета по взаимодействию с казачеством и Московской Патриархии для общественного обсуждения.

В рабочую группу поступили документы по итогам обсуждения: экспертное заключение от Волгоградской академии повышения квалификации и переподготовки работников образования, рецензия департамента по делам казачества и кадетских учебных заведений Ростовской области, предложения от Иркутского и Оренбургского войсковых казачьих обществ, Кубанского казачьего войска, представителей учебных заведений и общественности, в соответствии с которыми в проекты внесен ряд изменений.

Поддержка проектов Концепции и примерной Программы духовно-нравственного развития, воспитания и социализации обучающихся в казачьих кадетских корпусах, разработанных рабочей группой Синодального комитета по взаимодействию с казачеством, отмечена в резолюции Второго съезда православной казачьей молодежи Юга России, посвященного святой для каждого казака теме «Церковь и казачество: сотрудничество на благо Отечества».

В документах дана высокая оценка проделанной работе. Отдельно отмечена актуальность данных документов для кадетских казачьих корпусов в связи с переходом образовательных учреждений на Федеральные государственные образовательные стандарты общего образования второго поколения с 1 сентября 2011 г. Указано на большую значимость такого направления, как повышение педагогической православной казачьей культуры родителей. Отмечен комплексный характер Программы, что повышает ее значимость в достижении поставленных целей.

Программа отвечает необходимым требованиям, предъявляемым к документам такого рода. Она направлена на повышение воспитательного потенциала казачьего кадетского образовательного учреждения, способствует сохранению исторической преемственности поколений, развитию культуры межэтнических отношений, соответствует Концепции духовно-нравственного разви-

тия, воспитания и социализации обучающихся в казачьих кадетских корпусах.

Во всех отзывах высказано предложение одобрить предложенные проекты в целом и рекомендовать данные Концепцию и Программу для применения в казачьих образовательных учебных заведениях.

Атаман Иркутского войска Н.И. Шахов предлагает Совету по делам казачества при Президенте РФ на очередном заседании обсудить данные проекты для принятия к исполнению.

Хочу отметить, что речь сегодня идет о документах, подготовленных конкретно для общеобразовательных учреждений, имеющих статус казачьего кадетского корпуса, типовое положение о которых будет утверждаться Министерством образования и науки РФ. Данные образовательные учреждения смогут реализовать эту Программу в полной мере в рамках казачьего этнокомпонента.

Мы предполагаем, что полезно в каждом регионе разработать план, состоящий из ряда действий:

1. Эти проекты сегодня необходимо донести в первую очередь до всех кадетских казачьих корпусов, а также до всех образовательных учреждений с казачьим этнокомпонентом.
2. Закрепить за каждым казачьим образовательным учреждением священнослужителя (совместно с епархиальным отделом образования).
3. Заключить соглашения о сотрудничестве между приходами и корпусами, разработать планы совместной работы на два-три года (по образцу).
4. Ежегодно проводить совместно с госорганами по делам казачества региональные конференции, конкурсы, фестивали, посвященные реализации православного компонента в казачьих кадетских корпусах, привлекая к ним органы управления об-

разованием всех уровней, родителей и общественность.

5. Выпускать сборники, обобщающие опыт работы казачьих обществ и образовательных учреждений по духовно-нравственному воспитанию казачат.

И тогда через несколько лет мы увидим результат — выпускников казачьих корпусов, для которых лозунг «Слава Богу, что мы казаки!» будет не просто слоганом, — вера православная станет для них ценностью, защищать которую будет делом чести, а может быть, и самой жизни.

**Основные направления
воцерковления казачества:
из опыта работы
Синодального комитета
по взаимодействию с казачеством**

Диакон кандидат философских наук, доцент,
Виктор Крючков, ответственный секретарь СКВК

По Божью промыслу решением Священного Синода Русской Православной Церкви от 5 марта 2010 г. был создан Синодальный комитет Русской Православной Церкви по взаимодействию с казачеством. Нужно заметить, что, создавая вертикаль церковной власти, священноначалие не ставит и никогда не ставило перед собой задачу формирования бюрократического аппарата, позволяющего «держать ситуацию под контролем». Церковь движима лишь одним желанием — нести ответственность за свою евангельскую проповедь в мире и способствовать развитию сотрудничества с обществом в социальных оздоровительных процессах.

Обозначенные нами процессы захватывают все большие массы населения, в том числе и казачество, переживающее новую эру своего возрождения. В этой связи неизбежно встает вопрос: на каких принципах будет строиться это возрождение?

Отвечая на данный вопрос, своего рода вызов времени, Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл в своей знаменитой исторической речи на заседании Совета при Президенте Российской Федерации по делам казачества 14 октября 2009 г. отметил, что «без хранения веры, без духовной ревности, без твердой опоры на духовные и нравственные ценности невозможно не только возродить казачество, но и само казачество невозможно» [1].

Сформулированная таким образом стратегия возрождения казачества через его воцерковление стала главным ориентиром деятельности новой синодальной структуры, призванной осуществлять координацию в вопросах диалога и сотрудничества Русской Православной Церкви с казачьими обществами и общественными объединениями казачества, а также с органами государственной власти и местного самоуправления, осуществля-

ющими взаимодействием с казачеством, поскольку сам факт возрождения казачества говорит нам о действии благодати Божией в человеческой истории, ибо, по слову Апостола, «все, водимые Духом Божиим, суть сыны Божии... сонаследники же Христу, если только с Ним страдаем, чтобы с Ним и прославиться» (Рим. 8; 14, 17).

Сегодня для нас принципиален содержательный аспект этого взаимодействия, поскольку казачий устав предполагает добровольное сотрудничество Церкви и казачества. Соответственно и цель такого сотрудничества заключается в создании условий для реализации в казачьей среде задач по организации процесса взаимодействия казачьих обществ с приходами Русской Православной Церкви, а также механизмов формирования пространства духовно-нравственной культуры в казачьих формированиях и поселениях.

Понимая, что казачество — это образ жизни, в частности формируемый под духовным воздействием православной веры, мы должны сформулировать основные принципы-ориентиры нашей работы, так как от их понимания и исполнения зависит и результат, которого ждет общество в рамках процессов оздоровления социального пространства, а также стремления избежать ошибочного представления некоторых членов казачьего сообщества, видящих в церковной структуре светский орган управления казачьими организациями с несвойственными ему функциями.

Данные принципы-ориентиры и были, в свою очередь, определены Святейшим Патриархом Кириллом:

1. Координация работы духовенства в казачьих соединениях.
2. Формирование через веру православного образа жизни.
3. Наблюдение за духовным состоянием казачества.
4. Применение канонических санкций прещения при отступлении от духа и традиций казачества [2].

Устав Синодального комитета по взаимодействию с казачеством [3], развивая данные принципы, определяет основные направления деятельности, которые находят свое выражение:

- в координационной деятельности по отношению к аналогичным органам исполнительной власти епархий Русской Православной Церкви;
- координирующей и направляющей функции в деятельности привлеченных к работе с казачеством священнослужителей;
- проведении конференций, форумов, фестивалей, семинаров, конкурсов по вопросам, относящимся к компетенции комитета;
- участии в реализации образовательных программ и проектов Русской Православной Церкви по вопросам взаимодействия с казачеством;
- организации обучения и стажировки представителей Русской Православной Церкви, привлеченных к работе по взаимодействию с казачьими обществами и общественными объединениями казачества, в России и за рубежом;
- проведении постоянного мониторинга участия членов казачьих обществ, включая их семьи, в религиозной жизни приходов Русской Православной Церкви в целях выработки соответствующих предложений по оптимизации процессов духовного окормления казачества.

Представленный нами перечень направлений, своего рода ориентиров, дает возможность логически реализовать в казачьей среде важный принцип формирования казачьего сообщества: «Казак без веры — не казак», в основе которого лежат традиционные отечественные ценности.

Здесь важно подчеркнуть, что формирование православного образа жизни неразрывно связано с сохранением и приумножением богатых традиций казачьей культуры, которые свято хранила Церковь. Именно поэтому казак не может не знать веры своих предков, которая всегда составляла основу его личной жизни и общественного служения. Являясь главой своего рода, казак обязан прививать православные традиции в своем семейном кругу — малой церкви, тем самым приобщая молодое поколение к тра-

диционной отечественной культуре, чтобы впоследствии он мог с честью произнести девиз благочестивого российского казачества: «Слава Богу, что мы казаки!»

В ходе совместной работы с институтом войскового духовенства постепенно вырабатывались и уточнялись основополагающие принципы воцерковления казачества, которые сегодня нами сформулированы следующим образом. Во-первых, когда казак принимает присягу, он клянется на Святом Евангелии и перед Крестом Спасителя. Но проблема в том, что Евангелие большая часть казачества просто-напросто не читали. Считаем, что это есть главный предмет для взаимодействия, поскольку мы, на всех уровнях заявляя: «Казак без веры — не казак», «Слава Богу, что мы казаки», порой не понимаем, что вера познается в Божием храме и вопрос катехизации казачества, приобщения его к православной вере — это серьезный вопрос для обсуждения в казачьем сообществе.

Следовательно, мы можем сформулировать первый принцип и заложить главную традицию казачьего общества: каждый казак и члены его семьи призваны посещать Божий храм, как правило, по воскресным и праздничным дням.

Второй принцип органически связан с первым — в казачьей среде необходимо реализовать важный принцип семейного благоустройства, который выражается формулой: каждый казак призван жить в венчанном браке. Казак должен понимать очень многие вещи, вытекающие из Таинства Венчания. Это, прежде всего, ответственность за свою семью, за свою жену, за своих детей, за самого себя. Это ответственность за тот здоровый образ жизни, который он организует в своей семье, своей малой церкви.

Третий принцип вытекает из второго: каждый ребенок в казачьей семье должен быть крещеным. Стыдно сказать, но среди казаков есть некрещенные даже в зрелом возрасте.

Четвертый принцип не менее важен: казак, если он хочет жить полнотой церковной жизни, обязан регулярно участвовать в Таинствах Исповеди и Святого Причастия.

И наконец, пятый принцип заключается в реализации положения о том, чтобы в каждом образовательном учреждении казачьего поселения в обязательном порядке было организовано

изучение курсов по «Истории казачества» и «Основам православной веры».

Соответственно основная работа Синодального комитета по взаимодействию с казачеством сосредоточена в среде духовенства, определенного священноначалием для работы в казачьей среде. Содержанием его деятельности является:

- формирование нормативной базы взаимодействия казачьего сообщества и приходов Русской Православной Церкви;
- формирование партнерских взаимоотношений;
- формирование организационной структуры духовно-просветительской работы в казачьей среде;
- подготовка православноориентированного актива, в том числе из среды специалистов сферы образования и культуры;
- разработка и реализация программы духовно-просветительской деятельности.

Еще одним из направлений такого сотрудничества Церкви и казачества является воспитание патриотизма, воскрешение героического духа в казачьей среде. У этого направления есть и благодатная основа — легендарная, героическая история казачества, духовные устои его жизни, где нормой поведения всегда было правило, когда один за всех и все за одного, где строго соблюдались законы казачьего братства, взаимовыручки, где превыше всего ставилась защита униженных и оскорбленных, борьба со злом и несправедливостью.

Следовательно, перед нами стоит сегодня задача сделать эти принципы нормой жизни казака и его семьи. И пастыри Церкви Христовой призваны помочь казакам в утверждении того образа жизни, который должен стать образцом для гражданина нашего Отечества. Чтобы люди, видя этот пример, говорили: «Так и надо жить!»

Такая постановка работы позволяет планировать ожидаемые результаты в области:

- реализации в казачьем сообществе основополагающего принципа жизни казака: «Казак без ве-

- ры — не казак» через практику воцерковления членов казачьего общества и членов их семей;
- разработки и реализации программы духовно-просветительской деятельности разнообразных партнеров в казачьих формированиях и поселениях;
 - расширения круга социальных партнеров в деле духовно-нравственного, гражданско-патриотического и семейного воспитания в казачьей среде;
 - расширения спектра форм духовного окормления казачьего сообщества;
 - создания информационно-аналитической базы опыта духовно-нравственного, гражданско-патриотического и семейного воспитания в казачьем поселении;
 - приобщения казачьей молодежи к православным духовным ценностям и отечественным культурно-историческим традициям казачества.

Отметим в этой связи, что поскольку взаимодействие — это двусторонний процесс, хотелось бы, чтобы именно сами войсковые казачьи общества определили пути этого взаимодействия, начиная с признания роли священнослужителей в жизни казачьих обществ, разработки договора о взаимодействии, определяющего права и обязанности сторон, вплоть до формирования системы войсковых и отдельских структур, конкретно отвечающих за духовно-просветительскую работу среди казаков и членов их семей.

В заключение хотелось бы остановиться еще на одном вопросе — о нестроениях в казачьей среде. Святейший Патриарх от имени всей Полноты Церкви всегда заявляет, что Церковь не благословляет деятельность организаций и лиц, ведущую к раздорам и разделениям. Мы все должны стремиться к миру и согласию.

Достойный пример дает нам Господь наш Иисус Христос, Который, пройдя Свой жизненный путь от Вифлеемских яслей через Голгофу и до горы Елеонской, прощаясь со Своими ученика-

ми, сказал им: «Мир вам!» (Лк. 24, 36; Ин. 20; 19, 21). Он оставил нам как Свое завещание слово о мире, так как без мира нет любви, а без любви нет и общения с Богом. Вот почему Святая Церковь так много молится о мире.

Всякое богослужение мы начинаем великой ектенией, говоря: «Миром Господу помолимся». Мы молимся о мире во всем мире, стараемся по мере своих сил помочь миру, памятуя слова Господни: «Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими» (Мф. 5, 9). Именно поэтому наш главный труд и подвиг — это стяжание мира в своем сердце и мирного отношения к окружающим. Без этого все наши усилия в пользу мира будут тщетны.

Таким образом, мы видим, что, создав новое синодальное подразделение, Церковь отвечает на духовные и социальные запросы со стороны самого казачества, среди которых важное место занимают вопросы духовного окормления казачьих войсковых объединений.

Еще раз подчеркнем, что все люди, относящие себя к казачеству, одновременно относят себя и к Православию и просят, чтобы к ним относились именно как к православным. Они хотят быть вместе с Русской Православной Церковью и сотрудничать с ней в такой интересной сфере ее социального служения.

- Примечания**
1. Выступление Патриарха Московского и всея Руси Кирилла на заседании Совета при Президенте Российской Федерации по делам казачества в Новочеркасске 14 октября 2009 г. По материалам сайта: <http://www.patriarchia.ru/db/text/813963.html>.
 2. Там же.
 3. См.: <http://donskoi.org/cossacks/synodal/documents/2010-06-01.php>.

Взаимодействие казачьих обществ Терского казачьего войска с приходами Русской Православной Церкви

Лихачев А. В., атаман Центрального районного казачьего общества СОКО ТВКО, подъесаул

Данное выступление не является попыткой научного анализа современного состояния терского казачества или попыткой оспорить изыскания социологов и исследователей казачества. Мне хотелось бы выразить мнение большинства казаков о том, что терское казачество немислимо без Православия, а также показать действительное состояние складывающихся взаимоотношений Русской Православной Церкви и терских казаков в современном обществе, после семидесяти лет гонений против христианства и казачества. Поэтому я разделяю мнение большинства присутствующих здесь терцев, что тема проходящей сегодня конференции «Православие — духовно-нравственный стержень казачьего мировоззрения», организованной совместными трудами Синодального комитета Русской Православной Церкви, Ставропольской и Невинномысской епархии и Терского войскового казачьего общества, как нельзя более созвучна истории терского казачества со времен седой древности и до периода его современного возрождения.

Сложная и трагичная история терского казачества насчитывает не одну сотню лет. Ведь даже не вдаваясь в научные споры о времени появления казачества на Северном Кавказе, многие исследователи справедливо считают его древнейшую часть, а именно гребенских казаков, автохтонным населением Кавказа. В среде казачества, например, указывают на сведения в трудах Ригельмана, озвучившего высказывание старого гребенского казака: «...мы козаре, а русские только по языку и по вере». О древнем присутствии в степях Северного Кавказа славянского и христианского населения нам говорят и различные находки. В том числе находки каменных крестов XI–XII вв. со славянским текстом (в частности, в районе сел Дмитриевского и Преградного Ставропольского края). Указывают казаки и на отрывочные сведения из различных источников о существовании древнего славянского

населения Пятигорья и современной Кубани. В частности, в среде казачества используется информация о том, что в XIV в. татарский хан Ахмет вывел с территории Пятигорья казаков-черкасов на юг современной Украины.

И даже оставив научному миру спорные моменты присутствия казачества на Северном Кавказе в глубокой древности, мы должны признать, что в период царствования Ивана Васильевича IV Грозного, то есть в XVI в., гребенское казачество уже выступает как давно сложившийся, грубо говоря, «местный» христианский народ, владеющий определенной территорией проживания, на которой расположено несколько поселений, исповедующий православное христианство, имеющий союзников и оппонентов среди местных народов и племен и стремящийся наряду с другими народами Северного Кавказа, например кабардинцами, заручиться поддержкой Московского княжества.

Такую поддержку казаки получают в виде грамоты Ивана Грозного, дарующего им «Терек со притоками», на котором они и так де-факто жили, видимо, достаточно давно, но с момента получения грамоты — уже как подданные набирающего силу северного соседа, христианского государства единого с ними вероисповедания.

Для современных терских казаков мысль, что именно христианство позволило казакам сохранить свою самобытность среди народов, исповедующих иные религии, является неоспоримой аксиомой. Ведь история терского казачества знает и такие примеры, когда незначительная часть казаков, по неизвестным нам причинам, приблизительно в XVIII в. ушла к чеченцам, где, приняв ислам, растворилась среди чеченского народа, сохранив лишь смутные воспоминания о том, что их предки были казаками.

Печально, что именно наиболее древний период истории христианского казачества на Тереке, живущего среди иноверных народов и племен без поддержки Российского государства, остается наименее изученным. Однако судя по отрывочным сведениям и устным преданиям, можно предположить, что гребенские казаки до прихода на Северный Кавказ представителей Московского царя жили достаточно мирно среди окружающих народов, гармонично вписываясь в их систему взаимоотношений,

при этом не меняя своего религиозного и традиционного мировоззрения.

Последовавший период присоединения и освоения Кавказа Российским государством, несомненно, оказал благотворное влияние на духовную жизнь терского казачества в целом. Прежде всего, это отразилось на возможности жить полноценной церковной, то есть приходской, жизнью. Строительство храмов в казачьих станицах, в том числе во вновь созданных, стало делом чести для каждой казачьей общины, количество церквей на Тереке росло с каждым годом. Несколько храмов привезли с собой казаки, переселившиеся с Дона. Некоторые из этих храмов сохранились до сих пор. Впоследствии в станицах началось строительство каменных церквей. Казачьи церкви не только играли роль духовных центров, но и выполняли функции просвещения казачества, вели гражданские записи рождения и смерти станичного населения, бракосочетания, фиксировали самые значительные события в истории станиц и хуторов. В целом это был чрезвычайно насыщенный историческими событиями трехсотлетний период истории терского казачества. Но были и сложные духовные моменты. Например, терских казаков не обошел церковный раскол, начавшийся в царствование Алексея Михайловича и прошедший в основном между казаками, вновь прибывшими на Терек, и старожилами, хотя, конечно, и здесь было не все так однозначно. Вплоть до революции среди гребенских и терских казаков было значительное число казаков-староверов. Однако крайние течения раскольников на Тереке не прижились.

С началом советского периода в истории терского казачества наступают самые черные страницы. Советская власть, устроив казачеству кровавый геноцид, особенно жестоко преследовала наиболее духовных и религиозно грамотных казаков, офицеров, церковных старост, стариков, являющихся носителями казачьих традиций. Затем период выселений, расстрелов, голода и всевозможного насилия сменился для терских казаков долгими годами насаждения научного атеизма, другими словами, культа государственного богоборчества. Несмотря на это, казаки по-прежнему практиковали крещение детей, чаще всего это делали женщины втайне от своих супругов. Из рассказов казаков известно, что подобные случаи нередко были в семьях партийных казаков и даже

высокопоставленных советских чиновников, которым в случае обнаружения данного факта грозили серьезные преследования.

Непростым было пробуждение казачества на Тереке в начале 90-х гг. прошлого столетия. Первые казацьи Круги и атаманы еще пытались клясться в верности советской Родине, партии и правительству, а иногда высказывались против присутствия Православной Церкви в жизни казаков. Однако вразумление наступило очень быстро. По мнению многих казаков, сигналом пробуждения религиозного самосознания на Тереке послужило убийство экстремистами в день празднования Святого Христова Воскресения атамана Подколзина, которое многие казаки небезосновательно считают ритуальным. Тогда многие поняли, что вопросы вероисповедания — это не отживший анахронизм, как их учили в советских школах и институтах, а реальная жизнь современного российского общества. Возвращение родовой памяти, обращение к истории предков, возрождение казачества в целом не могло обойти вопрос возрождения религиозности терских казаков.

И уже начиная с первых Кругов на них обязательно присутствует священник, благословляющий молитвой начало Круга и принятые на Круге решения. Присяга атамана сопровождается целованием Евангелия, креста, иконы. Казаки сначала робко, а потом все смелее крестятся на иконы и начинают посещать богослужения.

За период своего двадцатилетнего возрастания терское казачество прошло путь от попыток вспомнить, как правильно надо перекреститься, до полноценной приходской жизни и активного участия в строительстве православных храмов.

Сегодня, как и много столетий назад, строительство храма для многих казацьих обществ стало делом чести. Чтобы не утомлять слушателей, я перечислю лишь некоторые храмы и часовни, построенные или строящиеся казаками Терского войска за последние несколько лет. Это храм в селе Зеленая Роща (Степновское казачье общество), храм в городе Ессентуки (руководитель строительства — атаман Ессентукского казачьего общества В. Борисенко), часовня в поселке Горячеводск (Горячеводская община Пятигорского казачьего общества), храм в городе Кизляре (Кизлярский округ Терского войска), церковь в селе Грачевка (Грачевское хуторское казачье общество), храм Святого Георгия в

поселке Первомайском Ипатовского района (Ипатовское казачье общество). Кроме этого с участием казаков были построены или реставрированы десятки храмов и часовен в Чечне, Кабардино-Балкарии, Осетии, Дагестане и на Ставрополье.

Сегодня для казаков стало общепринятой нормой обустроить иконостасы в помещениях казачьих правлений и в своих домах, организовывать выезды казачьих делегаций в паломнические поездки, проводить занятия для казачат по изучению Закона Божьего, устанавливать поклонные кресты на въезде в населенные пункты.

Казаки активно участвуют в приходской жизни. Кроме оказания помощи в уборке церковных территорий, ремонте помещений, охране храмов, казаки сегодня зачастую являются организаторами проведения таких мероприятий, как крещенские купания, рождественские и масленичные гуляния, престольные праздники.

Хотелось бы особенно выделить усиливающееся сотрудничество казаков и Церкви в вопросах воспитания подрастающего поколения. Многие священники ведут активную преподавательскую деятельность в казачьих классах, созданных по инициативе и на средства казаков, посещают учебные заведения, в которых преподается казачий компонент, для проведения регулярных встреч и бесед с молодыми казаками.

Воспитание казачат в Терском войске сегодня построено не просто на принципах христианской морали, а на сознательном исповедовании канонического Православия. И это, несомненно, должно принести самые положительные результаты в ближайшие годы.

Сегодня для любого непредвзятого наблюдателя очевиден прогресс перехода казачества от безбожия к богопочитанию, но, конечно, этот процесс не так безоблачен, как нам хотелось бы. Немалую долю среди казаков старшего возраста до сих пор составляют люди, воспитанные на атеистической морали. Некоторые из них до сих пор являются яростными сторонниками коммунистической идеологии.

На сегодняшний день является также очевидным факт проведения активной деятельности по затягиванию казаков в славянские языческие секты. И если Терское войсковое казачье об-

щество решительно освобождается от таких людей, то они переходят в общественные казачьи организации. У всех казаков свежо в памяти создание так называемой «Волчьей сотни» из язычников сначала в составе Славянского союза казаков Грачевского района «Казачий СПАС», а затем их переход в Ставропольское казачье войско. На сегодняшний день следы данной группы теряются. Видимо, атаманы общественных казачьих объединений тоже поняли, насколько опасно играть в подобные игры. К сожалению, такой же казачий языческий анклав образовался в свое время в городе Георгиевске и в других населенных пунктах нашего края. Никто не считал, но думаю, что многие десятки казаков, особенно молодых, ушли в язычество.

Конечно, подавляющее большинство казаков сегодня, не стесняясь, крестятся и ставят свечки в церквях, но лишь немногие пытаются полноценно жить по-христиански. Очень мало казаков регулярно исповедуются и причащаются, держат пост. Современная жизнь не способствует чистоте нравов всего русского народа в целом, но к казачеству как наиболее организованной и активной части православного народа эта проблема имеет самое непосредственное отношение. Ведь именно чистота нравов в казачьих станицах позволила нашим предкам дольше всех сопротивляться коммунистическому безбожию. И в то же время, по мнению некоторых старых казаков, правильно показано Шолоховым в «Тихом Доне», что разложение в казачестве началось с потери семейных ценностей, с блуда телесного, который в конце концов привел к блуду духовному и политическому, а в результате — к потере всего, что было долгими веками создано казаками, вплоть до потери горячо любимой Родины.

Сегодня именно возрождение чистоты народных нравов, борьба с наркоманией, алкоголизмом, распущенностью должны стать краеугольным камнем в духовно-нравственном воспитании не только молодого поколения, но и казаков старшего возраста. Именно на данной стезе казаки видят огромный пласт для взаимодействия казачьих обществ с приходами Русской Православной Церкви. С этой целью терские казаки предлагают создание православных молодежных казачьих центров, которые бы базировались на территории церковных приходов или рядом с ними. А также казаки нуждаются в активизации миссионерской де-

тельности Церкви для усиления процесса воцерковления казачьего и русского населения Северного Кавказа.

Но самое главное, что, оказавшись в духовном вакууме, когда современная массовая культура, разлагающая нравственность и приводящая к полной деградации личности человека, максимально ослабила защитные функции русского народного организма, когда современное общество даже не пытается противостоять духовной агрессии со стороны тоталитарных сект, когда большинство мусульманских народов Кавказа, в отличие от славян, испытывают религиозный подъем, терские казаки видят единственную возможность самосохранения себя как народа в максимальном укреплении православной веры на Северном Кавказе. Сегодня, после того как государство показало свою неспособность защитить не только интересы, но и жизнь казаков и русских на Кавказе и практически произошел очередной геноцид терского казачества, уровень доверия казаков к государству, его социальным институтам, органам правопорядка и даже армии продолжает снижаться.

В этой ситуации единственным союзником и опорой для казачества на Северном Кавказе, по мнению терцев, остается только Русская Православная Церковь. Это является в ближайшие годы основным побудительным мотивом для возрастающего сотрудничества и соработничества казачьих обществ Терского войска и Русской Православной Церкви.

Православие — духовно-нравственный стержень казачьего мировоззрения

Лукаш С. Н., доктор педагогических наук, профессор
Армавирской государственной педагогической академии

Рефлексия современных российских образовательных систем и концепций по поводу культурных парадигм априори ставит вопросы истоков российской культуры, ее принципов, духовных основ. В этом же контексте правомерно обращение к понятиям, составляющим стержневые общенациональные основы: русской культуре, русской идее, русской ментальности. Без творческого осознания историко-философской духовной канвы российской культуры и ее ядра — Православия — становится невозможным построение современных образовательно-воспитательных систем, а все необходимые педагогические заимствования от Запада будут фрагментарными и поверхностными.

Следует сказать, что приобщение к исторической памяти, ориентация на национальные основы образования требуют от педагогов известного мужества и последовательности. Ибо тоталитарное прошлое выхолостило в общественном сознании, а следовательно, и в культуре, такие понятия, как духовное подвижничество, гуманность, свободомыслие, интеллигентность, чувство чести, народность. К сожалению, до сего времени в российском обществе преобладают идеи человека массовой культуры, лишенного национальной почвы, утерявшего черты национальной самобытности. Такой национальный нигилизм тревожит отечественных ученых. Е.П. Белозерцев, рассуждая о последствиях забвения национальных основ в содержании российского образования, справедливо указывает на то, что «ослабление чувства национальной идеи в конечном счете привело к трагическим последствиям — разрушению и ниспровержению вековых устоев жизни народа, гибели миллионов русских людей, изгнанию из страны многих лучших представителей отечественной культуры» [1, 63].

Знаменем нашего времени являются также идеи иного рода, спланивающие, объединяющие нацию для решения стратегически важных задач, стоящих перед Россией. Идеи, в которых звучат призывы к укреплению национального самосозна-

ния, мобилизации внутренних сил и возможностей россиян. Одной из таковых является идея российской национальной консолидации, выражающаяся в преодолении национального нигилизма в образовании, в воспитании у подрастающего поколения толерантности, в сохранении российской ментальности, в формировании патриотизма. Парадигма национального единения — основополагающая идея суверенной российской демократии — должна подкрепляться историко-культурной базой демократического опыта в России. В этом смысле для педагогической науки принципиальное значение имеет изучение, осмысление всего пласта российской историко-культурной демократической традиции и создание педагогических концепций, основанных на преемственных идеях российского народовластия и свободного развития личности.

Рассматривая закономерный вопрос о методе познания, вытекающий из логики данных исследований, о системе деятельности, направленной на получение интересующих нас новых знаний, отметим, что уместный в такой проблематике историко-педагогический подход к анализу социально-педагогических процессов и явлений отечественной культуры целесообразно осуществлять в контексте более широкого историософского понимания феноменов и ноуменов российской истории. При этом исследователя будет интересовать не столько сама история педагогики (факты, события, даты и пр.), сколько философия отечественной истории, философия образования, дающая возможность понять закономерности, причины и пути национального самоопределения, в том числе сквозь призму оснований духовной идеи России последнего тысячелетия — Православия. Е.П. Белозерцев замечает по этому поводу: «Христианство, православие для России не только религия, но и способ постижения мира, что позволяет создавать онтологические построения — своеобразную ярко индивидуальную онтологию «духовного порядка», основанием которой является человек» [1, 42].

Историософский подход, исходящий из религиозно-философских оснований отечественного образования, ориентирует исследователя на смысловое, мотивационное, духовно-идейное понимание его сущности. Важное свойство данного методологического подхода — возможность анализа идей иррационального ха-

рактера. Как тут не вспомнить классическое: «Умом Россию не понять...» В качестве объектов исследования в такой методологической сфере предстают не только феномены, подчиняющиеся законам природного детерминизма и составляющие сферу обыденного и научного опыта, но и ноумены, познание которых осуществляется за пределами чувственного опыта, являясь предметом абстракций, лишенных объектного содержания (например: Бог, свобода, вера и т.п.). Историческое проникновение в сущность педагогического феномена, основанием которого является человек, как уже отмечалось, в российских культурно-исторических условиях имманентно приводит исследователя к онтологии духовности. В этой связи феноменологическое раскрытие, очищение того или иного явления или процесса должны осуществляться через ноумены — идеи, «вещи в себе», несущие первопричину изменения существующего миропорядка. В контексте исследуемой нами проблематики исторический подход предстает более конкретно — как историческое осмысление ноуменов и феноменов отечественного образования, имеющих демократическую природу и предоставляющих возможность «извлечь урок» преемственного развития российской народовластной традиции в современных реалиях.

Следует осознать и еще одну особенность исторического познания. Столетия господства самодержавно-административной системы предопределили значительную сокрытость, засоренность российских культурно-образовательных феноменов и ноуменов, требующих нового своего осмысления в контексте всего узла российских социокультурных противоречий не только по линии Восток — Запад, но и, что особенно значимо, по оси Север — Юг.

Как методология образования исторический подход конкретизируется в том числе в региональной специфике. В историко-культурных условиях Юга России он позиционируется с воспитательным потенциалом культуры известного российского феномена казачества, развивающегося в направлении, с одной стороны, уникальной для России народной демократии, а с другой — осознанного служения Отечеству.

Проведенный нами анализ научных публикаций по проблеме изучения культуры казачества в широком дискурсе гумани-

тарных наук показывает, что она позиционируется как одна из ведущих интегративных идей. Особенно весомо обращение ученых прошлого и настоящего к духовным основам казачьей культуры, ее ценностям, казачьей ментальности, региональным особенностям культуры казачества, «казачьему духу», «казачьему укладу» (С.А. Голованова, В.А. Дорофеев, Н.С. Мельников-Разведенков, А.П. Скорик и др.). Исторический подход в выявлении воспитательного потенциала культуры казачества предопределяет проникновение в исследовательском поиске в глубинные сути самого явления, интерпретацию пути его изучения. В этом направлении проведенный нами феноменологический анализ подтверждает наше предположение о том, что традиционная характеристика казачества как этносословного явления «загораживает» другую, духовно-идейную, основу этого феномена [13, 24–68]. Между тем казачество на протяжении своего историко-культурного развития реализовывало свою особую, отличную от самодержавно-государственной доктрины идею социального устройства. В основе казачьей идеи лежало общее стремление людей строить свои внутренние отношения не на принуждении и угнетении личности, а на корневых традициях славяно-русского народовластия, раскрепощающих личность во имя выполнения определенной смысло-жизненной миссии.

С точки зрения онтологии казачества, формирующей в числе прочего и вектор будущего развития, существенным является уяснение смысловых основ этого феномена, составляющих его сущность, первородность. Таким основой казачьей культуры, духовно-нравственным стержнем казачьей идеи выступает, по нашему мнению, Православие.

С прискорбием следует констатировать тот факт, что сегодня понимание этой аксиомы в эмпирике казачьего возрождения зачастую девальвируется, отодвигается на второй план в угоду различного рода интересов и веяний. Создается опасный плацдарм для размывания казачества, «растаскивания» его по различным направлениям для попыток приспособления его под нужды определенных политических сил. В этой связи считаем своим долгом напомнить о первородной сути казачьей идеи — Православии.

Казачья идея, оставаясь неизменной в своих базовых началах, эволюционировала вместе с культурогенезом казаче-

ства. На ранних этапах вольного периода казачьей эволюции духовно-идейная составляющая казачьей культуры выражается стремлением людей к свободе-воле, к православному единению, понимаемым как неперемное условие личностного развития, необходимого для выполнения главной жизненной миссии казака — защиты православного Отечества и православной веры с оружием в руках.

При всей важности воинской субкультуры, воинской атрибутики, определяющей характеристикой для казачества является его внутренний мир, понимание добра и зла, активное служение своим духовным идеалам. Это казачье мироощущение тонко подмечено М.Ю. Лермонтовым в «Казачьей колыбельной песне»: «Богатырь ты будешь с виду и казак душой...» Не только внешние атрибуты воина важны для казака. Истинным казаком его делает внутренний мир. Духовные ориентиры человека, вступившего на путь воина, должны быть ясны и понятны ему самому, ибо от этого понимания зависит стойкость человека в бою, его решимость отдать, если надо, жизнь за правое дело.

Кто же он — «казак душой», каковы его идеалы? Исследователь-лингвист Е.В. Брысина, избравшая предметом своего изучения этнокультурную идеоматику донского казачества, опирается на понятие концепта как «сгустка культуры в сознании человека» [4, 145]. Изучив фразеологические единицы, пословицы и поговорки донских казачьих говоров, автор пришла к выводу, что концепт «воля» являл собой «абсолютную ценность в казачьей среде...» [4, 153]. Воля принималась казачеством как абсолютная свобода, как освобождение от самых разных несвобод и зависимостей. «Волю имеем за дражайшую вещь, потому что видим: рыбам, птицам, также и зверям, и всякому созданию есть она мила» — так определяли запорожские казаки одну из основ своего образа жизни, один из главных идеалов [22, 10].

Однако воля как свобода от всего могла привести людей к философии элементарного разбоя, к жизни, где главным смыслом стало бы насилие и убийство во имя грабежа. Казачество не встало на такой путь. Препградой этому соблазну является своеобразный идеал степного рыцаря, защитника Православия от поругания, продолжателя традиций русского богатырства, с которым идентифицировали себя ранние казаки. «Бродячая Русь

издревле стремилась на окраины государства, за черту оседлого жилья, где общая опасность сплачивала их в особый род военного братства. Так образовалось у нас «казацкое рыцарство» за неимением на Руси элементов для образования другого настоящего средневекового европейского рыцарства. На широком просторе южнорусских степей развилась и воспиталась эта мощная сила, которою справедливо гордится русский народ, которая на протяжении столетий делала без шума, медленно, непрестанно и честно великое государственное дело», — отмечал В.А. Потто [17, 12]. Христианская вера лежала в основе казачьего мужского братства. Каков бы ни был удалец-богатырь с виду, какими бы воинскими достоинствами он ни обладал и к какому бы роду-племени ни принадлежал, всех уравнивало одно неизблемое условие казачьего образа жизни — вера в Христа. «Какая — все равно. Этого не спрашивали. Старая или новая, русская или не русская. Казаки в свое товарищество принимали и смелых татар, и турок, и греков, даже немцы попадали в казаки и быстро принимали все казачьи обычаи и становились настоящими казаками.

— В Бога веруешь? — спрашивали станичники пришлого человека.

— Верую.

— А ну перекрестись!

И татарин, и турок-магометанин принимали веру казачью, веру в истинного Бога, сливались с донцами», — повествует П.Н. Краснов [10, 23].

Казачья богатырская, рыцарская этика, исходившая из постулатов Христа, с особой явью выступает в отношении вызволения единоверцев из плена. Нередко, жертвуя жизнью, «отдавая душу свою за други своя», казаки отбивали многотысячные полны православных, угнанных турками и татарами в Кафу или Азов для пленопродавства. Ю.Н. Круглов пишет, что «казаки двести лет неистово наносили удары по рабовладельческим центрам» [11, 89].

Примечательно, что если материальные (летописные) свидетельства о казачестве мы обнаруживаем довольно поздно (первая половина XV столетия), то духовно-православные его корни выявляются русскими историками гораздо ранее. Речь опять же идет о богатырстве, об уникальных храбрецах — особом типе рус-

ских воинов в XI–XIII вв., называемых «храбрыми», боевое искусство которых позволяло выходить на противостояние с завидомо гораздо более превосходящими силами противника и наносить ему поражение. «Таких «храбров», — пишет В.О. Ключевский, — звали тогда людьми Божьими. Это были ближайшие преемники варяжских витязей, пересевших с речной лодки на степного коня, и отдаленные предшественники днепровского казачества, воевавшего с крымскими татарами и турками и на коне, и на лодке» [12, 89]. В.О. Ключевский, говоря о «предшественниках» казачества, близок к истине. Одно из самоназваний казаков в XVI–XVII вв., которое они употребляли, желая подчеркнуть свою приверженность идеалам рыцарского служения вере Христовой, звучит как «люди Божии».

Казачество, при всей своей автономизации и ассимиляции с автохтонными культурами насельников Дикого поля, являлось все-таки вариантом общерусской матричной культуры [20, 484]. Этим и объясняется определенный дуализм, присутствовавший в этот период в ментальном сознании казачества: с одной стороны, приверженность свободе-воле — и в этом казачество расходится с общепринятым в XVI в. самодержавным вектором, с другой — принятие идеалов Руси как наследницы Третьего Рима, как центра православной цивилизации и стремление «с оружием в руках» послужить этой идее, найти в ней свое место. Казачество уже на ранних этапах своего становления стремилось «отстоять» свой вариант, свою оригинальную матрицу развития общерусской идеи, принимая духовные искания русской православной цивилизации, однако отвергая ее основную форму социально-государственного устройства — самодержавие. «Уходившие в Поле, по сути, стремились к тому, чтобы возродить здесь те идеалы и принципы, которые на родине постепенно исчезали, сходили на нет. Бегство и уход в Дикое поле были попыткой вернуться в прошлое... Возврат к архаике становился одним из способов преодоления кризисной ситуации, был своеобразной реакцией на происходившие в метрополии социальные, экономические и политические изменения», — отмечает М.А. Рыблова [20, 484].

Впрочем, такую уж архаику выстраивало казачество на свободных от самодержавия просторах Дикого поля? Скорее наоборот: казачество в своей социальной организации развивает и обо-

гащает традиционную славяно-русскую идею демократического устройства социума и дает ей реальнейший шанс самоутвердиться в новом, более прогрессивном качестве. Хотя казачья демократия реализовывалась в условиях квазигосударственности, это не умаляет ее значение. «На Москве знатный боярин ползал перед царем. На Востоке придворный счастьем считал поцеловать туфлю султана, а казачество всему миру предъявляет другую систему ценностей. Эта система расположена не по иерархической вертикали, а по кругу, в котором человек человеку — брат. Тогда именно и становится понятие «казак» таким важным и дорогим для потомков», — констатирует Ю.Н. Круглов [11, 113]. Именно система ценностей, в началах которой лежит веками складывающееся у славянорусов понимание свободы-воли как условия для личностного развития, становится основой социального устройства казачьего образа жизни.

С трудом можно представить, чтобы тысячи людей, попадая в новые условия, объединялись в сложную иерархию на демократической основе, имея главной целью грабеж и другие «лихие» дела. Верно подмечает С.А. Голованова, что механическое объединение людей быстро бы распалось, если бы не было скреплено еще и некими притягательными социальными идейными установками [8, 18]. Такие идеи должны быть действительно передовыми для своего времени, нести заряд единения, спайки вокруг общего дела.

«Кзаки не зря называли себя «воинством православия», — подчеркивает Н.С. Мельников-Разведенков, — «православными рыцарями» и «борцами за веру». Точно так же, как и у русского народа, у них все исходит из Православия. Разница заключается в том, что казачество оказалось более активным. Оно нашло в себе внутренние силы, чтобы выйти из смиренной пассивности, присущей русскому народу, который, проявляя исключительное долготерпение, стал как бы гордиться своей горькой долей... Казачество не мирилось с таким положением. Оно выбрало другой путь активного служения и действенной борьбы во имя Справедливости. Так родилась Казачья правда, защищающая свободу не только свою, личную, но и всех гонимых и угнетаемых» [15, 92].

Для чего же объединялись казаки в веру? Какова конечная цель такого объединения? Безусловно, объединение людей в ве-

ре носило, в случае с казачеством, не стремление совместного отправления церковных треб и других религиозных ритуалов. Оно служило важным, но в большей степени внешним фоном единения для формирования «некоего мужского союза», сплоченного в вере. Ориентация на христианство в таком союзе важна не сама по себе; цель такого объединения — народный, действенный отпор мощнейшей силе, поставившей под сомнение всю христианскую цивилизацию Европы, — Османской империи. В этом отношении казачьи сообщества, безусловно, роднятся с рыцарскими идеями защиты колыбели христианской цивилизации и Гроба Господня. «Русские, украинцы, греки, грузины, сербы были объединены идеей борьбы с турецко-татарской гегемонией в Северном Причерноморье. Единство веры, близость культур, общие внешнеполитические цели позволяют объединить эти этнические группы в единое православное ядро донского казачества», — замечает С.М. Маркедонов [14, 187].

По тем временам защита Отечества, веры, свободы и независимости являлась благороднейшей, суперзначимой идеей, благословляемой всеми социальными слоями Московской Руси. Факты жесточайших набегов на Московию и юго-восточные пределы Речи Посполитой, неоднократный захват столицы татарскими сателитами османов, сотни тысяч уведенных в плен православных людей говорят о том, что эта важнейшая государственная функция двумя восточнославянскими государствами выполнялась плохо. Да и особого желанья заботиться о своих подданных тоже не было. Вековое иго вытравило из ментального сознания московской элиты уважение к личности и достоинству другого человека: «Мы же вольны награждать своих холопов, вольны и казнить» — эта аксиома раннего самодержавия, выраженная Иваном Грозным, предопределяла полное бесправие «холопов» и отсутствие каких-либо социальных институтов защиты прав и свобод людей. Ответом на подобное уничижение своих подданных и явился феномен казачества, выполнявшего, по выражению Б.А. Богаевского, «русскую национальную задачу, которую Московское государство по разным причинам выполнить не могло» [3, 15].

Поистине квинтэссенцией казачьей идеи, выраженной в беспримерном подвиге донских и запорожских казаков, зримо вы-

явившей идеалы и ценности казачества, явилась Азовская эпопея 1637–1643 гг. События того времени еще не до конца оценены гуманитарной отечественной мыслью. Между тем с уверенностью можно сказать, что завоевание казаками Азова и его героическая оборона стоят, по нашему мнению, в одном ряду с такими поворотными вехами русской истории, как Куликовская битва или Стояние на Угре. Причем как и на Куликовом поле, в сражении за Азов сконцентрировался народный дух, общенациональная идея защиты земли Русской от порабощения и насилия. На Куликовом поле шли русские люди под предводительством Дмитрия Донского, благословленные Сергием Радонежским: «Иди на безбожников смело, без колебания и победишь!» На сокрушение Азова донцы отправились, по выражению казачьего историка В. Пудавова, «не из хвастливого чувства молодечества перед турками, которое приписывали иные этому подвигу казаков, но из того глубокого, священного чувства, от которого донцы, по выражению их актов, "болели сердцем и душами"» [18]. Что же так угнетало казаков, заставляя их «болеть», то есть переживать, кручиниться, страдать? Что, в конце концов, предопределило решение о захвате Азова — стратегического центра Османской империи в Северном Причерноморье? Ведь с рациональной точки зрения такое противоборство с мощнейшей по тем временам военной машиной Османской империи, перед которой склонялись европейские государства, было бессмысленно. И тем не менее пять лет Азов оставался столицей донского казачества, а на улицах «агарянского исчадия» утвердилось казачье народовластие и казачьи свободы. Азовскую эпопею нельзя оценивать какой-то рациональной логикой, ибо это был мощный выброс духовной энергии людьми, которые бы не сделали и сотой части того, если бы не руководствовались высокими целями, мобилизующими все личностные силы. Историки казачества в оценке Азовского сидения сходятся во мнении по поводу того, что побудительными мотивами объединенных отрядов донцов и запорожцев в Азовской баталии 1637 г. было пресечение вопиющих бесчинств, творимых азовцами над христианскими ценностями, защита чести православных людей [10; 11; 23].

Азов в XVI–XVII вв. являлся крупнейшим центром работоторговли всего Северного Причерноморья. Сюда, на Азов, на боль-

шой «базар», стекались тысячи невольников, подавляющее большинство которых были русскими людьми. Здесь, между величественными мечетями, стояли в поругании и запустении церкви Иоанна Предтечи и Николы Чудотворца — великих покровителей казачества. В.В. Пудавов справедливо вопрошает: «...Так могли ли они без скорби смотреть на это злое соседство, которое столь тяжело уничижало и русского человека, и его святую веру?» [18]. Для концентрации своих сил избрали казаки Монастырское урочище. Столица донского казачества располагалась в Монастырском городке около двадцати лет, но столь короткое время представляло собой блистательную эпоху в истории вольного донского казачества. «Проникнутая высоким чувством христианства, жизнь эта пролегла в непрерывной кипучей борьбе и, нося на себе кровавый венец мученический, всегда оставалась торжествующей победительницей во славу веры Христовой и царства Русского» [19]. Казаки, видя бессилие государства Московского действительно противостоять постоянной турецко-татарской агрессии с юга и пресечь позорную работорговлю русскими людьми и поругание христианских святынь, берут на себя священную миссию защитников земли Русской. Донской историк XIX столетия В. Пудавов призывает вникнуть в послание казаков царю по случаю азовских событий: «Послушайте, как сами казаки живо и глубоко выражали чувства свои об этом в донесении к царю Михаилу Федоровичу уже по покорении Азова. Они писали: "...Пошли мы под Азов с великия скорби, помня свое крещение и Святые Божия церкви и свою истинную, православную веру, ибо из того города, от бусурманской веры, Агарянского исчадия, злохищренных волков, чинилось поругание великое твоей, Государь, Отчине, Украйным городам, наипаче же, весям, и разорение Божьим церквам, и разлитие невинной крови, и взятие в полон православных христиан — отцов, и матерей, и братий, и сестер наших. Они, Азовские люди, искони поругались нашей христианской вере: продали за море на каторги отцев, и братий, и сестер наших, и корабли Русским полоном в Турецкую землю грузили“» [18].

Казакам чужды в защите христианской чести хитросплетения московской дипломатии и увещевания царских послдов, предлагавших за увеличенное царское жалованье казакам «забыть» преступления противника. Вот что отвечали казаки царским по-

сланникам, встревоженным угрозой войны с Османской империей: «Помиримся, турецких городов и сел брать не станем, если от азовцев задору не будет, если на государевы окраины азовцы перестанут ходить, государевы города разорять, отцов наших и матерей, братьев и сестер, жен и детей в полон брать и продавать не станут. Если же азовцы задерут, то волен Бог да государь, а мы терпеть не станем, будем за отцов своих и матерей, братьев и сестер стоять» [23, 46–47].

Вольное казачество хотя и понимает ограниченность своих возможностей, но в то же время обретает свою силу в духе, в вере, в торжестве своего праведного дела. «Видя в Российской земле разорение от них, бусурманов, святым церквам и поспание нашей христианской веры и помня свой смертный час, чтобы за веру православную, за тебя, Великого Государя, Царя Михаила Федоровича, и за единокровных братьев своих, хотя помереть, а их, поганых бусурманов, под меч подклонить, Азов взять и утвердить в нем по-прежнему нашу веру христианскую, пошли мы, Государь, под тот город, все утвердившись сердцами своими в единомыслии и поболев душами своими», — отписывает атаман Михаил Татаринов донесение царю Михаилу Федоровичу после взятия казаками Азова [18]. В захваченном Азове нашли казаки до двух тысяч человек пленных православных женщин, детей, «озаботились пропитанием их и отправлением в Русь» [19]. «Успех казачьей защиты Азова привел Европу в изумление, — писал А.Г. Павлов. — Факт победы малой горсти казаков над многочисленным турецким войском, отлично вооруженным, опрокидывал все доводы разума и все основы военной науки» [16, 2]. Не менее важен идейно-гуманитарный аспект этой победы, проливающий свет на смысловую мотивацию казачества. Н.С. Мельников-Разведенков отмечает: «Непримиримость к рабству — краеугольный камень идеи казачества, это — сущность казачества. У казаков не только он сам, но и никто другой не может быть рабом. Казак — принципиальный враг эксплуатации человека во всех формах. Он не только отвергает эксплуатацию человека человеком, но он не может мириться и с эксплуатацией человека обществом» [15, 93].

Идеалы казачьего образа жизни в XIX столетии находят своих сторонников среди представителей разных сословий: крестьян, мещан, дворянства и даже высшей аристократии. Великие

русские писатели и поэты (А.С. Пушкин, Н.В. Гоголь, М.Ю. Лермонтов, Л.Н. Толстой) в поисках примеров лучшей народной доли обращаются к казачеству, к его социальному устройству, к его ценностям и идеалам, видя в них приемлемые формы и смысл жизни для русских людей. Л.Н. Толстой сказал: «Будущность России — казачество...» У Н.В. Гоголя, автора поэтического символа Руси в образе птицы-тройки, нет деления на национальные вотчины: Украину, Великороссию. Казак у него — «южный россиянин», казак «земли Русской», защитник своей веры христианской, для которого «нет силы сильнее веры» [7, 138]. И в этом стремлении все люди русские должны быть «братьями» и «товарищами». В уста Тараса Бульбы автор вкладывает мысль о том, что единство — «братство» и «товарищество» — необходимо как последняя возможность вернуть попорченную честь, приблизиться к пониманию справедливого мироустройства на Русской земле. Символично, что именно казака-богатыря Бульбу автор наделяет воспитательной харизмой — наставничеством, нравоучительством, и не только по отношению к своим сыновьям. Его апелляция к неоспоримым истинам, призыв к нравственному катарсису схожи с апостольской миссией, с призывом к русским людям «не в силе искать Бога, а в правде». Н.В. Гоголь в «Тарасе Бульбе» заложил в образ казачества высочайшие идеалы человека русской казацкой культуры, ясно понимающего свое земное предназначение, лишённого сомнений и двойственности, до предела цельного, способного к решительному, активному действию.

Казачья идея и производные от нее ценности и идеалы защиты, сбережения Православия послужили ядром казацкого мировоззрения, предопределяя развитие народной педагогики казачества, основу которой составила оригинальная этнопедагогическая система воспитания.

Один из основоположников российской этнопедагогики, Г.Н. Волков, говоря об этнопедагогической среде, формирующей личность ребенка, выделяет религию как стержневой фактор в становлении духовности человека. «Религия — величайший пласт человеческой культуры. В отрыве от нее мы строим ненадежный, непрочный дом духовности... Светская, школьная и семейная педагогика много потеряли, отвернувшись от такого мощного фактора воспитания, каким является религия» [6, 150]. Народную

педагогику казачества невозможно понять и прочувствовать вне православного дискурса. Л.Н. Толстой говорил о том, что «граница родила казачество». Можно с уверенностью добавить, что в рождении казачества участвовала и православная вера. В «Казачьей колыбельной песне» М.Ю. Лермонтова «образок святой» — это квинтэссенция казачьего воспитания, некий итоговый смысл воинского служения казака вере православной и матери-Родине. За внешней воинской атрибутивностью, яркими эффектами батальной жизнь казака наполнена целостным представлением о своем предназначении защитника идеалов Отечества и веры в зрелом возрасте и продолжении этой миссии, но уже в другом, духовном, самовыражении — в старческом возрасте [20, 184–185]. Эта жизненная фабула, своеобразное жизненное кредо, содержит ключик к раскрытию феномена казачества — невозможности его понимания с точки зрения рациональной логики, с позиций «здорового смысла». Вот почему апелляция к религиозным этнопедagogическим корням феномена важна как преддверие к духовной идее, к идеалу казачества, составляющим его духовно-идеальную феноменологическую основу.

Казачье мировоззрение, выработанное веками полной опасности жизни, опиралось в своей базовой основе на православные каноны. Практически при полном разрыве с культурной традицией прошлой жизни казаки сохраняли свою искреннюю веру в Господа. Воспитание будущего воина-защитника Отечества осуществлялось в глубоком почтении к Богу. С момента крещения и до последнего вздоха на смертном одре казак в земной жизни был связан зримыми и незримыми нитями с верой и Церковью. Проистекало это во многом и потому, что свою жизнь казак понимал как служение Богу, Православию в активно-действенной форме — с оружием в руках. Взять на себя такую миссию непросто. Это требует не только закалки физической, но, и это в первую очередь, воспитания духовного. В философской основе такого воспитания лежал основной вопрос — о сопротивлении злу силой. По самым строгим религиозным и нравственным меркам пресечение зла путем физического наказания и кровопролития является все-таки грехом. Осознать, что есть «Зло» и что есть «Добро», и взять на себя огромную ответственность за пресечение зла насилем может только человек-воин, религиозно-

нравственное чувство которого вызрело и закалилось осознанием необходимости кровопролития, совершаемого во имя сверхличностных интересов: веры, Родины, спасения товарищей и т. д. В традиционном казацком воинстве тяжесть такого бремени снималась посредством специального богослужения, когда возвратившиеся из боевого похода казаки внимали литургии с непокрытой головой на пороге храма, не имея права и не смея туда войти прежде, чем не будут отслужены очистительные молебны. Казацкий историк В.Д. Сухоруков пишет: «Предки наши, равно как и нынешние донцы, всякий успех дела приписывали воле Божией. Оттого всегда, постоянно сохранялся у нас обряд, что войско, возвращавшееся из похода, идет прямо к церкви. По этому обычаю суда каждый раз останавливались против часовни, и не прежде, как по отпении благодарственных молебн, воины выходили на площадь для свидания с родными, товарищами» [11, 45].

Понимание своей жизненной миссии, своей «доли» как защиты веры Христовой наполняло душу казака великими смыслами, делало его неустрашимым в бою. В Азовском сидении казаки называли себя «защитниками престолов Предтечи и Николиного». Их самопожертвование и вера сломили пятидесятикратное превосходство врага. «Вера в то, что Господь всегда рядом, постоянно оберегает и хранит воина, никогда не оставляла казаков. И твердая вера в то, что убитый за правое дело, за слабых и обиженных, за веру Христову казак сразу идет в рай, что «смерть за други своя» освобождает его от всех грехов, делала его бесстрашным в любом бою» [9, 27]. Вполне понятно, что такая мощная акцентуализация духовно-психологической составляющей делала православную веру непременным условием статуса казака-воина, без нее он был никто. По этому поводу хорошо сказано у Н.В. Гоголя в повести «Тарас Бульба»: «Теперь благослови, мать, детей своих! — сказал Бульба. — Моли Бога, чтобы они воевали храбро, защищали бы всегда честь рыцарскую, чтобы стояли всегда за веру Христову, а не то — пусть лучше пропадут, чтобы и духу их не было не свете!» [7, 17].

С молодых ногтей учился казак постигать веру. Как правило, это происходило в семейном кругу, где девочку или мальчика старшие учили православным обычаям и обрядам. В повседневной «обычности» казачества Православие входило в молодые ду-

ши через обязательное ношение крестика, молитву перед общесемейной «вечерей», обязательное посещение храма в воскресные и праздничные дни, изучение основных молитв и православных канонов в домашних и школьных условиях. Н.Н. Великая приводит интересную религиозную воспитательную традицию терских казаков, выражающую сопричастность живущих людей с поколениями родственников, покинувших этот мир. «В казачьих семьях хранились (и сейчас хранятся) и передавались от поколения к поколению поминальные книжки, куда вносили имена умерших членов семьи. Память об умерших, их почитание, плачи во время похорон, где перечислялись заслуги покойного, нужны были не для мертвых, а для живых. Это был своеобразный призыв к молодежи следовать примеру предков, воспитывать в себе положительные качества» [5, 205].

Следует отметить важную черту казачьей ментальности: при всей значимости веры в смысложизненных определениях казачества она не превращалась в догму, в ортодоксальный фундаментализм. Казачеству в большей степени свойственна теология «Бога в душе». Без излишнего религиозного экстремизма, спокойное, понимающее отношение к людям иной веры, если они приходили с миром и добром. В то же время для казачества было характерно, особенно на ранних этапах его становления, свое, отличное от общепринятого, но приближенное к евангельским заветам, отношение к материальным и духовным ценностям. Например, в казачьей среде жадность и скарденность считались неприемлемыми. Доставшееся в походах имущество и ценности подлежали строгому дележу (дувану) на четыре части: в войсковую казну, себе на пропитание, на вооружение и на монастыри. Разбогатевший вдруг казак старался быстрее избавиться от нечаянного мирского соблазна — транжирил, раздавал деньги, «гулял», угощая всех, кто попадался под руку. В этом отношении характерен пример с казаками Степана Разина, вошедшими после удачного персидского похода в Астрахань. «Когда Разин пошел по улицам Астрахани, впереди него шли люди с подносами, на которых горами были насыпаны монеты. Разинские казаки с хохотом наблюдали, как люди бросаются за этими монетами, вырывают их друг у друга, жадно собирают по земле. А казаки продолжали и продолжали их бросать все более густыми горстями» [11,

57]. Примечательно, что такое отношение к богатству всячески приветствовалось в казачьей среде. Атаманам-молодцами, которые раздавали добытые ими богатства, гордились. Они служили определенным социальным примером подрастающему поколению в самовоспитании широкой, соборной, товарищеской души, в которой по определению невозможна скупость и жадность [21, 139]. Не случайно одним из иносказательных нарративов, подчеркивавших казачью жизненную философию, был образ голого казака с саблей в руке, восседающего на винной или пороховой бочке, взятый впоследствии за основу одной из печатей Всевеликого войска Донского.

Отношение к вере было отнюдь не преходящим моментом в жизни казака, оно определяло его образ и смысл жизни. Первые слова боевого девиза, вышитого на знаменах запорожских, донских и терских казаков: «За веру...» [8, 18]. Служению вере казак отдавал всю свою жизнь без остатка. Но если в начале своего жизненного пути это была активная деятельностная форма — с оружием в руках, то затем, если ему удавалось дожить до преклонных лет и не погибнуть на поле брани, он посвящал себя истинно духовному служению [21, 142]. Как правило, путь состарившегося казака, «переход майдана», лежал в этом случае в монастырь, где он очищался от последствий «кровавого промысла» подвигами духовными. Примечательно, что казачьи монастыри строились обычно на самом пограничье с «турецкой землей», укрепляя границу не только оружием, но и святостью (например, Монастырский городок на Дону). Старики, перемещаясь в пограничную зону, брали на себя негласный духовный обет «держат Божью дорогу» — границу Руси с иным миром. По этому поводу М.А. Рыблова отмечает: «Поселившись на пограничье, старцы значительно повышали свой общественный статус, пользовались почетом и уважением. В определенном смысле они противостояли (но не силой оружия, а «святостью») всем тем, кто постоянно пытался открыть границу: «басурманам» в период ранней истории, колдунам и ведьмам — в более позднее время» [21, 142]. Стереотипы уединения от мира стариков и посвящения остатка своей жизни служению Царю Небесному продолжают сохраняться и в более поздний период. Нередки были случаи, особенно у казаков-старообрядцев, самостоятельного поселения стариков на краю станицы, где они строили себе землянки-

кельи и искали уединения в подвигах молитвы и поста, помогая страждущим, излечивая болезни, занимаясь воспитанием детей по «старому уставу» [21, 143]. В других случаях пожилые казаки после выхода «вчистую» со службы хотя и жили дома, но вели полумонашеский образ жизни, являясь совестью, духовными стражами станицы, посвящая остаток своей жизни молитве, посту и воспитанию внуков, правнуков и всего станичного молодого поколения [9, 27].

Итак, характерной особенностью казачьей системы воспитания является высокая значимость духовно-идейных факторов (идей, идеалов, ценностей), исходящих из Православия, выражающихся в общем смысле казачьего образа жизни: защите, сбережении православной цивилизации и актуализации на данной основе личностного образа, соответствующего этому высокому статусу. Реализация поставленной цели с необходимостью предопределила воспитание свободной, самодостаточной личности — человека казачьей культуры, осознающего свое жизненное предназначение и ответственность перед казачьим обществом и Всевышним.

Проведенный анализ показывает, что казачья культура характеризуется своей общей демократической направленностью, отстаивающей народовластный вектор социального устройства и личностно-ориентированную воспитательную парадигму как неперемennые условия осуществления казачеством своего жизненного предназначения — защиты веры и православного Отечества с оружием в руках. Воспитательный потенциал казачьей культуры, включающий в себя казачью идею, ценности и идеалы, традиционно понимаемый в своей этнопедагогической ипостаси, существенно обогащается и расширяется в историософском его рассмотрении. В этом аспекте культура казачества предстает не только в своих этнословных характеристиках, но и как национальная образовательная ценность, как духовно-идейный феномен российской культурно-образовательной парадигмы. По сути в отношении казачьей культуры мы имеем богатейшую традицию, которая способна породить инновации с использованием наследия прошлого. Столетиями казачество, присягая вере православной, следуя заветам Христовым в помыслах и делах, строило свой дом на каменном фундаменте. Поэтому оно выжило и возродилось.

И всем тем, кто сегодня, в эпоху соблазнов, призывает казаков строить свои дома на песке, забыв о Боге, следует напомнить

слова Иисуса Христа во время Его искушения: «Отойди от Меня, сатана, ибо написано: Господу Богу твоему поклоняйся и Ему одному служи».

- Примечания**
1. Белозерцев Е.П. Образование: историко-культурный феномен. СПб., 2004. 704 с.
 2. Бондаревская Е.В. Воспитание как встреча с личностью. Т. II. Ростов н/Д, 2006. 504 с.
 3. Богаевский Б.А. Донское казачество и татарские набеги на Московское государство в 16-м и 17-м веках // Родной край. 1959. №22. С. 14–16.
 4. Брысина Е.В. Этнокультурная идиоматика донского казачества. Волгоград, 2003. 292 с.
 5. Великая Н.Н. Казаки Восточного Предкавказья в XVIII–XIX вв. Ростов н/Д, 2001. 280 с.
 6. Волков Г.Н. Этнопедагогика. М., 1999. 168 с.
 7. Гоголь Н.В. Тарас Бульба: Повесть. М., 2008. 186 с.
 8. Голованова С.А. Казачество как идея и как идеал // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа: Материалы V Международной кубанско-терской конференции / Под ред. В.Б. Виноградова и С.Н. Лукаша. Армавир, 2006. С. 18–20.
 9. Казаки: [История. Нравы и обычаи. Расселение. Боевое искусство. Войны и восстания] / Под ред. Б.А. Алмазова. СПб.: Золотой век: Диамант, 1999. 87 с.
 10. Краснов П.Н. История войска Донского. Картины былого Тихого Дона. М., 2007. 574 с.
 11. Круглов Ю.Н. Многоликий мир казачества: Учебное пособие. Ростов н/Д, 2007. 127 с.
 12. Кочеров С.Н. Русская идея: сущность и смысл. Н. Новгород, 2003. 186 с.
 13. Лукаш С.Н. Педагогика казачества: прошлое и настоящее Юга России. М., 2008. 302 с.
 14. Маркедонов С.М. Донское казачество. Феномен межцивилизационного диалога // ОНС: Общественные науки и современность. 1997. №2. С. 185–190.
 15. Мельников-Разведенков Н.С. Что такое казачество // Кубанец: Донской атаманский вестник. 1996. №2. С. 91–93.
 16. Павлов А.Г. Оборона Азова // Родимый край. 1973. №108. С. 2–3.
 17. Потто В.А. Два века терского казачества (1577–1801). Репринт издания 1912 г. Ставрополь, 1991. 384 с.
 18. Пудавов В.В. Монастырское урочище на Дону // Донские войсковые ведомости. 1853. 4 февраля (№5).
 19. Пудавов В.В. Монастырское урочище на Дону // Донские войсковые ведомости. 1853. 11 февраля (№6).
 20. Рыблова М.А. Донское братство: Казачьи сообщества на Дону в XVI — первой трети XIX века. Волгоград, 2006. 542 с.
 21. Рыблова М.А. Старики в донской казачьей общине: статус и функции // Мир казачества: Сборник научных трудов. Вып. 1. Краснодар, 2006. С. 135–157.
 22. Супруненко В.П. Запорожская вольница. М., 2007. 448 с.
 23. Шишов А.В. Сто великих казаков. М., 2007. 480 с.

Церковь Казанской иконы Божией Матери в Марухе

Лысенко Н. Ф., профессор
Кубанского государственного аграрного университета

Судьба поселений складывается по-разному. Одни из них располагаются на торговых путях, оказываются в центре бурных событий. О них слагают легенды и песни, они попадают в сводки новостей. Другие существуют тихо и незаметно. Иногда может сложиться мнение, что там царят скука и равнодушие, а время в них и вовсе остановилось. Но это, конечно же, не так. Достаточно обратиться к духовной жизни станицы или села. Церковь не делит свою паству на категории. Для нее все прихожане самоценны. Поэтому и историю многих населенных пунктов можно восстановить лишь по церковным документам. При храме велись приходская (приходственная) книга, метрическая книга, книга исповедных росписей, обыскная книга [1]. В них отражались почти все стороны сельской жизни. Тем более что приход и клир вместе переживали радости и горести непростой российской действительности.

Поселение Марухское уже более десятилетия существовало в Баталпашинском уезде (отделе) Кубанского казачьего войска, а своей церкви там не было. Нет, в нем жили не безбожные люди. Наоборот, почти все они были выходцами из Полтавской губернии, где христианство издревле имело глубокие и прочные корни. Просто сказывались нищета и неустроенность переселенческой жизни. Первые годы женщин и детей всем скопом располагали в немногочисленных домах, а мужчины зимовали в стогах с сеном. И вот в 1889 г. жители станицы Кардоникской безвозмездно передали в Маруху деревянную часовню [2]. Напряженные отношения между казачеством и крестьянством в период заселения Кавказа, возможно, сильно преувеличены. Во всяком случае, в вопросах веры царило полное единение. В 1901 г. был обустроен иконостас, причем иконы для него заказывались хорошим мастерам [3].

Первым священником стал Иосиф Иванович Гайворонский [2]. Мы мало знаем о жизни настоятелей небольших храмов того времени. Будучи родом из Самарской губернии, он учительство-

вал в станице Беломечетской. Позже служил в Казанской церкви села Донская Балка, состоял казначеем-экономом в Ставропольской семинарии и дьяконом при Свято-Димитриевской церкви. Надо полагать, что батюшка с таким образованием и послужным списком вызывал уважение у прихожан, пользовался у них непререкаемым авторитетом. Тем более что в наградных листах за ним числилось и множество поощрений. На содержание клира было положено 400 рублей от общества и столько же от казны. Но справедливости ради следует признать, что паства неохотно расставалась со своими кровными деньгами. Чаще священникам приходилось довольствоваться лишь государственным жалованьем. Позже в марухской церкви служили представители различных сословий: казаки, крестьяне, разночинцы.

Если настоятелями и пономарями становились люди приезжие, то церковные старосты избирались из среды уважаемых граждан села. Так, с 1907 г. старостой был Семен Степанович Шут [3]. Воспоминания о его порядочности и человечности сохранились по сей день. С 1914 г. этот пост занимал Дамиан Майфет [5]. Он был из крепкого и многочисленного семейства, большая часть которого пострадала в период революционных репрессий. Интересно, что церковная казна всегда находилась на попечении старост. Так продолжается и по настоящее время. И еще, все характеристики на них были исключительно положительными. А ведь Консистерия никогда не скрывала недостатки своих служителей и требовала объективных аттестаций.

Православие неразрывно связано с просвещением народа. Уже в 1894 г. при Казанской церкви открылась церковно-приходская школа [2]. Помещалась она в собственном здании, и в ней учились 58 мальчиков и 14 девочек. Преподавателем состоял запасной военный писарь Александр Гиоргиев, получавший от уездного отделения 120 рублей. В 1910 г. на содержание школы церковь выделила 300 рублей, от частных лиц поступило 60 рублей [4]. Обучались 54 мальчика и 15 девочек. В церковной библиотеке находилось 105 томов книг, предназначенных для выдачи населению. В 1914 г. в Марухе было уже два учебных заведения [5]. Дополнительно открылась Министерская сельская одноклассная школа. В церковно-приходской школе числилось 20 мальчиков и 26 девочек. Уменьшение числа обучающихся мальчиков, в срав-

нении с прошлыми годами, объясняется их переходом в новую школу и началом Первой мировой войны (многие из них просто заменили воюющих отцов). Интересно, что эстонцы, компактно проживавшие в северной части села, своей школы не имели. По обычаю протестантов образованием детей занимались родители и изредка приезжавший педагог.

В дореволюционное время Казанская церковь не бедствовала. Еще в XIX в. на ее нужды община выделила 100 десятин земли [2], из них 40 годились под сенокосы и 60 относились к неудобьям. Село располагалось в горах, вокруг практически не было участков, пригодных для пахоты. Вначале эти территории оказались не востребуемыми. Но постепенно число жителей увеличивалось (в среднем на 4% за пять лет), и до них тоже дошла очередь. В 1910 г. аренда земли давала 220 рублей прибыли, а в 1915-м — 340. Еще выше был кружечный доход (в 1914 г. он составил 500 рублей).

К счастью, после установления советской власти церковь не закрыли. Более того, прихожане участвовали в торжественных службах на источниках у Романова кургана, расположенного вдали от селения. На фотографии 1930 г. видно, что это событие собрало тысячи людей с хоругвями и иконами. Удивительно, что в период яростных гонений на религию власти терпели подобные акции, а люди имели мужество участвовать в них. Тем более что почти одновременно в Марухе проходил первый окружной съезд Советов Марухо-Архызского округа КАО.

Во время фашистской оккупации служба в церкви была приостановлена. Причины этого неизвестны (немцы отправлять религиозные культы не запрещали). Но в 1944 г. на открытие храма потребовалось разрешение уполномоченного Совета по делам Русской Православной Церкви по Ставропольскому краю [6]. С районным Советом народных депутатов был заключен договор на передачу общине верующих церкви в бесплатное пользование. Избрали церковный совет, состоящий из 7 членов. Удивляет, с какой тщательностью проверяли чиновники прошлое кандидатов в этот негосударственный орган.

Но просуществовать долго храму не дали. Уже в 1961 г., во время хрущевских гонений на религию, над ним стали сгущаться тучи. Старого священника отозвали, нового не назначали. Верую-

щие писали жалобы в различные инстанции, но ответов не последовало. А в 1962 г. в село приехала секретарь райкома, отвечающая за идеологию (из-за потомков фамилию не называем). С собой она привезла двух пьяных мужиков. Пригнали бульдозер, зацепили за купол трос и под причитания старушек разворотили ветхое здание. Интересно, что записей об этом событии в архивах Совета по делам религий не сохранилось.

Новый храм в Марухе начали строить в 90-х гг. XX в. Возводили его всем миром. Священник, пожилые прихожане вместе таскали бревна и камни. Теперь строение в византийском стиле, с добротным внутренним убранством украшает село. А церковное общение дарит утешение и одиноким старикам, и неприкаянной молодежи.

- Примечания**
1. Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). Ф. 135–31. Д. 613. С. 10. Клировые ведомости о церквях Кубанской области Кавказской епархии за 1873 г.
 2. ГАСК. Ф. 135. Оп. 59а. Д. 9а. Ведомости о церквях Ставропольской епархии Кубанской области за 1901 г.
 3. ГАСК. Ф. 135. Оп. 64. Д. 1182. Клировые ведомости за 1907 г.
 4. ГАСК. Ф. 135. Оп. 68. Д. 598. Клировые ведомости о церквях и духовенстве 11 благочинного округа Кубанской области Ставропольской епархии за 1910 г.
 5. ГАСК. Ф. 135. Оп. 72. Д. 1261. Клировые ведомости за 1914 г.
 6. ГАСК. Ф. 5171. Оп. 1. Д. 67. Религиозное общество Русской Православной Церкви. Маруха Зеленчукского района (Казанская церковь 1944–1962 гг.).

Православие в истории и культуре кубанского казачества

Матвеев О. В., доктор исторических наук, профессор
Южного федерального университета

В системе ценностей кубанского казачества исследователи-казаковеды первое место справедливо отводят православной вере. Помимо основного своего мировоззренческого значения, Православие пронизывало многие стороны жизни казачьего войска, станичной общины, семьи [1]. Сегодня история Православия кубанских казаков стала возвращаться из забвения. Появляются статьи по отдельным станицам, основанные на полевом и архивном материале [2], первые работы обобщающего характера [3], публикации документов [4]. Однако специфика региона с казачьим, крестьянским, горским населением еще мало осознается как священством на всех уровнях, так и современными казачьими организациями. Между тем на необходимость изучения локально-исторических трансформаций христианских традиций постоянно указывают историки, архивисты, этнографы, исследователи культуры старообрядчества и др.

В Московском государстве на рубеже XV–XVI столетий ходили слухи, что среди горского населения Западного Кавказа — черкесов — обитают православные христиане со славянской речью. Как появились и как уживались среди иноверцев русские люди? Одни историки видят в кубанских славянах остатки населения древнерусского Тмутараканского княжества, которые имели давние традиции сотрудничества с местными народами. Другие ученые считают, что с установлением монголо-татарского ига кубанские племена и жители русских княжеств вольно или невольно оказались союзниками. Сопротивление захватчикам никогда не прекращалось. Одной из форм этого сопротивления стало бегство из ханского плена на Кубань, в зону лесистых предгорий и труднодоступных ущелий. Среди этих беглецов могли быть выходцы из Рязанского, Черниговского, Смоленского и других княжеств. Проведя долгие годы в ордынском плену, эти беглецы сберегали последнюю память о Руси — православные нательные кресты. Такие кресты археологи находили при раскопках в станице Махошевской (Мостовской район), на хуторе Ильич (От-

раденский район), в долине рек Большой и Малый Зеленчук [5]. С местными горцами у беглецов складывались, по-видимому, не только добрососедские, но и брачно-семейные отношения. Может быть, поэтому в источниках XV–XVI вв. понятия «черкесы» («черкасы») и «казаки» иногда взаимозаменяют друг друга.

В XVII столетии к кубанскому Приазовью стали проявлять интерес донские и запорожские казаки. Не случайно турецкий разведчик и ученый Эвлия Челеби, дважды посетивший край в середине XVII в., с озабоченностью описывал морские и сухопутные походы в Прикубанье вольных обитателей Днепра и Дона. По свидетельству Челеби, донские и запорожские казаки хорошо ориентировались в здешних местах и имели проводников из числа славянских обитателей Кубани [6].

В XVII в. Северный Кавказ становится одним из центров русского старообрядчества. К концу века начинается строительство первых старообрядческих церквей и на Кубани.

С приходом в край черноморских и линейных казаков свет христианства в крае возгорелся с новой силой. Дело защиты и освоения Кубанского края нуждалось в духовном окормлении. Однако поспешность, с которой формировалось духовное сословие в Черноморском войске и в линейных казачьих полках, приводила к тому, что в священники и дьяконы часто посвящались казаки, не имевшие духовного опыта. Немного имелось образованных людей. Наряду с истинными подвижниками и ревнителями веры среди выборного духовенства встречались пастыри, не отличавшиеся высокими нравственными качествами. Нередко казаки выбирали в священники людей с подобными недостатками, с расчетом, что их остепенит духовный сан. Так было, например, с одним из первых черноморских священников отцом Юрием. До принятия священнического сана это был грамотный и умный казак, однако любил кутежи и выпивку. Поэтому куренная община решила обратиться к казаку-забияку в священники, чтобы он остепенился. Черноморцы не ошиблись в расчете. При исполнении религиозных обязанностей отец Юрий получил репутацию строгого, богобоязненного и нравственного человека, хотя в веселой компании казаков смиренного из себя не изображал. Если он замечал во время службы в церкви, что кто-то разговаривает, улыбается или стоит в неподобающей позе, то не стеснялся

в выражениях, кем бы ни был провинившийся: паном, рядовым казаком или шустрой дивчиной. Бывали случаи, когда по грозному приказанию отца Юрия церковный сторож выводил смеющуюся барышню и привязывал ее веревкой к колокольне, приговаривая: «А не скаль зубов, не дразни сатану!»

В то же время среди священнослужителей было немало тех, кто пользовался любовью казаков и умел врачевать душевные недуги и переживания добрым словом, сердечным отношением и бескорыстной помощью. В линейных станицах православное духовенство было поначалу малочисленным из-за большого количества староверов. Священников здесь не выбирали, а назначали военным начальством в каждую станицу.

Своих священников имели не только станичные приходы, но и конные полки, пластунские батальоны и артиллерийские батареи. В укреплениях Черноморской береговой линии духовными наставниками были иеромонахи Балаклавского Георгиевского монастыря. Один из них, иеромонах Маркел, благословил на бессмертный подвиг рядового Тенгинского полка Архипа Осипова. Полковые и батальонные священники должны были не только совершать церковные службы и требы, но и обучать воинов церковной истории, Закону Божию и основным молитвам. Священники следили за поведением казаков во время богослужения, исповедовали и причащали, устанавливали обязательное пение хором всеми нижними чинами молитв. Полковой священник требовал соблюдения всех постов, боролся со сквернословием, старался не допускать пьянства. Понимая, какие тяготы и лишения терпят нижние чины на военной службе, священник всячески пытался облегчить их участь. Он нередко выступал связующим звеном между воинским подразделением и станицей. Зачастую именно батюшка отсылал весточку родным о том или ином герое, он же читал неграмотным долгожданное письмо из дома. Случалось, что полковой священник, подняв крест, верхом на коне увлекал казаков в атаку под ливнем вражьи пули и картечи.

Заселение Черномории, Старой и Новой линий, Закубанья, Черноморского побережья сопровождалось храмовым строительством. Храм освящал станичное, сельское, хуторское пространство, разделяя его на центр и периферию. Святой, именем которого нарекался храм, считался покровителем станицы или посел-

ка. Ежегодно устраивались престольные праздники в его честь, на которые приглашали гостей и из соседних станиц и горских аулов. Строили церковь всем миром, да «таку, якої нидэ нима». В рассказах станичных старожил станичная церковь — самое яркое впечатление детства. В каждом населенном пункте Кубани были глубоко убеждены, что подобных храмов больше нигде нет. В начале XX столетия в Кубанской области насчитывалось 363 храма, каждый четвертый из них был каменным или кирпичным.

Случалось, что храмы использовались не только по прямому назначению. В случае нападения горцев на станицу храмы становились укрытием для женщин, стариков и детей. Церковь никогда не стояла вне интересов станичного или хуторского общества. Это находило отражение в характерных для края обычаях. Так, после объявления войны двери станичного храма не затворялись. В них непрерывно читались молитвы, велись службы. Атеистическая политика, активно проводившаяся в 20–30-е и 50–60-е гг. XX в., привела к полному или частичному разрушению храмов на Кубани, их разграблению и осквернению. В народном сознании разрушение храма воспринималось как конец мира, временный уход Христа и приход Антихриста.

Свои просветительские и благотворительные традиции имели на Кубани монастыри. Здесь сыновья жителей близлежащих селений, а также дети духовенства обучались грамоте, пению и разным ремеслам. Пустынь была и школой для лиц, желающих поступить в духовное звание. В обители учились церковной службе, чтению на клиросе. Многие кубанцы вменяли себе в обязанность раз в два-три года совершить паломничество в монастырь. Люди спешили сюда, потому что были убеждены в особой силе молитвы, произнесенной в святых местах. В монастырях хранились чудотворные иконы или частицы мощей святых угодников Божьих. Так, предметом особого почитания паломников в Михаило-Афонской пустыни были частицы Животворящего древа Господня, частицы нетленных мощей святых великомучеников Пантелеимона, Георгия Победоносца и Харлампия. Причем мощи святого великомученика Георгия Победоносца, почитаемого местными горцами, привлекали в Успенский храм обители даже мусульман ближайших поселений. Монастыри играли и важную хозяйственную роль в развитии края. В обителях разви-

валось виноградарство, скотоводство, хлебопашество, рыболовство, сыроварение. Славились монастыри Кубани иконописными школами, рукоделием: художественным шитьем золотом и бисером, кружевоплетением, прядением и вязанием, ковроделием.

Исторические документы рисуют противоречивую картину религиозной картины в кубанских станицах. В докладной записке священника Симеона Кучеровского Екатеринодарскому духовному правлению от 13 мая 1852 г. так сообщалось о состоянии религиозности у населения Черномории: «В понятиях религиозных черноморцы недалеки. По характеру своему черноморец набожен, усерден к религии, но набожность его еще довольно груба. Если поставил Богу свечу, отправил молебен всем святым, то он уже и себя считает святым. Надобно еще много трудиться пастырям Церкви, чтобы просветить их нравственные понятия. Это можно сказать вообще о всех поселенцах Черномории» [7]. И далее: «Черноморец ленив ходить в церковь на молитву; он любит соблюдать праздник, но это празднество его состоит в прекращении работ хозяйственных, и только; ему более присуща мысль, что грех работать в праздник, нежели то, что еще грешнее проводить праздник в пустословии вместо молитвы» [8].

В другом свидетельстве этого времени отмечалось, что жители станицы Петровской «знают о происхождении религии от Иисуса Христа. Некоторые знают о Вселенских Соборах. Многие понимают и знают значение Вечерни, Утрени и Литургии. Прекрасно и со вниманием читают молитвы не только пожилые, но и малолетки, как, например: Царю Небесный, Отче наш, Верую и Помилуй мя, Боже, и прочие» [9].

Народная вера не воспроизводила буквальные догматы Православия, во многом по-своему воспринимала сущность христианского учения. Это проявлялось в пересказах житий святых, в народных молитвах, в вещих снах и видениях, в толковании сюжетов Священной истории и легенд о чудесах и праведниках. Православное мировоззрение проявлялось у кубанцев в хождении со святынями в крестных ходах. Они воспринимались как могучее средство очищения, освящения земли и людей, источников и жилищ. Глубоко в народной вере ощущалось понятие греха и осознание необходимости покаяния. Любовное, заботливое отношение к храму и его святыням всегда присутствовало у каза-

ков. Разрушительное воздействие на народную духовность казачества в послереволюционные десятилетия было направлено на полное искоренение религиозных традиций. Но вера народа в его святыни продолжала существовать, уходила внутрь души и сердца, помогая выжить нравственно. Не имея возможности противостоять запрещению и разрушению видимых религиозных символов и святынь, кубанцы втайне оставались со своими личными ценностями: нательными крестами, домашними иконами, духовными стихами, представлениями о благочестии.

Состояние веры у городского и сельского населения Кубани и Черноморья проступало и в повседневных занятиях, во многих чертах домашней обстановки. Желая сделать свой дом местом святым, защищенным от воздействия злых сил, возведение жилища начинали со святого угла. Сюда ставили лампаду, здесь же стоял «угольный» — угловой столик треугольной формы. Иконы покрывались специально вышитыми полотенцами или занавесками. Перед образами в доме молились, иконами благословляли при важных жизненных обстоятельствах. Невесту часто благословляли образом Богоматери, жениха — образом Спасителя или Николая Угодника. Старшие в семье, почетные гости, а также жених и невеста во время свадьбы сидели в святом углу. Провожая казака на службу, вновь снимали икону из святого угла. Держа ее в руках, родители напутствовали сына служить честно, «не позорить казачий род», защищать родную землю и вернуться домой живым и невредимым [10].

Непременным явлением повседневной жизни были домашние молитвы. Обязательным было чтение молитв утром, вечером и перед едой. Помимо молитв «Верую», «Пресвятая Троица», «Царю Небесный» могли быть и обращения к Богу по-своему: «Дай мне, Господи, хорошего сна, упокой меня сном, чтобы я отдохнула, а еще прошу Тебя, Господи, встану с утра, что начну я работать, помоги мне, Господи, и дай мне, Господи, здоровья». Молитву перед едой произносил старший в семье, как правило, отец или дедушка. Чаще всего читали «Отче наш», но могли и просто произнести «Святой Господи, благослови». После еды говорили: «Спаси, Христос» или «Спасибо Богу, Матери Божией, усим святым, за хлеб, за силу, за дар Божий». В течение дня во время домашних работ просили у Бога помощи и благословения. Напри-

мер, при выгоне коровы на выпас ее крестили со словами: «Крестом крестю, крестом ограждаю, крестом врага отгоняю». Призывали Бога при выходе со двора, стараясь оградить себя от всяких случайностей: «Господи, я в путь иду, Тебя с собой зову. Ангел, вылетай, дорожку мне очищай, а Мать Божия меня спасай». Перед пахотой обязательно произносили: «Господи, благослови начать работу» [11].

При вселении в дом вначале вносили в святой угол икону и стол, чтобы «нечисть не заводилась». Важнейшим проявлением домашнего благочестия служили посты, представлявшие особый смысл и единство духовным и телесным потребностям. «Невидимая брань» укрепляла веру, помогала справиться с превратностями жизни.

Православному населению Кубани вера отцов говорила о бессмертии души, о ее бесконечной жизни у Бога. Вера предупреждала о Страшном суде Господнем и о новых муках, которые ожидают людей. Однако всей своей полнотой Православие возвещало не смерть, но воскресение из мертвых. Символ веры заканчивается словами: «Чаю воскресения мертвых и жизни будущего века. Аминь». Кубанцы верили, что выше солнца и звезд есть другое Небо, на котором обитает Бог вместе со святыми ангелами и душами умерших праведников. Некоторым праведникам перед кончиной это Царствие Небесное открывается во всей красе. Вера учила казака, солдата Черноморской береговой линии, офицера не бояться смерти на войне, уповать на промысел Божий. Кто боялся Бога, тот не боялся неприятеля. Человек, всецело преданный промыслу Божию, терпеливо переносил лишения и испытания, смело и спокойно шел навстречу опасности. Усвоение христианских заповедей: возлюбить ближнего своего как самого себя и положить душу свою за други своя — было способно поднять кубанских казаков на недостижимую степень нравственной высоты. Когда в 1809 г. четырехтысячное ополчение горцев перешло по льду Кубань около Ольгинского кордона, полковник Тиховский и 200 казаков с пушкой могли спокойно отсидеться в укреплении, отбивая атаки превосходящего противника. Однако казаки не стали безучастными зрителями расправы черкесов над ближайшими селениями. Они вышли из укрепления и вступили в неравный бой со всей массой вражеской конницы и пехоты.

В беспощадной яростной сече тиховцы полегли, совершив подвиг не только телесный, но и духовный...

Когда турки стали бить и мучить православных христиан на Балканском полуострове, утопив в крови восстания болгар и сербов против жестокого османского ига, кубанцы обнаружили готовность с оружием в руках защитить единоверцев. Казак станицы Васюринской Иван Видный писал в своем прошении: «Имею ревностное желание стать в ряды защитников христианского народа против ненавистных нам турок и наглости и жестокости тиранства башибузуков». Около 35 жителей Кубанской области (казаки, крестьяне, мещане, офицеры) сумели добраться в 1876 г. до далекой Сербии и вступили в маленькую добровольческую армию генерала Черняева [12], у которой не было никаких шансов устоять против превосходящих сил турок...

Все это и многое другое говорит о том, что православная вера — основа глубинных традиций казачества Кубани. Она была и остается великим достоянием народа, а не поверхностным явлением, навязанным якобы извне.

- Примечания**
1. Бондарь Н.И. К вопросу о традиционной системе ценностей кубанского казачества. Ч. 1. XIX — начало XX в. // Из культурного наследия славянского населения Кубани / Под ред. Н.И. Бондаря. Краснодар, 1997. С. 4.
 2. Погорелов Н.Н. Храм станицы Иркиевской // Православие, традиционная культура, просвещение / Науч. ред., сост. Н.И. Бондарь, М.В. Семенов. Краснодар, 2000. С. 38–41; Пономарев В.П. Из истории Покровского храма станицы Абинской // Там же. С. 41–44; Рыбко С.Н. Некоторые страницы истории ст. Эриванской и ее храма во имя Святого благоверного князя Александра Невского // Освоение Кубани казачеством: Вопросы истории и культуры / Науч. ред., сост. О.В. Матвеев. Краснодар, 2002. С. 146–156; Павлоградская Л.Д. Степная ласточка // Кубанский сборник. Т. II (23) / Под ред. О.В. Матвеева. Краснодар, 2007. С. 319–356; Ее же. Храмы в станице Уманской // Родная Кубань. 2008. №2(42). С. 11–28; Бабич А.В. О наводнении в станице Бакинской Псекупского полка Кубанской области в 1866 году и о пожертвовании императрицей Марией Александровной иконы Двенадцати великих праздников жителям станицы в 1868 году // «И Божья благодать сошла...»: Романовы и Северный Кавказ: Материалы IV Международных дворянских чтений / Под ред. О.В. Матвеева, Е.М. Сухачевой. Краснодар, 2008; История православной общины и Михаило-Архангельского храма станицы Крыловской в документах и воспоминаниях / Сост. В.В. Тер, Е.В. Тер. Ст. Ленинградская (Уманская), 2010. 52 с.; Соловьев И.А. Станица Воровсколеская: от форпоста до сельской глубинки. Ставрополь, 2010. С. 192–204; Матвеев О.В. Из исто-

- рии православных приходов станицы Дядьковской (1828–1918 гг.) // Мир славян Северного Кавказа / Под ред. О.В. Матвеева. Краснодар, 2011. С. 54–75 и др.
3. Кузнецова И.А. Некоторые аспекты повседневной жизни приходского и станичного священника Кубанской области (вторая половина XIX — начало XX вв.) // Мир славян Северного Кавказа. Вып. 4 / Науч. ред., сост. О.В. Матвеев. Краснодар, 2008. С. 179–189; Дело мира и любви: очерки истории и культуры православия на Кубани / Науч. ред. О.В. Матвеев. Краснодар, 2009. 304 с.
 4. Православная Церковь на Кубани (конец XVIII — начало XX в.): Сборник документов (К 2000-летию христианства). Краснодар, 2001. 728 с; Священно- и церковнослужители и члены их семей Черноморского казачьего войска по материалам 7-й ревизии (январь 1816 г.) / Публ. А.В. Бабича, С.В. Самовтора // Кубанский сборник. Т. II (23) / Под ред. О.В. Матвеева. Краснодар, 2007. С. 357–401.
 5. Виноградов В.Б. Средняя Кубань: земляки и соседи (формирование традиционного состава населения). Армавир, 1995. С. 69.
 6. Там же. С. 72.
 7. Православная Церковь на Кубани... С. 220.
 8. Там же. С. 221.
 9. Цит. по: Бондарь Н.И. Указ. соч. С. 8.
 10. Дело мира и любви... С. 281.
 11. Кузнецова И.А. Традиции домашнего богослужения православных жителей кубанских станиц (вторая половина XIX — начало XX вв.) // Мир славян Северного Кавказа. Вып. 3 / Под ред. О.В. Матвеева. Краснодар, 2007. С. 316–317.
 12. Матвеев О.В. Кубанские добровольцы сербо-турецкой войны 1876 г. // Славянский мир, Запад, Восток: памяти профессора Д.Г. Песчаного: Материалы международной научно-практической конференции / Под ред. Э.Г. Вартаньян, О.В. Матвеева. Краснодар, 2008. С. 36.

Опыт Ставропольской епархии в создании казачьих общин из людей, попавших в трудную жизненную ситуацию, наркоманию, алкоголизм и успешно прошедших реабилитацию в православных реабилитационных центрах

Новопашин Н. О., руководитель
Спасо-Преображенского реабилитационного центра

Везде, где только могу, выступаю и взываю о помощи. Эта конференция под названием «Православие — духовно-нравственный стержень казачьего мировоззрения» близка нам, хотя мы не историки, не священники, но тем не менее силу свою ощутили именно в опоре на Бога, на лучшие традиции нашего народа, на славное прошлое нашего казачьего края.

Семь лет назад мы начали пытаться избавлять людей (а в основном это молодежь) от наркотической зависимости. Осмелились те, кто в недавнем прошлом сам «сидел на игле», нюхал и пил всякую гадость. Почему это с нами случилось? Да потому что мы, бывшие пионеры и комсомольцы, оказались без идеалов и будущего. Вот я оглядываюсь по сторонам этого музейного зала, где представлена история Великой Отечественной войны, вижу фотографии героев, знамена, плакаты и думаю: неужели все было зря? Ведь они сражались под красными знаменами, шли в бой за Родину, за Сталина. А ведь нет уже той Родины, охаяны многие руководители нашего государства, поруганы былые святыни...

А как можно вырастить нормальных детей, затем достойных юношей и девушек без положительных примеров, без веры в будущее и надежды найти свое место в жизни? Вы сами видите, что творится на телевидении. Пропаганда разврата, вседозволенности, насилия и стремления к обогащению любым путем. Совсем неудивительно, что нас захлестнула волна наркомании, и как следствие ее, преступность, так как зависимость требует средств немалых на приобретение доз.

Официальная медицина, к сожалению, не может похвастаться большими успехами на поприще борьбы с этой так называемой

мой «чумой» теперь уже XXI века. Поговаривают, что якобы наиболее продвинутые доктора даже делают операции, внедряясь в головной мозг и отыскивая там нервные центры, отвечающие за возникновение наркотической зависимости. Но мне кажется, дело не столько в физиологии, сколько в душе, в особом состоянии человеческого духа, который, собственно, и способствует достижению гармонии, благочестия. То есть я говорю о религиозной составляющей. И перво-наперво ты должен понять, что лишь Бог тебя спасает, Он внушает, а уж как ты будешь следовать... Здесь уже речь идет о воспитании воли. Вот ее-то у большинства вступивших на ведущую к неминуемой гибели стезю изначально не было. В этом их трагедия. Поскольку (и мы это наблюдаем постоянно) не только отчаявшиеся найти работу, живущие в нищете, обойденные родительским вниманием начинают употреблять зелье, но и вполне благополучные детки из очень богатых семей тоже приобщаются к наркотикам, кто от безделья, кто для куража, но суть в том, что у всех у них нет воли и Бога в душе. Значит, главное — привести человека к вере, к Церкви, к молитве, к исповеди. Прежде всего, конечно же, он должен поверить в того, кто ведет. Наши поводыри — в основном из тех, кто колосился и пил, а потом раскаялся. К ним доверия больше.

В наших семи мужских и одном женском реабилитационных центрах прошли своеобразное лечение 1507 человек, 29 из них создали семьи. Как мы лечим? По-христиански — трудом и молитвой. Вот я расскажу лишь об одном нашем реабилитационном центре, расположенном в окрестностях старинной казачьей станции Темнолесской. Начинали на голом месте, в заброшенных сараях на горе Стрижамент. А сейчас, во многом благодаря владыке Кириллу, есть у нас уже и домовая церковь. Развели мы самую разнообразную живность — от кур до лошадей. Двадцать пятого мая на базе Темнолесского филиала прошло выездное заседание антинаркотического комитета России. Нам вручили сертификат соответствия всем ГОСТам, хвалили, восхищались. Но на общественные организации, дающие высокий результат, деньги не выделяются, и механизмов их распределения тоже нет. А ведь в нашей стране 6 миллионов наркоманов, в год умирают 100 тысяч наркозависимых! О какой демографии можно говорить? К нам идет колоссальный поток людей. Но как их кормить, как

содержать? У нас нет газа и много еще чего, но есть свежий воздух, чудесная природа, которая способствует пробуждению души.

Но все же странно, согласитесь, среди разгула роскоши, бешеных денег, пускаемых на ветер, наблюдать гибель своих сограждан и видеть наши усилия. А многие ведь ходят в храм, потому что модно, так почему же не внять призывам?!

Опять повторяю: мы рады любой помощи. Да, мы работаем под эгидой Церкви, а она отделена от государства, но не отделена от общества и его проблем. И если Церковь решает проблемы общества, утоляет печали и страсти детей его, то почему же ей не оказывают содействие?

Мы все живем рядом с этой бедой. И какой дом, какая семья застрахованы от того, что горе не ворвется к ним? Мы же — горстка энтузиастов, Бог нам помогает, и мы не сидим сложа руки...

Вот я задумал и получил благословение протоиерея Игоря Подоситникова на создание музейчика (опять-таки, в воспитательных целях). Хотелось бы, чтобы наши подопечные узнали побольше о том прекрасном месте, где расположена община, о станице, о славных казаках, об их традициях, о тех исторических событиях, в которых довелось участвовать темнолессцам, и прониклись духом казацкой старины, не теряя Божьего духа. Тогда-то легче будет пройти тяжкий путь избавления от страшной зависимости.

Актуальные проблемы сохранения историко-культурного наследия терского казачества

Охонько Н. А., заслуженный деятель культуры РФ,
директор Ставропольского краевого музея-заповедника
им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве

В Федеральном законе «О российском казачестве» одной из главных целей возрождения казачества обозначено «сохранение его исторических традиций и духовного наследия». Важнейшую роль в выполнении этой задачи играет историко-культурное наследие, включающее в себя музейные и архивные собрания, памятники истории и культуры, исторические поселения, а также нематериальное наследие, такое как фольклор, песенное творчество, обряды, традиционная форма поведения и взаимоотношений как внутри казачьей общины, так и с ее соседями. В свою очередь, все это наследие пронизано христианской духовностью, которую тоже следует считать важной частью историко-культурного наследия казачества.

Терское казачество является одной из групп старожильческого населения Северного Кавказа. До 1917 г. оно имело собственный административно-территориальный статус с центром во Владикавказе. В 1897 г. здесь был создан музей Терской области, в котором накапливались коллекции по истории и культуре терского казачества. В области были созданы и действовали статистический комитет и ученая архивная комиссия, которые занимались сбором и публикацией историко-культурного наследия терских казаков. Успешно развивалось казачье образование, и по уровню грамотности Терская область опережала многие губернии России. Терские казаки, компактно проживая в 70 исторических станицах среди других народов Северного Кавказа, с XVI в. создавали и хранили собственную оригинальную культуру, имея при этом потрясающе богатую историю. Главной особенностью терских казаков является созданный ими оригинальный синтез культуры, обычаев, норм поведения и прочего, синтез, основанный на слиянии славянского и северокавказского наследия. Этот исторический опыт взаимного проживания крайне важен и актуален в современной ситуации на Северном Кавказе.

Перед Первой мировой войной в Терской области проживали собственно казаки (255 тыс. чел.), русские переселенцы (248 тыс. чел.), чеченцы (235 тыс. чел.), осетины (132 тыс. чел.), кабардинцы (100 тыс. чел.), ингуши (55 тыс. чел.), балкарцы (35 тыс. чел.), а также представители ряда народов Северного Дагестана.

В настоящее время на исторической территории Терской области все вышеперечисленные народы имеют собственный административно-территориальный статус, у них созданы условия для сохранения своего историко-культурного наследия и развития национальных культур, и лишь терское казачество в результате событий XX в. оказалось лишенным собственного этнотерриториального статуса. Расказачивание, депортации, войны, многочисленные административно-территориальные преобразования и другие события привели к большим утратам и в историко-культурной сфере. Утрачено много движимых и недвижимых памятников истории и культуры, исчез большой пласт нематериального культурного наследия казачества, забываются казачьи обычаи и традиции, ослаблена православная вера и духовность.

Будучи раздробленным между Дагестаном, Чечней, Ингушетией, Северной Осетией, Кабардино-Балкарией и Ставрополем, терское казачество не имеет возможности проводить скоординированную работу по сохранению своего историко-культурного наследия и развитию своей традиционной культуры, как это делается на Дону и Кубани. Здесь, при всех событиях бурного XX века, сохраняется этнотерриториальное казачье ядро. На Дону казачье наследие хорошо сохранилось в Новочеркасском музее донского казачества, Старочеркасском музее-заповеднике, музее-заповеднике М.А. Шолохова, Раздорском этнографическом музее-заповеднике и др. На Кубани история казачества неплохо представлена в краевом музее им. Фелицына, создана казачья этнодеревня в Тамани, а нематериальное историко-культурное наследие аккумулируется на базе знаменитого Кубанского хора.

При государственной поддержке сохраняется наследие в национальных республиках Северного Кавказа. При этом по понятным причинам здесь приоритеты отдаются сохранению и развитию культур местных титульных наций и народностей, в то вре-

мя как терское казачество в лучшем случае присутствует везде как один из элементов культурной политики той или иной республики. Как результат, терское казачество, единственная из старожильческих групп населения Северного Кавказа, лишенная своей субъектности, не имеет базы для проведения полного спектра работ по сохранению своего историко-культурного наследия, духовному и военно-патриотическому воспитанию, популяризации казачьих ценностей, демонстрации материального и нематериального культурного наследия.

Историко-культурное наследие терского казачества если и сохраняется, то только в разпыленном виде. Имеются некоторые собрания в отдельных музеях Москвы и Санкт-Петербурга, а также в архивах и музеях Владикавказа, Кизляра, Моздока, Нальчика, Ставрополя, Кавказских Минеральных Вод. Но все это не является собой полной, целостной картины, отражающей феномен терского казачества. Считаю, что при государственной поддержке необходимо создание историко-культурного центра терского казачества.

В настоящее время наиболее комфортно терские казаки чувствуют себя на территории Ставрополья, которое стало ядром и организующим началом по возрождению терского казачества. Неформальным центром этого процесса стал город Новопавловск, где обычно проводятся мероприятия Терского войскового казачьего общества. Именно здесь чаще всего проходит общевойсковой Круг, проводятся ежегодный молодежный конкурс «Казачьему роду нет переводу», казачьи юношеские игры, фестивали традиционной казачьей культуры, творческие конкурсы «Казачьей истории и культуре — быть» и др. С 1 января 2009 г. при поддержке правительства Ставропольского края в Новопавловске создан музей истории терского казачества, который является филиалом Ставропольского государственного историко-культурного и природно-ландшафтного музея-заповедника. Для этого администрацией города Новопавловска безвозмездно предоставлено здание в историческом центре города.

Город Новопавловск, основанный как станица Терского казачьего войска, занимает удобное географическое положение на стыке Ставрополья с Северной Осетией и Кабардино-Балкарией, сравнительно недалеко от Дагестана, Чечни и Ингушетии и очень

близко к центру Северо-Кавказского федерального округа — городу Пятигорску.

В черте города Новопавловска имеется просторная зона отдыха, расположенная в живописной долине р. Куры. По стечению обстоятельств, здесь находятся хорошо сохранившиеся остатки исторического казацкого редута, который был заложен в 1777 г. как одно из укреплений Азово-Моздокской линии. Помимо уже существующей рекреационной инфраструктуры в этой зоне ведется строительство современного спортивного комплекса. Рядом с отмеченным редутом и спортивным комплексом имеется свободная территория, которую администрация города готова безвозмездно предоставить для историко-культурного центра терского казачества. Эта часть города уже обеспечена подъездными путями, сюда подведены электричество, вода и газ.

Создаваемый историко-культурный комплекс может состоять из двух частей. Первая — воссозданный и музеефицированный казацкий редут. Он эффектно располагается на высоком холме-останце и играет роль исторической доминанты.

Вторая часть историко-культурного комплекса задумана в виде воссозданного облика типологической казацкой станицы, насыщенной интерактивными объектами. Исходя из традиционной планировки терской станицы и составляющих ее объектов, на отведенном земельном участке, под сенью подлинной исторической Павловской станицы и казацкого редута, воссоздается этнопоселение терских казаков действующего типа. В число действующих интерактивных объектов входят элементы станичных укреплений с рвом, стеной и воротами с караулкой и сторожевой вышкой; станичная площадь, на которой проводятся массовые мероприятия и функционирует квартал народных промыслов и мастеров декоративно-прикладного искусства как терского казачества, так и других народов Северного Кавказа; в центре площади — православный храм, в котором помимо церковных служб проводятся и освящаются казацкие обряды и ритуалы, а также по традиции хранятся реликвии Терского казацкого войска; действующее правление Терского казацкого войска; казацкая школа, на базе которой по совместной программе Церкви и светской школы ведется обучение по утвержденной программе, осуществляется спортивная и иная подготовка молодежи Терско-

го казачьего войска и других (по желанию) представителей республик Северного Кавказа (строящийся рядом спортивный комплекс создает дополнительные условия для спортивной подготовки молодежи); конюшня и конный манеж для обучения верховой езде; по периметру площади устраиваются традиционные казачьи подворья с воссозданным бытом, где посетители могут принимать непосредственное участие в обрядах и ведении казачьего хозяйства; здесь же функционируют точки общественного питания с традиционной казачьей и северокавказской кухней. В составе историко-культурного центра может быть создан ансамбль песни и танца терских казаков.

Главная содержательная идея создания такого историко-культурного комплекса заключается в том, чтобы хранить и использовать позитивный исторический опыт терского казачества, наиболее открытого и универсального во взаимоотношениях с другими народами Северного Кавказа. На этой базе создается креативная площадка для культурного диалога между представителями всех северокавказских республик.

Создание историко-культурного центра выгодно подкрепляется наличием как в самом городе Новопавловске, так и в его орбите других подлинных объектов казачьей истории. В городе хорошо сохранились планировка исторического центра и площадь (бывший казачий майдан). Здесь совместными усилиями Православной Церкви и казачества возрождается разрушенный при советской власти станичный храм, один из самых крупных на Северном Кавказе по вместимости. По периметру площади расположены музей истории терского казачества, казачья управа, мемориал Великой Отечественной войны и некоторые другие объекты.

В границах Новопавловского муниципалитета находятся хорошо сохранившиеся остатки двух крепостей Азово-Моздокской линии — Павловской и Марьинской. Эти крепости, основанные в 1777 г., впоследствии были организованно оставлены и поэтому хорошо сохранились. Рядом с крепостями существовали одноименные казачьи станицы, переведенные позже на другие места. На основе этих подлинных памятников казачьей истории силами молодежи и всех желающих могут проводиться археологические изыскания, осуществляться исторические реконструкции

и организовываться другие мероприятия военно-исторического направления.

На близком расстоянии от города Новопавловска располагаются старые казачьи станицы: Старопавловская, Марьинская, Зольская, Государственная, которые сохраняют историческую планировку, традиционный тип жилища и черты традиционного уклада жизни, имеют местные музеи и другие достопримечательности.

В случае реализации данного проекта город Новопавловск и сопутствующие ему объекты и населенные пункты могут стать привлекательными для туризма, и прежде всего, для отдыхающих на Кавказских Минеральных Водах. Возможна разработка тура «По станицам терских казаков».

Историко-культурный центр терского казачества и имеющая большую вместимость рекреационно-спортивная зона города Новопавловска могут выполнять роль площадки для проведения различных мероприятий в рамках Северо-Кавказского федерального округа.

О некоторых духовных основах казачества

Ходарев В. В., казачий поэт и писатель,
инициатор возрождения казачества на Ставрополье

Хочу начать свое выступление словами: «Я верующий, я православный!» Считаю, что эти слова — не что иное, как клятвенная исповедь перед Богом. Человек, произнося эти слова или мысленно рождая их в своих размышлениях, уже делает благо и для своей души, и для величия нашей православной веры.

Эти слова: «Я верующий, я православный» — совсем не искрометные слова, а рожденные верой в Бога, слова глубочайшего содержания, которые может произнести только крещеный человек и только тот, кто действительно открыто воспринял нашу христианскую веру, истоки которой нетленно остаются с нами.

Вера православная в далекой древности породила духовные истоки и основы нравственности. Духовные основы — не разовое что-то. Они утверждались, как можно предположить, в сознании и душах казаков прошлого, вживались в каждую казачью семью, в среду казачьих формирований не промежуточно, а системно.

Вера в Бога стала укладом жизни казачества на все века! Понятие этому дают не только размышления, не только труды ученых, церковных летописцев, писателей, историков, но и многие пословицы, изречения, поверья старины, поговорки и былины, а также суеверия.

Возьмем казачьи пословицы: «Без Бога — не от порога», «Казаку конь от Бога дан», «Конь под нами, а Бог над нами», «Бог не без милости, а казак не без дома». Размышляя, можно прийти к выводу, что неизвестные авторы этих пословиц были духовно богаты, а основой к рождению пословиц является сама казачья жизнь и неотъемлемо от нее вера в Бога.

Я давно убедился в том, что мудрость, опыт веков, юмор казаков наиболее сочно и ярко запечатлены в кратких и устойчивых, нередко поэтизированных словосочетаниях народной речи. Приведу одно из изречений: «Казачья культура — «Отче наш», да плут, да шашка». Вроде бы слова просты. Ан нет, глубоко взято. И вновь здесь, как и в прочитанных ранее пословицах, — духовная основа и сама жизнь.

Читая или слушая всякую казачью пословицу или поговорку, конечно же, мы оказываемся в плену размышлений. За многие годы мне удалось в писательских творческих поездках, поисковых экспедициях собрать 260 казачьих пословиц, многие из них со словами «казак», «казачка», «атаман», «сотник». Эти пословицы и поговорки уходят своими корнями в далекие исторические времена. Они когда-то, как птицы, вспорхнули в неизвестных станциях или в каком-нибудь походе и осели в других хуторах и станциях, где передавались от поколения к поколению.

На удивление ярко и кратко охвачен и донесен пословицами и поговорками очень широкий круг казачьей жизни. Вот, например, сбор по тревоге:

Первый удар колокола — казак оделся,
Второй удар колокола — казак в седле,
Третий удар колокола — казак в строю.

Таким было поучение молодым казакам.

А вот как звучала перед походом прощальная молитва: «Казаки, пусть будет над вами воля Божья». Здесь тоже духовность. Это одна из вековых составляющих кипучей казачьей жизни и неотъемлемая часть духовных основ казачества.

О пословицах, поговорках, изречениях, выражениях можно говорить долго и широко. Это еще плохо изученный материал — пласт культурного наследия казачества, точно так же как поверья, суеверия, старины и старинки, рожденные в далеком прошлом, где-то на казачьей тропе, походной дороге или в трудовых делах и подвигах казаков.

Собирая более 20 лет казачьи поверья, суеверия и старины, произвольно анализируя их и рассуждая о них, я убедился в том, что они и зародились, и множились, и поправлялись новыми поколениями казаков под влиянием всегдашней борьбы добра и зла.

Казачество в массе своей глубоко верило в то, что проделки чертей, колдовство, совершаемое магами, чернокнижниками, ведунями, ведьмами, останавливаются только Богом. Казаки были убеждены, что с темными силами человеку можно бороться и по-

беждать их, если не только верить в Бога, но и своевременно обратиться к Нему.

Многие события в семьях, природные капризы часто повторялись и были схожими в восприятиях людей. Это, видимо, и породило огромную ветвь суеверий, которые часто властвовали над чувствами.

Казачи верили (да и сейчас многие верят) в то, что злобная направленность темных сил способна на все. Она может вселить в человека манию величия, может поставить его в рамки неотвратимой безысходности, даже опустошить душу.

Но нужно особо отметить, что целый пласт суеверий и поверий имеет явно воспитательное значение, и с этой целью они передавались в семьях и станицах от одного поколения другому. Например, за невыполнение того или иного действия шло предупреждение: не сделаешь так-то — берешь на себя грех или то-то будет с тобой. Явно просматривается воспитательный характер.

Это прослеживается на многочисленных примерах, особенно на тех, которые можно отнести к повседневной жизни. Такие суеверия и поверья представляют интерес не только тем, что являются характерным признаком казачьего быта, но и в не меньшей степени тем, что несут в себе мощный воспитательный и познавательный заряд. Мною собрано более 500 поверий и суеверий, бытовавших и бытующих в хуторах Юга России.

Порой в застольных компаниях и ныне встречаются желающие показать себя в полной красе, танцуя на столе. Прошлое казачества учит: не садись и не становись на стол, ведь он — длань Божья, осквернять которую грешно.

Казачьи поверья и суеверия относятся к различным сторонам бытия, с их загадочностью они на удивление глубоко и сразу действуют на чувства и сознание и детей, и взрослых.

Считаю, что и пословицы, и поверья, и суеверия — это народное учение, вобравшее в себя наблюдения многих поколений казаков и требующее к себе по меньшей мере уважения. Я также считаю, что это устное народное учение является одной из частей духовной основы в семьях казаков прошлого, а значит, и поверья, и суеверия — это своего рода житейские нравственные заповеди, но только необычной формы. И они учат и заставляют уважать непреходящие ценности. Например, человек плюет на зем-

лю. Ему говорят, что он свои плевки в аду будет собирать, а подтекст: уважай землю, она тебя кормит. Сравните с другой заповедью: грешно бить палкой по земле, это все равно что бить свою мать, которая в муках родила тебя. Здесь напрямую увязываются жизнь и судьба человека. Это ли не основа духовности?..

И в бою казак был суеверен. По-особому суеверен. Великая мудрость народа выразилась в том, что все поверья и суеверия такого рода направлены на поднятие боевого духа, воспитание отваги и мужества. Наши предки были убеждены, что существует даже так называемый казачий Спас, который помогает казачку вовремя уклониться от летящей пули, вражескую пику и саблю отбить, а удар казачьей пашки сделать неотразимым. Это ли не основа духовности?..

Период возрождения казачества — это счастливая веха в многовековом пути казачества нашего многострадального Отечества. В известный период истории многое было беспощадно уничтожено. Вместе с расказачиванием произошло уничтожение многих храмов, церковных ценностей, выхолощена из большей части народа вера в Бога. Но оставался дух казачества, были живы лучшие традиции казаков прошлого, унаследованные от предков. И потому уже на Первом Ставропольском краевом съезде казаков в 1990 г., за многие годы перерыва, глаза в глаза встретились потомки казаков и служители Русской Православной Церкви во главе с митрополитом Гедеоном. На этом съезде я выступал с большим докладом, где говорил о многом, в том числе о ремонте и строительстве храмов, о Православии и верности Православию. С первых шагов нашего возрождения пробуждалась вера и надежда в душах казаков и в казачьих семьях на воскрешение казачьей своеобразной жизни, лучших традиций наших героических предков, их нравов, обычаев, культуры.

Мы отчаянно, не побоюсь этого слова, шагнули на новый путь — светлый путь казачьего возрождения, во многом оваянного славой наших предков. И нам не было стыдно и горько, что все потеряно. Мы чувствовали себя наследниками казачьего духа, а значит, и защитниками Православия.

Наряду с казачьими традициями и обычаями в основу всеобщего движению возрождения были положены многовековые связи казаков с Церковью. А на базе этого закладывались и некоторые

первые основы духовности в период счастливого времени воз-
рождения терско-ставропольского казачества.

При созданном Ставропольском союзе казаков в тот на-
чальный период по благословению митрополита Гедеона был
организован Центр пропаганды истории и культуры казачества.
Я возглавил его и одновременно был заместителем (товарищем)
атамана.

Центром была издана маленькая библиотечка казачьей се-
мьи, выпускался еженедельный листок «Казачьи новости», я на-
писал драматическую поэму «Казачий круг» о героическом пути
терского казачества. В поэме использовался казачий фольклор,
молитвы, причеты, по поэме был поставлен концерт-спектакль
(Ставропольским драмтеатром), выступления состоялись в Став-
рополе, Железноводске, Георгиевске и ряде районов. В 1993 г.
мною был написан, впервые в казачьей истории, «Духовный
гимн казачества», он был благословлен Патриархом Московским
и всея Руси Алексием II.

Духовный гимн казачества

Слава Богу, что мы казаки, —
Вот молитва казачья святая.
Наши сотни и наши полки
С нею крепнут от края до края.

Слава Богу, что мы казаки.
От Курильской гряды до Азова,
От сибирских рек до Дунай-реки
Славься, воинство наше Христово!

Слава Богу, что мы казаки,
С нами братство, знамена и песни.
От Карпатских гор до Амур-реки
Мы с молитвою этой воскресли.

Слава Богу, что мы казаки,
Слава Богу, что мы казаки!

Особенно мне хотелось бы сказать о добром отношении к казакам митрополита Гедеона (ныне почившего) и отца Павла Самойленко (его секретаря). Когда я был председателем краевого отделения Союза писателей, был введен институт почетных членов организации, и первым почетным членом стал митрополит Гедеон.

С 11 по 15 мая 1999 г. в Ставрополе проводились Первые Международные Свято-Игнатиевские чтения. Знакомясь с жизнью пресвященного Игнатия Брянчанинова, у меня рождались поэтические строки. После размышлений я решил написать свое выступление в стихах, но получилась большая духовная поэма. С нею по благословиению владыки Гедеона я и выступил на этих чтениях перед священниками из всех уголков России, представителями Синода, священнослужителями из Армении, Грузии и др. Эта поэма впервые была опубликована в газете «Ставропольский благовест», а потом в моей книге «Терские протоки», вышедшей в свет в 2000 г. Сейчас я работаю над новой книгой «Земной поклон», посвященной казачеству. В ней будет вновь опубликована поэма «Житие епископа Брянчанинова» с благословением и предисловием архиепископа Феофана.

Вразуми, Господи, всех казаков на лучшие начинания в деле укрепления нашей казачьей службы и процветания Отечества, углубления и расширения духовных основ жизни казачества!

Храни вас Бог!

РЕЗОЛЮЦИЯ Первой Межрегиональной научно- практической конференции

«Православие — духовно-нравственный стержень казачьего мировоззрения»

Первая Межрегиональная научно-практическая конференция «Православие — духовно-нравственный стержень казачьего мировоззрения» состоялась в городе Ставрополе 16–17 августа 2011 г. по благословению Преосвященного Кирилла, епископа Ставропольского и Невинномысского, председателя Синодального комитета Русской Православной Церкви (Московский Патриархат) по взаимодействию с казачеством при организационной поддержке Ставропольской и Невинномысской епархии, Терского войскового казачьего общества и Ставропольского казачьего войска.

В работе конференции приняли участие представители Терского, Кубанского, Донского, Волжского войсковых казачьих обществ, Союза казаков России, православного духовенства, окормляющего казачьи общества, атаманы казачьих обществ, представители органов государственной власти, общественные деятели, деятели науки, культуры и образования.

Оргкомитет зарегистрировал 112 участников конференции (72 представителя казачества (Ставрополь, Ростов-на-Дону, Краснодар, Москва, Карачаево-Черкесия, Кабардино-Балкария, Северная Осетия — Алания, Киргизия, другие регионы), 20 священнослужителей и 20 представителей научного сообщества).

Главная цель состоявшегося мероприятия заключалась в отражении и обобщении опыта создания условий для реализации в казачьей среде задач по организации процесса взаимодействия казачьих обществ с Русской Православной Церковью, а также механизмов формирования пространства духовно-нравственной культуры в казачьих обществах, организациях, станицах и хуторах.

Участники конференции неоднократно подчеркивали, что на протяжении двухтысячелетней истории Православия не было какой-либо отдельной казачьей церкви, но всегда — в России, Украине и Беларуси — казаки были чадами Русской Православной Церкви. Именно Православная Мать-Церковь стремилась к уврачеванию доставшихся нам в наследие от советского прошлого пагубных ран нестроений и разделений в казачьей среде, обращаясь в равной мере и к казакам, вошедшим в Реестр, и к тем, кто избрал иной путь.

По мнению участников конференции, принцип равного окормления всех казаков наиболее полно находит свое отражение в деятельности казачьего священства, призванного волей Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла к духовно-нравственному окормлению казачьих обществ на всем пространстве канонического влияния Русской Православной Церкви.

Участниками конференции были также рассмотрены вопросы общности исторических судеб Православия и казачества, обобщен опыт реализации совместных духовно-нравственных программ и проектов, имеющих своей целью не только духовно-нравственное окормление и воцерковление казачества, но и воспитание гражданственности, патриотизма, семейных ценностей, направленных на возрождение традиционного казачьего семейного уклада.

Были обсуждены многие наиболее важные проблемы казачества. Среди них одна из главных составляющих идеологии казачества в настоящий период его развития — приобщение к вере православной, традиции которой в значительной мере утрачены казаками за 73 года атеистической политики советского государства. Именно поэтому за прошедшие с начала возрождения казачества 22 года общественные, а затем и реестровые казачьи организации своей главной задачей ставили и ставят в настоящее время возвращение в храм каждой казачьей семьи, помня слова Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла, что «казак без веры — не казак».

Воцерковление казаков, как отмечали выступавшие, зависит от повседневного соработничества священника, атамана, казака и членов его семьи. От каждого казака во многом зависит формирование православной духовно-нравственной обстановки в семье.

Многие выступавшие справедливо отмечали, что фактором, затрудняющим воцерковление, является общая проблема нравственной и экономической ситуации в России, утрата большинством населения уверенности в обеспеченном и справедливом будущем детей, внуков и правнуков.

Участники конференции подтвердили, что казачество России как часть русского народа живет той же жизнью, что и все общество, его тревожат незавершенность и малоэффективность экономических и социальных реформ, безработица, развал многих предприятий на местах, коррупция, терроризм, пагубность ювенальной юстиции и проблемы образования.

Тревогу участников конференции вызывает обстановка в различных регионах России, связанная с сохранением православной культуры и исторических традиций российского казачества.

В выступлениях был сделан упор на необходимость развития у казачьей молодежи интереса к знанию истории казачества, его семейных традиций, возрождения православных духовно-нравственных ценностей.

Еще раз со всей решимостью участники заявили: «Православие было и есть идеологическая основа казачьего мировоззрения».

Казачество на протяжении своего историко-культурного развития реализовывало свою особую, отличную от самодержавно-государственной доктрины, идею социального устройства. В основе казачьей идеи лежало общее стремление людей строить свои внутренние отношения не на принуждении и угнетении личности, а на корневых традициях славяно-русского народовластия, раскрепощающих личность во имя выполнения определенной смысложизненной миссии. Данное предназначение казака реализовалось в защите, сбережении и расширении православной цивилизации.

Учитывая характер состоявшейся дискуссии, участники конференции заявляют о необходимости:

1. Активизации работы по реализации принципов духовно-нравственного возрождения казачества на прочном фундаменте православного мировоззрения.

зрения и мироустройства, решительного осуждения любых проявлений нестроений и разделений, призывов к раскольнической деятельности в казачьей среде, уклонения казаков в язычество и сектантство.

2. Осуществления и координации деятельности Русской Православной Церкви, ее диалога и сотрудничества с казачьими обществами и общественными объединениями казачества, а также с органами государственной власти и местного самоуправления, осуществляющими взаимодействие с казачеством, через активное сотрудничество с Синодальным комитетом Русской Православной Церкви (Московский Патриархат) по взаимодействию с казачеством.
3. Приобщения к основам православной веры членов казачьих обществ и общественных объединений казачества, членов их семей, способствовать становлению их православного мировоззрения.
4. Поддержки практики проведения Синодальным комитетом Русской Православной Церкви по взаимодействию с казачеством информационно-образовательных семинаров для атаманов и священников. Перенести эти семинары в казачьи регионы с упором на обмен опытом приходской жизни в казачьих станицах и хуторах и духовно-нравственного воспитания в казачьих семьях.
5. Поддержки усилий научных учреждений, общественных организаций, издательств по разработке и изданию учебно-методических пособий, обобщающих опыт духовно-нравственного окормления казачьих обществ и их объединений на всех уровнях: хуторских, окружных, войсковых, станичных, городских.

6. Внесения предложений в адрес Совета при Президенте Российской Федерации по делам казачества о создании «Общероссийской сетевой структуры казачьего православного образования» по схеме: Российский православный университет — университеты (филиалы) в регионах (Краснодар, Ростов-на-Дону, Ставрополь, Оренбург, Иркутск, Хабаровск, Красноярск).

Основываясь на принципах Православия, на признании особой роли Русской Православной Церкви в формировании духовно-нравственного облика современной России и опираясь на возрастающее значение исторического, традиционно-культурного наследия православного казачества в условиях глобальных вызовов современной эпохи, участники конференции считают необходимым:

1. Обратиться к епархиальным архиереям и атаманам войсковых казачьих обществ с предложениями:
 - а) заключения договоров о сотрудничестве между казачьими обществами и благочиниями (приходами) Русской Православной Церкви, разработки и целенаправленной реализации планов совместной работы по вопросам воцерковления и духовно-нравственного окормления казачества;
 - б) заключения договоров о сотрудничестве между образовательными учреждениями и приходами Русской Православной Церкви в районах дислокации казачьих обществ по вопросам духовно-нравственного воспитания и образования подрастающего поколения;
 - в) проведения постоянного мониторинга участия членов казачьих обществ, включая их семьи, в религиозной жизни соответствующих приходов Русской Православной Церкви в целях выработки соответствующих предложений по оптимизации

процессов духовного окормления данной группы населения Российской Федерации.

2. Рекомендовать атаманам казачьих обществ:
 - а) хранить, развивать и приумножать духовно-нравственные, патриотические и культурно-исторические традиции казачества; давать решительный отпор любым попыткам раскола среди казачества и посягательствам на православную веру, ибо вне Матери-Церкви не может быть благочестивого казачества;
 - б) считать важным направлением в жизни казачьего общества формирование традиции воинского братства, воспитания воинов Христовых, верных защитников православных устоев жизни общества;
 - в) способствовать реализации в казачьем сообществе основополагающего принципа жизни казака: «Казак без веры — не казак» через практику воцерковления представителей казачьего общества и членов их семей;
 - г) способствовать активному включению членов казачьих обществ в жизнь православных приходов (регулярное посещение богослужений, участие в церковных таинствах);
 - д) развернуть работу по формированию молодежных православных казачьих организаций;
 - е) создавать казачьи духовно-патриотические клубы и опорные центры по патриотическому и духовно-нравственному воспитанию казачьей молодежи;
 - ж) поддержать инициативу правительства Москвы о проведении всероссийского казачьего фестиваля в столице нашей Родины.
3. Поддержать проекты Концепции и примерной Программы духовно-нравственного развития, вос-

питания и социализации обучающихся в казачьих кадетских корпусах, разработанные рабочей группой Синодального комитета по взаимодействию с казачеством.

Участники конференции поддерживают:

- а) предложение обращения к губернатору Ставропольского края об открытии казачьего кадетского корпуса;
- б) предложение Преосвященного Кирилла, епископа Ставропольского и Невинномысского, о создании епархиального совета атаманов для координации взаимодействия казачьих обществ и приходов Русской Православной Церкви на территории края.

Участники конференции считают необходимым направить настоящую резолюцию в адрес Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла, Совета при Президенте Российской Федерации по делам казачества, Министерства регионального развития Российской Федерации, полномочному представителю Президента Российской Федерации в Северо-Кавказском федеральном округе, руководителям казачьих регионов, главам северокавказских республик, епархиальным преосвященным в казачьих регионах, атаманам войсковых казачьих обществ и общественных организаций казачества для учета в работе мнения участников конференции.

Любо!

Слава Богу, что мы казаки!

Ставрополь, 16–17 августа 2011 г.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Его Преосвященства Преосвященнейшего Кирилла, епископа Ставропольского и Невинномысского, председателя Синодального комитета Русской Православной Церкви по взаимодействию с казачеством 5

ПРИВЕТСТВИЯ

Аппарат полномочного представителя Президента Российской Федерации в Северо-Кавказском федеральном округе 12

Администрация города Ставрополя 14

Ставропольское казачье войско Союза казаков России. 17

ДОКЛАДЫ УЧАСТНИКОВ КОНФЕРЕНЦИИ

Беликов Г. А. Православие — основа духовности казачества Ставрополья, Кубани и Терека и ее разрушение в условиях советской диктатуры 20–30-х гг. 20

Беспалов М. А. Современный опыт взаимодействия войскового казачьего общества и Русской Православной Церкви 31

Великая Н. Н. Укрепление позиций Православной Церкви в терских станицах во второй половине XIX — начале XX века 38

Громов В. П. Православные традиции казачьей семьи — основа духовно-нравственного воспитания молодежи 44

Игумен Петр (Еремеев). Российский православный университет: перспективы высшего образования для казаков 49

Задорожный П. Ф.	Духовные основы казачества	53
Клычников Ю. Ю.	Русская Православная Церковь и казачество на Северном Кавказе в конце XVIII — первой половине XIX веков: единство, трудности и противоречия	59
Котина И. А.	Новые возможности духовно-нравственного воспитания в кадетских казачьих корпусах	70
Диакон Виктор Крючков.	Основные направления воцерковления казачества: из опыта работы Синодального комитета по взаимодействию с казачеством	74
Лихачев А. В.	Взаимодействие казачьих обществ Терского казачьего войска с приходами Русской Православной Церкви	81
Лукаш С. Н.	Православие — духовно-нравственный стержень казачьего мировоззрения	88
Лысенко Н. Ф.	Церковь Казанской иконы Божией Матери в Марухе	107
Матвеев О. В.	Православие в истории и культуре кубанского казачества	111
Новопашин Н. О.	Опыт Ставропольской епархии в создании казачьих общин из людей, попавших в трудную жизненную ситуацию, наркоманию, алкоголизм и успешно прошедших реабилитацию в православных реабилитационных центрах	120
Охонько Н. А.	Актуальные проблемы сохранения историко-культурного наследия терского казачества	123
Ходарев В. В.	О некоторых духовных основах казачества	129

РЕЗОЛЮЦИЯ

Первой Межрегиональной научно-практической конференции «Православие — духовно-нравственный стержень казачьего мировоззрения»	135
--	-----

**ПРАВОСЛАВИЕ —
ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЙ СТЕРЖЕНЬ
КАЗАЧЬЕГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ**

**Материалы
Первой Межрегиональной научно-практической
конференции**

**16–17 августа 2011 г.,
Ставрополь**

**ПРАВОСЛАВИЕ —
ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЙ СТЕРЖЕНЬ
КАЗАЧЬЕГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ**

